

Анна Джолос

Кукла Яся

<https://litres.ru/74485113>

Аннотация

Впервые Дымницкий увидел Ясю на автозаправочной станции. В глаза сразу бросилось то, что девчонка была невероятно хороша. Её внешность не мог испортить ни дурацкий ярко-оранжевый комбинезон, совершенно неподходящий по размеру. Ни дешёвая, потёртая кепка, с изображением известной мультипликационной мыши. Хрупкая фигура, кукольное личико, дерзкий взгляд. Она держала в руке заправочный пистолет и смотрела на табло, пожёвывая жвачку. Ещё и пузырь раздувала. Огромных размеров, розовый. Заговорить с ней – было первой ошибкой. Попытаться дать хорошие чаевые – второй. Мало того, что мелкая зараза нагрубилась ему, так ещё и, как выяснилось часом позже, оставила без кошелька...

Содержание

Глава 1 Королева бензоколонки	5
Глава 2 Горький вкус свободы	14
Глава 3 Неприветливая столица	26
Глава 4 Один день из жизни Чебурека	36
Глава 5 Актриса	48
Глава 6 Трофей	61
Глава 7 Расплата	74
Глава 8 Гости	84
Глава 9 Паровоз и Ко	98
Глава 10 Пацаны	112
Глава 11 Реактивная	129
Глава 12 Операция «П»	141
Глава 13 Ментяра в юбке	159
Глава 14 Хозяин автосервиса	172
Глава 15 Замес в Бобрино	186
Глава 16 Яся горит	201
Глава 17 ОБП	213
Глава 18 Жестокая правда	222
Глава 19 Разговор по душам	235
Глава 20 Тот самый Жаров	248
Глава 21 Бортич на максималках	258
Глава 22 Вскрываем карты	268
Глава 23 О боли	278

Глава 24 Error 404	290
Конец ознакомительного фрагмента.	294

Глава 1 Королева бензоколонки

Кирилл

– Ты на заправку хотел заехать, не забыл? – напоминаю другу, указывая на знак.

– Точно.

Илья включает поворотник и перестраивается в крайнюю правую полосу, откуда сворачивает на узкую дорогу, ведущую к автозаправочной станции.

– Остыл чуток? – спрашивает Антон, когда подъезжаем к свободной колонке.

– Ты о чём? Я в полном порядке, – ерепенится Илья, всем своим видом транслируя равнодушие.

– Точно, Илюх? – отражает Черепанов с сомнением. – Мне показалось, что ты...

– Тебе показалось, – злится Паровозов. Глушит движок, открывает дверь и выходит на улицу. Продышаться.

Н-да...

Чтобы вы понимали масштаб трагедии, поясню: мой дружбан только что случайно заприметил свою девушку в салоне чужой тачки.

Ребята вроде как расстались пару месяцев назад, но подгорают у парня конкретно. Как бы он не убеждал нас в обратном, ревнует безбожно. Невооружённым глазом видно.

– Совет хочешь, бро? – тоже выбираюсь наружу.

– Обойдусь как-нибудь, – сразу отказывается, отмахнувшись.

– Просто песни Рыжей на досуге послушай. Те, которые последние.

И ещё одно небольшое пояснение: у его Сашки есть ютуб канал, куда она выкладывает своё творчество.

– На кой они мне сдались? – Паровозов начинает беситься.

– Да так... Мне показалось, что о тебе поёт, – опускаю на глаза очки. Раскидываю руки в стороны и, выпятив грудь, потягиваюсь, чтобы размяться. Затекло всё.

– Вам чёт слишком много кажется... Пусть дальше поёт. Поезд ушёл, – рубит железобетонно.

– И далеко?

– Дальше, чем можешь себе представить.

– Жаль. Очень жаль...

Хорошая была пара. Как я люблю, на лютых контрастах: студентка университета МВД и бандюган. Ну класс же?

– Чё льём? – раздаётся совсем рядом.

Поворачиваю голову. У капота нашей тачки, уперев руки в бока, стоит девчонка, одетая в ярко-оранжевый комбинезон и серый свитер, явно совсем неподходящий ей по размеру.

– Ну и? Долго соображать будем? – она поправляет козырёк кепки и закидывает в рот жвачку. Пол пачки подушечек, не меньше.

– А ты заправщик, что ли? – уточняю удивлённо.

– А кто, по-твоему? – она щурит глаза от лучей осеннего солнца и медленно выдувает огромных размеров пузырь. Розового цвета.

Бах!

Пузырь лопается и исчезает у неё во рту.

Девчонка проходится языком по губам и невозмутимо продолжает жевать.

– Девяносто восьмой, полный бак, – Илюха отмирает первым.

Она кивает и достаёт нужный пистолет.

– В кассу надо. Или через приложение можно оплатить, если карта привязана, – объясняет без особого желания.

Пока друг разбирается с оплатой, я внимательно наблюдаю за нашим заправщиком.

Сколько ей? Выглядит совсем юной и, прямо скажем, совсем не вписывается в антураж АЗС. Худенькая. Кукольное личико: чистая, бледная кожа, тонкий нос, в меру пухлые губы.

Чисто машинально признаю: красивая. При том, что абсолютно не накрашена и явно не заморачивается по поводу своего внешнего вида.

– А ты-то чё встал над душой? Контролировать? – наезжает, поднимая на меня недобрый взгляд.

– Угадала, – встречаемся глазами. – Вдруг дизель с бензином перепутаешь, и немецкому мотору кабзда. Концерн бмв

не для того их собирал.

– Не ссы за концерн! Я свою работу выполняю как надо, – насмешливо фыркает, ловко открывая хитромудрую заглушку.

Справились. Похвально.

– Больше работать негде, что ли? – опираюсь задом о крыло автомобиля и неотрывно отслеживаю каждое её движение. – Вредно тут постоянно находиться, ты в курсе? Пары бензола и всё такое...

– Я в курсе, умник, – цокает языком, – но иногда выбирать не приходится, – бормочет себе под нос и отходит к соседней колонке, у которой в этот момент останавливается длинный белый мерседес.

Переглядываемся с Илюхой. Выгибаю бровь и он озадаченно хмыкает.

Девчонка тем временем возвращается к нашей колонке и, зевнув, проверяет цифры, бегущие на табло.

– Как тебя зовут? – спрашиваю зачем-то.

– А я как беда. Меня не зовут. Сама прихожу. Ещё вопросы? – осведомляется ледяным тоном. – Или перейдём к моей любимой части – прощанию?

Еле сдерживаю улыбку.

– Реально, не пробовала заняться чем-то другим? – достаю из бумажника косарь и протягиваю ей.

– И чем же? – уточняет она насмешливо.

– В твоём случае масса вариантов.

– Да ты что! Может и предложение имеется? – забирает купюру и подходит ближе. Судя по выражению лица подумала, что предлагаю херню какую-то.

– Послушай...

– Масса вариантов? Ага, как же! Думал, на бабки поведусь? В моей жизни не настолько всё плачевно! Забери свой косарь назад и гуляй, сутенёр недоделанный! – резко толкает меня в грудь.

– Сдурела?

Её выходка просто поражает.

Бешенная, что ли? Нет бы обрадовалась щедрым чаевым.

– Проваливайте отсюда! – показывает средний палец. – Собрали мне тут очередь километровую! Козлы московские!

Нормально...

– Нет, ну ты это видел, а? – в шоке таращусь на дерзкую девицу, шагающую обслуживать паркетник, ставший по соседству.

Фа-фа...

Нам упорно сигналият тачки, ожидающие своей очереди.

– Да уезжаем, эй да! – успокаивает взбунтовавшихся Илюха. – Садись, – хлопает меня по плечу. – Поехали.

– Жёстко она тебя бортанула, – доносится до меня голос Черепанова, оставшегося в машине.

– Да в смысле бортанула? – поворачиваюсь.

– Подкат – отстой, братан! Не обессудь.

– Какой подкат? Взгреть хотел нормальными чаевыми, –

поясняю свои действия.

– Кто кого взгрел – вопрос спорный! – гогочет этот приду-рок и я наклоняюсь вперёд, чтобы отвесить ему подзатыль-ник.

– Идиот.

– Обломинго! – лохматое чувырло ловко уворачивается, но я цепляю пацана за куртку. – Отвали, пикапер-неудачник.

Хватаю его за ухо и тяну вниз.

– Аааа, мать твою, больно!

– Оторву.

– Скажи, ударило по самолюбию, да? Она отбрила тебя на десяточку, согласишься?

– Да кто её клеил? Дичь не неси. На кой икс мне сдалась эта малолетка?

– Ну-ну. Пялился на неё как маньяк. Аж слюни вон потекли! – кривляется, пытаюсь изобразить меня.

– Не сочиняй, долбоящер, – получает от меня хорошую затрещину.

Сам не знаю, почему он так бесит. То ли не хочу призна-вать, что девчонка и правда приглянулась. То ли до сих пор нахожусь в растерянности после её выходки.

– Не расстраивайся. Лузер ты наш престарелый, – не уни-мается Антон, нарочно продолжая меня провоцировать. – Тебе почти тридцатник, так что...

– Падла, иди сюда!

– Да харэ, прекращайте. Пока мы не вмазались в бетонную

плиту, – не выдерживает Илья, однако мы на его слова не обращаем никакого внимания. Маемся дурью до самого супермаркета. Только там на парковке успокаиваемся. Почти.

– Продинамила, – Антон снова ржёт, поправляя патлы.

– Завали хлебало, Череп, – цежу сквозь зубы, выбираясь из салона.

– Погнали, придурки, надо хорошенько затариться, а времени у нас в обрез, – Илья широким шагом направляется в магазин, в котором мы проводим ближайшие минут пятнадцать-двадцать.

Обследовав все ряды и основательно наполнив тележку продуктами, плетёмся к выходу.

– Оплата только за наличные! – раздражённо цокая языком, сообщает кассирша.

– Так вот же терминал, – тычет в него пальцем Антон.

– Так не работает! – язвит тётка, поправляя дичайшую конструкцию, сооружённую на голове.

– А написать объяву?

– Молодой человек! У меня люди! Мне писать некогда!

– Нал есть? – поворачивается ко мне Илья.

Киваю и лезу в карман своей косухи. Проверяю один. Второй. Хлопаю по карманам джинс. Спереди. Сзади.

– Не понял... Тох, а ну-ка сгоняй в машину.

Там оставил бумажник, что ли?

Кассирша театрально вздыхает и закатывает глаза.

– Вы будете оплачивать или нет?

– Решаем проблему.

– А все ждать должны!

– Давайте уже быстрее!

– Освобождайте кассу! – лютуют граждане из очереди.

– Вы чего такие нервные, уважаемые?! – Илья пытается быть вежливым. Насколько это вообще возможно.

– Потому что всем домой надо!

– У меня сериал начинается!

– Меня муж голодный ждёт!

– А у меня собака обсыкается! – наперебой орут посетители магазина.

Поглядываю на автоматически раздвигающиеся двери.

Ну и где этот олень? Только за смертью посылать!

– Переводи на эти цифры, быстрее будет, – какой-то мужик из очереди суёт Паровозову наличку и протягивает визитку.

– Благодарю.

Ну слава Богу!

Хватаю пакеты, когда ситуация разрешается.

– Ваш чек, приходите ещё, – произносит дежурную фразу кассирша. Таким тоном, что уж лучше промолчала бы.

– Грымза, – констатирует Илюха.

– Терпеть не могу магазины и рынки...

Выходим на улицу.

— Какого ты так долго? – ору Антону, зависнувшему у машины.

– Нет там твоего бумажника, я везде посмотрел.

– Глаза на жопе? Там он.

– Да нет же, говорю!

Кретин.

Илья открывает багажник. Складываю туда пакеты и принимаюсь искать портмоне самостоятельно. В бардачке смотрю. На сиденье. Под ним. Сзади. В двери. На полу.

Чё за херня такая?

Озадаченно плююсь на асфальт и вдруг до меня доходит...

– Вот сучка! – сжимаю челюсти до хруста, когда понимаю, что бумажник украла та девчонка с заправки.

– Твою мать!

– Ой не могу! – Черепанов ржёт как коняка. – Ну ты и лошара, Дымыч! И много там было?

– Двадцатка.

Но не так важны деньги, как сам кошелёк и те личные вещи, которые в нём лежали.

– Ты чё, Кир? – Паровозов, закрыв багажник, вопросительно вскидывает бровь.

– Ты представляешь, Илюх, она спёрла моё портмоне!

– Кто? – друг явно не догоняет с ходу.

– Кто-кто блять! Грёбаная королева бензоколонки! – ору я, ощущая, как вскипает кровь в венах.

Глава 2 Горький вкус свободы

Яся

пару месяцев назад

– Тут черкани и свободна, – сообщает толстый лысый ментра, вольготно развалившийся на стуле.

– А паспорт мой где? – спрашиваю, параллельно с этим читая то, что подписываю.

– Куда пойдёшь? – служитель закона не торопится отдать мне документ.

– Вам-то какое дело? – бросаю ручку, поднимая на него недружелюбный взгляд.

– Своей приёмной семейке ты не нужна. На нормальную работу не устроишься.

– Это вы сейчас к чему клоните? – уточняю хмуро.

– Как это к чему? Беспокоюсь о тебе, милая.

– Не стоит.

– Красивая ты девчонка, Яська! – его маленькие поросы-чьи глазки исследуют каждый сантиметр моего тела, и я ощущаю острый приступ подкатывающей тошноты.

– Паспорт давайте, – чеканю, мечтая как можно скорее уйти из этого кабинета.

– Подумай хорошенько. Мужикам ты нравишься. Могла бы хорошо зарабатывать. Снимешь квартиру, будешь покупать себе шмотки и цацки.

– Крышуете проституток? – фыркаю пренебрежительно.

– Ну зачем же так грубо, – его губы растягиваются в мерзкой улыбочке.

– Не отрицаете?

– Ты уже взрослая девочка. Понимаешь, что к чему. Да не переживай, Хайдаров тут не появится, – замечает, как я время от времени кошусь на дверь.

– Я не боюсь его, – высекаю уверенно, но по спине и рукам бежит неприятный озноб, стоит только вспомнить о том, что случилось два года назад.

– Хорошенько ты ему тогда засадила. До сих пор шрам на пол морды.

– Можно мне уйти уже?

Под столом сцепляю пальцы в замок и пытаюсь унять неконтролируемую дрожь.

– Подумай над моим предложением, Ярослава. Вот телефон, звякни, – пишет номер, затем лезет в ящик стола, достаёт оттуда мой паспорт и наконец отдаёт его мне. Вместе с тем листочком.

Подрываюсь со стула.

– Пошли вы на хер, Алексей Петрович, – хватаю заветный документ, а бумажку швыряю ему чуть ли не в морду.

Тикай, Ясь, тикай. И как можно быстрее.

– До встречи, – доносится до меня его противный смех.

Козёл.

Практически перехожу на бег. С колотящимся о грудную

клетку сердцем несусь по коридору.

– Осторожнее!

Налетаю на тётку в погонах, но даже не извинившись, шурю на КПП.

– Выпустите, – стучу дежурному в окно.

– Не так быстро, – парень лениво принимает сидячую позу. – Паспорт давай.

Закатываю глаза. Открываю и припечатываю к стеклу, не желая отдавать документ в чужие руки.

Дежурный хмыкает.

– Бортич Ярослава Андреевна, – непозволительно долго фиксирует у себя в журнале.

– Теперь я могу идти?

– Распишись.

Задолбали!

Раздражённо вздохнув, делаю что велено.

– Твои вещи, – он отдаёт мне тот злополучный рюкзак и нажимает на кнопку.

Ура!

Торопливо покидаю ненавистное помещение, а затем и огороженную территорию.

Наверное, только оказавшись за тяжёлыми воротами, понимаю, что вот он, этот день настал. Иду по аллее меж зелёных деревьев. Подмечаю всё до мелочей: стрекот сверчков, запах свежескошенной травы, синеву неба.

Грудь распирает от неведомого доселе чувства. Сглатываю.

ваю тугой ком, вставший в горле, и ускоряюсь, не позволяя себе позорно разрыдаться.

Как же жарко...

Оттягиваю ворот старого свитера. На дворе лето, а одета я совершенно не по погоде. Впрочем, плевать.

Разве имеет это значение?

Бреду к пустой остановке. Там усаживаюсь под козырёк на лавку. Трясущимися пальцами расстёгиваю рюкзак и сдерживать слёзы всё же не удаётся, когда я рассматриваю его содержимое. Запечатанная зубная щётка. Новая расчёска. Резинка для волос. Дезодорант. Салфетки.

Не обнаруживаю в карманах только денег и mp3 плеера, купленного накануне несостоявшейся поездки.

Дёрнув молнию, шумно шмыгаю носом.

Не хочу возвращаться мыслями в тот день. Хочу всё забыть и начать жизнь сначала. С чистого листа.

– Добрый день. Пекло-то какое...

Рядом со мной присаживается пожилая женщина. Противрает взмокшее лицо платком. Ставит у ног пустую продуктовую корзину.

Видимо, навещала кого-то.

Повезло. Ко мне вот никто не навевывался с тех пор, как я тут оказалась...

Мимо проезжает машина. Она же потом сдаёт назад. Опускается стекло, и я внезапно теряю способность поглощать кислород.

Нет. Только не он!

В мозгу срабатывают всевозможные сигналы SOS, и мне бы бежать отсюда, сверкая пятками, но моё тело в ступоре. Онемело. Окаменело вмиг.

Он за мной приехал!

Подждал?

– Ой, как славно, – словно через вакуум долетают до меня слова старушки, и уже в следующий момент чудовищный зрительный контакт разрывает автобус, появившийся буквально из ниоткуда.

Не медля, заскакиваю в распахнувшиеся двери. Абсолютно не думая о том, чем буду платить за проезд.

Поехали, скорее!

Занимаю место в конце салона и с опаской поворачиваю голову влево.

Тот, с кем я так не желала пересекаться, всё ещё внимательно наблюдает за мной. И да. Ему определённо мало того, что я, благодаря его стараниям, ответила по полной за свою выходку.

Глаза обещают расправу.

Найдёт, точно найдёт. И худо будет.

Добравшись до вокзала Екатеринбурга, иду на поиски маршрутки, которая довезёт меня до улицы 8 Марта.

Вы спросите, откуда у меня взялись деньги? Я отвечу. Спасибо той пожилой женщине с остановки. Она вмешалась

в скандал, разгоревшийся с появлением контролёра. Оплатила мне проезд, усадила рядом, дала погрызть яблоко и двести рублей вдогонку, быстро смекнув, что передвигаться по городу я могу лишь пешком.

Почему она так поступила? Да элементарно пожалела меня, ведь чуть позже в ходе беседы, больше похожей на её монолог, выяснилось, что её несовершеннолетний внук сейчас находится в том самом учреждении, стены которого я покинула.

Печально...

Пока еду в маршрутке, всю дорогу неотрывно таращусь в окно, невольно вспоминая, как когда-то беззаботно гуляла с друзьями по этим улицам и проспектам.

Ничего особо не изменилось. Разве что новые магазины, да салоны появились тут и там. И машин стало больше.

Выхожу на воздух. Пять минут – и вот я во дворе нашего многоквартирного дома. Здесь всё осталось прежним. Теннистая аллея. Обшарпанная детская площадка. Стоянка.

Запрокинув голову, отсчитываю семь этажей и даже отсюда замечаю, что папоротников у моей приёмной матери, Инны Валерьевны, стало ещё больше, чем раньше. Целый палисадник развела.

Рядом об асфальт шаркают шины. Короткостриженный подросток в футболке с изображением черепов набирает код, и уже вскоре его впускают в подъезд.

– Подержу, – открываю дверь пошире и подпираю ногой,

чтобы он мог без проблем затащить велосипед.

– Спасибо, – сворачивает влево, а я плетусь вдоль свежеразкрашенных стен к лифтам.

Поднимаюсь с тяжёлым сердцем.

Решимость и осознание того, что поступаю верно, ощущаю на нужном этаже, когда пальцы уже тянутся к дверному звонку.

Прислушиваюсь.

Там за стеной весело. Музыка. Смех. Голоса.

Плевать...

Нажимаю на кнопку.

Один раз. Второй. Третий. Четвёртый.

Я просто обязана с ним встретиться. По-любому!

Щёлкает замок.

Музыка становится громче, а передо мной материализуется тощая, размалёванная блондинка с каре. Короткая юбка, чёрный топ с верёвками под горло. Каблуки.

– Тебе чё? – сдвигает брови-ниточки на переносице, осматривая мой стрёмный «прикид».

– Сдрысни, – отодвигаю её плечом в сторону и захожу в квартиру.

– Ээээ, ты куда?

Минуя прихожую, направляюсь в зал. Собственно, оттуда доносится рёв из колонок и смех.

– Зай... – беспомощно кудахчет за моей спиной Пергидроль.

Опираюсь о дверной косяк и безошибочно определяю макушку Зай, сидящего в излюбленном кресле.

Примерно в это же время один из его друзей узнаёт меня и орёт «Яська, ты?». А там уже дальше и музыка выключается, и, собственно, сама Зая ко мне поворачивается.

– Привет, Денис.

Глаза в глаза друг другу смотрим и во мне с новой силой поднимается разрушительная по мощи буря разочарования и злости.

– Яся? – обалдело на меня пялится. Аж сигарету роняет. – Твою мать! – вскочив, поспешно стряхивает пепел с кожи и бросает окурок в тарелку.

– Развлекаешься, пока предки на работе? – вскидываю бровь.

– Зая, это кто такая, я не догоняю, – недовольно щебечет его подружка.

– Поговорим наедине? – Денис цепляет меня за локоть и тянет за собой в коридор. – Ты зачем сюда пришла? – понижает голос. Так, чтобы нас не услышали.

– Как зачем? – выдёргиваю руку. – В глаза тебе посмотреть.

– Посмотрела? – закрывает дверь в комнату прямо перед носом сгорающего от любопытства Пергидроля.

– Посмотрела, – киваю, внимательно изучая его лицо и тело.

Изменился.

Вырос. Ещё больше оброс мышцами. Возмужал.

Но всё это только внешне... Мне ли не знать, что начинка там – полное дерьмо.

– Уходи. Мать и отец не хотят тебя видеть.

– А ты? – даже не пытаюсь скрыть сарказм.

Денис молчит. Только сжимает губы и отводит взгляд.

Усмехаюсь.

Забавно, а ведь когда-то мне казалось, что я искренне люблю этого парня.

– Ну ты и сволочь... Конченный трус.

– Не устраивай концерт, пожалуйста.

– Ничего не хочешь сказать? – прищуриваюсь.

– Например?

– Как насчёт извинений?

– За то, что в Америку не поехала по подиуму ходить? – у него хватает наглости косить под дурака.

– Нет. За то, что жизнь мне сломал.

Сводный брат вздыхает.

– Просто так вышло, Ясь. Обстоятельства, понимаешь?

Так вышло.

Обстоятельства.

– Ты сейчас серьёзно?

Секунда. Две.

В ушах грохочет пульс. В груди бурлит ярость.

Лопается натянутая струна.

Залепляю ему тяжёлую, звонкую пощёчину. Такую, что он аж охеревает, едва не потеряв равновесие.

– За дело, согласен, – прикладывает ладонь к моментально покрасневшей щеке.

Разворачиваюсь и иду к дальним комнатам. Одну из которых раньше занимала я.

– Стой, ты куда?

– Заберу вещи.

– Там нет твоих вещей, – бросает в спину, когда я толкаю дверь. – Всё шмотьё и остальное родители раздали по соседям и выкинули.

Почти не слышу его голос. Таращусь на детскую кроватку, стены с изображением жёлто-голубых уток и игрушки.

Думала, что при любом раскладе больно не будет, но...

– Сказал же, – Денис выводит меня оттуда.

– Не трогай! – вырываюсь, царапая его татуировки ногтями.

– Тихо ты, бешеная...

– Я сказала тебе, не трогай меня!

Разорвать его готова, клянусь! Уничтожить. Размазать.

– Ненавижу... – звучит яростным шёпотом.

– Тебе лучше уйти, Ясь, – он фактически выталкивает меня в прихожую. – Подожди, постой тут. Я дам тебе денег, ты заслужила.

Исчезает.

И впрямь пошёл за деньгами?

Громко смеюсь, качая головой.

Так мерзко мне становится. Так горько...

«Заслужила».

– Пошёл ты...

Поднимаю с пола свой рюкзак. Подхожу к двери. Выбираюсь на лестничную клетку и пешком спускаюсь по ступенькам.

Семь этажей.

Семь лестничных пролётов.

Подъезд.

Двор.

Аллея.

Соседняя улица.

Бреду в никуда. Каким-то образом попадаю в парк. Опускаюсь на свободную скамейку и мутным взором окидываю окружающее пространство.

Зелёная трава.

Воркующие парочки, сидящие прямо на ней.

Клумбы с пёстрыми цветами.

Фонтан.

Лающая собака.

Визги.

Бегающие под струями дети. Весёлые. Счастливые...

Сколько по времени сижу там, не знаю. Очевидно, что долго, ведь вскоре начинает смеркаться. Успокоившись, беру себя в руки. Привожу мысли в порядок. Встаю со скамей-

ки и ухожу оттуда прочь, уступив место компании неформалов.

Покинув территорию парка, шурую к дороге. Там вновь сажусь в автобус, однако на этот раз он везёт меня в обратном направлении.

На федеральной трассе оказываюсь уже тогда, когда на улице темнеет окончательно. Иду вдоль дороги. Разворачиваюсь лицом ко встречному движению и, закинув рюкзак на плечо, поднимаю руку.

Никогда раньше не голосовала на трассе, пытаюсь поймать попутку, однако выбора у меня нет. Как впрочем, и желания оставаться в родном, но таком чужом Екатеринбурге...

Глава 3 Неприветливая столица

До Москвы добираюсь сутки и семь часов спустя, за это время прямо-таки возненавидев Надежду Кадышеву и ансамбль «Золотое Кольцо».

Водитель фуры, которому я упала на хвост, всю дорогу пытал меня их песнями. Меня, жителя Екатеринбурга, столицы русского рока, откуда родом всем известные «Наутилус Помпилиус», «Агата Кристи», Чичерина, «Смысловые Галлюцинации», а ещё Клава Кока и Нилетто, которых так обожает нынешняя молодёжь.

Ладно, в общем-то, грех жаловаться, ведь мне повезло встретить этого добросердечного человека поздней ночью. В тот момент, когда я уже совсем отчаялась.

Что не попутка, то какие-то мутные черти попадались. То нетрезвая компания парней. То машина, битком набитая чеченцами, едва говорящими по-русски. То мужик в шляпе на старом пикапе, напоминающем те, которые обычно показывают в американских фильмах про маньяков.

Был ещё один перец в дорогом деловом костюме, на крутом внедорожнике. Но и этот, к сожалению, поинтересовался, работаю ли я. Представьте себе, за проститутку принял.

Короче, положая руку на сердце, автостоп – затея так себе. Опасно и непредсказуемо, особенно для нас, девочек. Так что, спасибо Всевышнему за то, что послал дядю Борю, лю-

безно согласившегося подбросить меня до столицы.

Кстати, о ней... Я в Москве впервые. Что могу сказать. Какой огромный город! Чудовищно огромный! Сомневаюсь, что осознаю его масштабы, но выглядит он и правда пугающе. Эдакий бешеный муравейник. Один только перегруженный МКАД чего стоит.

– Где тебя высадить, Яська? Мы почти доехали до склада, на котором я разгружаться буду.

– Отлично. Не парьтесь. Там и выскочу, – убираю расчёску в рюкзак.

– Обманула, что к тётке едешь, – озвучивает вслух свою догадку. – Так и не расскажешь, от кого бежишь?

– От прошлой жизни бегу, дядь Борь.

– Девчонке одной в Москве быть не гоже, – произносит нахмурившись, когда останавливает фуру у продуктовой базы, принадлежащей известной сети супермаркетов.

– Я сильная. Справлюсь.

– Ни денег, ни знакомых. И как же ты справляться собираешься? – вздыхая, глушит мотор.

– Нормально всё будет. Разрулится, не очкуйте.

– Выражения твои... – головой качает.

– Ну, я пошла, – пальцы касаются дверной ручки. – Спасибо вам ещё раз. Хорошей обратной дорожки. С внучкой обязательно помириться, – напоследок наказываю строго. – Родных надо ценить, когда они есть.

Он кивает.

С Виллеттой дядя Боря не общается из-за её жениха. Точнее из-за того, что тот её «обрюхатил» и вынудил бросить университет.

– Удачи тебе, Яся.

– Угу.

– Стой, – окликает, уже когда спрыгиваю из кабины на землю. – Возьми, – отдаёт пакет. Заглядываю в него и обнаруживаю там своего рода сухой паёк.

– Да зачем, оставьте. Не нужно.

– Бери-бери, проголодаешься – поешь, – настаивает он и в приветствии поднимает руку, махнув грузчикам, лениво бредущим в сторону фуры.

Итак, первый день моего пребывания в Москве.

Попытка заполучить работу на продуктовом складе с треском проваливается. Вакансий там не обнаруживается, и я решаю, что в неприглядной промзоне оставаться смысла нет. Смело еду дальше. Поближе к центру. Так, чтобы территориально находиться не на окраине.

Знакомство с московским метро выходит интересным. Это вам, конечно, не подземка Ёбурга, состоящая из девяти станций. Это настоящая паутина. Я как увидела схему, так и зависла возле неё минут эдак на десять. И да, само собой, первым делом в дурную голову пришла идея немедленно посетить Красную площадь.

Горе-путешественник. Без телефона, блин. Без карты.

Та и ладно. Язык, как говорится, до Киева доведёт.

И впрямь ведь оказывается, что желающих увидеть главную достопримечательность страны невероятно много. Каждый второй. Туристы, студенты, приезжие и странные персонажи, вроде меня, толпой движутся в нужном направлении и по итогу, я добираюсь до территории Кремля.

Красиво там, не спорю. Кто был, тот согласится.

Особенно мне понравился расписной Собор какого-то Блаженного и парящий мост в Зарядье, с которого открывается симпатичный вид на Москву-реку.

Но давайте вернёмся к более важным вещам. Впечатления впечатлениями, прогулка прогулкой, а вечером остро встаёт вопрос, где ночевать.

Когда ты с пустыми карманами, вариантов не так чтобы много. Улица, парки, переходы, подъезды жилых домов, ночлежки для бомжей, непонятно где расположенные.

Я придумываю кое-что другое. Иду в помещение с банкоматами. Чудеса, но двери там открыты круглосуточно.

Вот вам и плюс большого города. Пока единственный.

День второй.

Начинаю активно искать работу. Сперва приличную, разумеется. Однако обламывают меня жёстко.

– Он мне такой: давай покатаю тебя по ночной Москве. Потом поедem в ресторан и ко мне заглянем в башню.

– А ты что, Марин?

– Что я? Поломалась немного, приличия ради, а потом по-

ехала, естественно. У него хата в Москва-Сити. Там панорамные окна и...

– Здрасьте, – прерываю рассказ девушки, стоящей за витриной.

– Добрый день, – нехотя отвечает она, перемещая взгляд с коллеги на меня. Изучает от головы до пят и косится в сторону скучающего у входа охранника.

– Тут на флаере написано, что в ваш ювелирный рай требуется продавец-консультант, – осматриваю площадь магазина. Внушительная.

– По поводу работы, что ли?

– Да, – снова проворачиваюсь к ней.

Её вареник кривится в усмешке.

– Нужно заполнить анкету, – подключается к нашему диалогу вторая девушка. – Вот.

– Тань, ты прикалываешься? – Рыжеволосая выдёргивает листок из её рук. – Ты нам не подходишь.

– Я что-то пропустила момент, в котором мы перешли на ты, – замечаю хмуро.

Меня не столько это задело, сколько тон её высокомерный взбесил.

– Вы нам не подходите, – отрезает краля сухо.

Снова вы.

– Кто тут главный? Как попасть на собеседование?

– Что, прямо сейчас?

– Нет, блин, через год, – закатываю глаза.

– Совет – не стоит даже пытаться. Не возьмут.

– Это пусть решает ваше начальство.

Она раздражённо вздыхает.

– Ну так что? Где сидит директор?

– Директор...

– Да, он самый.

– Уходите девушка, иначе я сейчас позову охрану, – угрожает вдруг.

Чего-чего?

– Слушай, не понимаю, в чём проблема? Я просто хочу перетереть с руководством по поводу работы.

– Управляющей нет на месте, – подаёт голос блондинка.

– А когда будет? Я подскачу.

– Не надо подсакивать. У нас есть определённые... стандарты, учитываемые при приёме на работу.

– И что за стандарты?

– Вы в них не вписываетесь.

– А поконкретнее?

– Зеркало на колонне.

– И?

Вот так сразу до меня и не доходит. Спасибо, секунду спустя мне расшифровывают.

– Внешний вид несоответствующий, – холодно сообщает, вздёрнув подбородок.

Внешний вид несоответствующий...

Кто бы говорил!

– Кстати, утка Марина, про зеркало, – подхожу ближе, – губы сделаны безобразно. Мастер был криворуким или так задумано?

– Ты...

– Тени совершенно не подходят под цвет глаз, тональный крем сильно желтит, разница с шеей конкретная. И да, ещё брови... они по толщине разные, – довольно хмыкаю, заканчивая свой монолог.

Не, ну а чё? По факту разнесла же.

– ГЕН, – побагровев, громко обращается к плечистому бугаю, затянутому в классический костюм, – проводи эту обормотку до дверей, пока она что-нибудь у нас не украла!

– Ээ, подождите!

Но охранник уже цепляет меня под локоть и тащит за собой.

– Что за беспредел? Алё! – брыкаюсь. – А ну, руки убрал!

– На выход...

Вот так меня наглым образом ни за что ни про что выставляют на улицу.

– Иди, пока ментов не вызвали.

Показываю ему средний палец и ныряю в толпу.

Между прочим, если бы я хотела что-то стырить, то обязательно бы это сделала. Умею.

Слышали поговорку? Она начинается с таких слов: «Встречают по одежке...». Так вот, убедиться в том, что это

действительно правда, мне приходится ещё не раз. Однако даже тогда, когда удаётся воровством раздобыть себе шмотки, проблема с работой не решается. Не получается устроиться ни в кафе официанткой, ни администратором в салон красоты, ни кассиром в кинотеатр при ТЦ. Смазливое личико помогает лишь на этапе собеседования. Потом выясняется, что везде нужен опыт и прописка (хотя бы временная регистрация).

Во всяком случае, именно так мне говорят.

Подозреваю, что не только в этом причина, ведь в одном из магазинов намекают на то, что с таким прошлым, как у меня, отыскать в Москве работу будет очень трудно.

Пока, в принципе, трудно всё. Достать еду и средства к существованию. Найти пристанище.

Крайнюю неделю, например, я ночую в одной из пятиэтажек спального района. Прямо на лестнице, ведущей к чердаку. Там, тепло, тихо и относительно безопасно. По крайней мере, до тех пор, пока однажды меня не будит сварливая бабища, притащившая с собой участкового.

– Подъём!

Растерянно моргаю, подняв голову с колен.

– От она, говорю же, бомжует. Я давно её заприметила.

Орлиный глаз, блин. Вот какого фига? Никому же не мешаю. Как мышь здесь сижусь.

– Ты проверь. Не наркоша ли? Синяки вон какие! Блед-

ная, худючая.

– Вы очумели? Никакая я не наркоманка! – восклицаю возмущённо.

– Слушай, Жор, мож она сбежала откуда? А родители ищут.

Не могу сдержать усмешку.

Родители. Ищут.

Ну-ну.

– По телевизору недавно показывали передачу про неблагополучных подростков. Игры там у них какие-то, задания, квесты, секта.

О Бож...

– Девушка, вечер добрый, – басит усатый мужик в форме.

– Ниоткуда я не сбегала, – отвечаю сразу. – Мне восемнадцать, – поднимаюсь со ступенек и поправляю лямку рюкзака. Он всегда на плече.

– Документы имеются?

– Имеются.

Но ищи ты их получишь!

– Москвичка или приезжая? – сощуривает один глаз, внимательно меня разглядывая.

– Допрос, что ль?

– Пока ещё нет.

– Вы не представились. Откуда мне знать, что передо мной не оборотень в погонах? – выгибаю бровь.

– Шибко умная, я смотрю. Паспорт давай.

Щас!

Делаю вид, что расстёгиваю молнию на рюкзаке. Менту, на удачу, кто-то звонит и я, воспользовавшись ситуацией, резко даю дёру.

– А ну стой!

Бабка кудахчет на весь дом.

Лестничные пролёты и окна быстро мелькают перед глазами.

Утикаю оттуда с такой скоростью, что любой спринтер позавидовал бы...

Глава 4 Один день из жизни Чебурека

Дня через три мне наконец удаётся заполучить работу. Не вот тебе прям какую классную, но вполне себе неплохую.

Промоутер – звучит, вроде как, круто.

На деле же ты просто раздаёшь прохожим листовки с рекламой. Та и ладно. В принципе, ненапряжно. Единственный жирный минус – в костюме Чебурека летом ооочень жарко. Ещё только полдень, а я мокрая до трусов. И это при том, что стараюсь периодически прятаться в теньке под деревом.

– Самые вкусные чебуреки в Москве! Таких, вы ещё не пробовали! – вещаю громко, шагая туда-сюда мимо фонтана, установленного перед огромным торговым центром.

– Не надо мне это совать в отцом! – ворчит женщина, поправляя сумку на плече.

Н-да... Стоит сказать пару слов о людях. Жители столицы пока не особо мне нравятся. Какие-то тут все хмурые, неприветливые и набыченные.

Согласна, наверное, вездесущие рекламщики надоедают, но разве сложно просто пройти мимо или вежливо отказаться от флаера? Зачем орать, грубить, посылать матом или смотреть с такой ненавистью, что аж не по себе становится. Странные...

– Самые вкусные чебуреки в Москве!

Какая-то бабуленция останавливается рядом и я вкладываю ей в руки рекламку.

– Вы не отравитесь, будьте уверены! – убедительно сообщаю я. – Самые вкусные чебуреки столицы! ЧБ кафе ждёт Вас!

Мне навстречу бредут шестеро подростков, с орущей колонкой наперевес.

– О, зырьте! – тычет пальцем один из них.

– Э, Чебурек! – окликает второй.

Не проходит и минуты как они выстраиваются возле меня.

– Гля, какой огромный!

– Трешак!

– Хочу себе такой же костюм. Ржач!

– Сфоткай меня с ним, Димыч, – рыжеволосый, конопатый мальчишка резво направляется ко мне. – Здорова!

Вообще, такое происходит часто, но конкретно сейчас мне не нравится его наглость. Мало того, что он без спроса виснет на мне и лезет обниматься, так потом ещё и начинается что-то непонятное.

– Ээ, Чебуречина!

Кто-то толкает меня в спину.

Я от неожиданности падаю. Это вызывает взрыв смеха.

– Дебилы?

Пока поднимаюсь с асфальта, они окружают меня.

– Давайте контент запилим? – предлагает кто-то из толпы.

– Чё, какой? – воодушевляются остальные.

– Снимай, Димыч, – Конопатый придурок мешает мне встать. Толкает на землю ещё раз, издаёт победный клич и мерзко гогочет.

Вот утырок!

– Снимаешь? – интересуется у друга.

– Ага! Передай привет подписчикам.

– Здорова всем! Мы у центра и тут у нас кое-кто...

– Давай дальше. Гаси его. Будет прикольно!

Недоделанный блоггер принимается изображать из себя боксёра. Активно лупит по моему дутому костюму руками. В какой-то момент мне прилетает по лицу, ничем кроме сетки незащищённому.

– Зачёт!

– Сделай музю погромче!

– Врежь ему!

– Покажи приёмчик!

– С ноги дай ему Макс! – подбадривают малолетки.

– Я тоже хочу навалить ему! – подключается кто-то сбоку.

Краем глаза замечаю, что прохожие бросают на нас взгляды, однако, к сожалению, никто из них не торопится мне на помощь. Все куда-то спешат и никого особо происходящее не волнует.

– Сюда иди... – тащат за верхушку костюма.

– Блин, это так смешно!

– Отпинаем его вместе, а? – снова слышу голос конопатого

предводителя.

– Вы охренели?

Но в общем шуме и гаме меня не слышно. Качает музыка, подростки увлечены своим занятием и плевать им на то, что под костюмом находится живой человек.

Уроды!

Замыкает и переклинивает.

Это ведь уже все границы переходит! Ни фига себе детская забава!

Сжав челюсти до хруста, встаю на ноги и спешно отступаю назад, чтобы не дать им возможности вновь повалить меня.

– О, зырьте, наш Чебурек разозлился, – глумится лохматый коротышка.

Ржут.

Делаю ещё несколько шагов назад.

– Эээ, мы ещё не закончили с тобой!

– Догоним, чё?

Но воинственно настроенная я уже сама несусь на Рыжего.

Столкновение.

Сбиваю того с ног.

Изловчившись, освобождаю руки.

Пока разложившийся звездой горе-агрессор соображает, что к чему, хватаю его за ухо и дёргаю вверх.

– Ааа, ааа, – орёт он. – Больно!

– Да что ты! – намеренно тяну сильнее.

– Отпусти, отпусти! – вопит он.

– А чё такое, м? – высовываю голову наружу, чтобы дышать стало немного легче.

– Мы просто прикололись. Ааа!

– Дебильный прикол. Ты в курсе? Стояла бы в этом костюме твоя мать, например. Смешно было бы? М? – сжимаю ухо. – Смешно, я спрашиваю?

– Нннет.

– Офигеть, там девчонка, что ли?! – доносится до нас удивлённый возглас.

– Козлы малолетние. Щас будет вам контент.

– А?

– Снимаешь, Димыч? – поворачиваю голову и натыкаюсь взглядом на белобрысого пацана, держащего перед собой телефон.

– Да, – проверяя экран, отвечает он рассеянно.

– Вот и отлично.

Лупить Конопатого я, конечно, не стану, но проучить зарвавшегося хулигана надо обязательно. И желательно так, чтобы в памяти надолго отложилось.

– Ну-ка сюда быстро! – снова тяну за бордовое ухо и пендалями подталкиваю к фонтану.

– Не надо!

Бах!

Брызги летят в разные стороны.

– Какого... – захлёбывается водой и кашляет. – Что... Что ты делаешь? – пытается помешать реализации моих планов,

но не тут-то было.

– А ну стой! – я настроена более чем решительно.

– Отвали! Отстань, идиотка! – брыкается, сопротивляется, предпринимает попытку отползти и, кажется, приходит в самый настоящий ужас, когда понимает, что таки остался без трусов.

– Макс!

– Макс, офигеть ты лузер!

– Тебя девчонка уделала!

– Отдай! Отдай! – жалобно верещит поверженный лидер, под аккомпанемент хохота своих подпевал.

Вытираю пот со лба.

Фууух, как жарко.

Запыхавшись, осматриваю площадку.

– Ты погляди, сколько зрителей-зевак собрало наше маленькое представление! Обалдеть! Ты станешь настоящей звездой ютуба.

– Отдай мои трусы, дура! – судя по голосу, вот-вот заревёт.

– Эй, что там у вас происходит? Ну-ка быстро вылез из фонтана! – громко ругается охранник, вышедший из торгового центра. – Слышишь меня? А ну вылазь! – быстрым шагом направляется в нашу сторону.

– Ой, кажется, мне пора.

Машу на прощание мокрыми шмотками и, широко улыбнувшись во все тридцать два, исчезаю...

В тот день мне не заплатили. Мужик, который принимал назад костюм Чебурека после рабочей смены, наехал на меня за то, что я его испачкала и испортила. Мои объяснения Вазген, разумеется, слушать не стал.

Орал как ненормальный. Ругался и, по итогу, тупо выгнал меня из чебуречной, предупредив, чтобы не смела возвращаться.

Ага, прям мечтала!

Зацепив с витрины несколько чебурексов, жестом показала, куда ему идти и двинула назад к фонтану, чтобы сесть и спокойно поесть на лавочке. Так сказать, на природе.

Собственно, этим я сейчас и занимаюсь. Вытягиваю ноги вперёд и запрокидываю голову назад.

Что ж... Подведём итоги рабочей субботы.

Весь день, кутаясь в паралон, провела на солнце. (Чуть не получив при этом тепловой удар). Пострадала от рук малолетних идиотов. В довершение ко всему, ещё и осталась без денег.

Класс! «Обожаю» этот город.

Радует хотя бы то, что чебуреки себе урвала. С голодухи они кажутся вполне съедобными.

Жую свой незамысловатый ужин и лениво осматриваю уже приевшуюся площадку центрального входа ТЦ.

Интересно, тут хоть когда-нибудь бывает пусто?

Сколько работала здесь, люди бесконечно шуруют мимо

туда-сюда.

Утром. Днём. Вечером.

В одиночку. Парами. Компаниями.

Кто-то налегке, а кто-то с пакетами, уже по полной затаившись.

Взгляд сам собой цепляется за расфуфыренную кралю в очелах на пол лица, размахивающую телефоном и этими самыми пакетами.

Одета она вызывающе. Короткий, белый топ на завязках. Длинные ноги заканчиваются джинсовой миниюбкой, едва-едва прикрывающей «пилотку».

Трясёт обесцвеченными кудрями. Грудь, явно получившая сегодня полную свободу, тоже подпрыгивает в такт странным движениям.

Ааа. Застряла каблук в решётке!

Доходит до меня, когда присматриваюсь повнимательнее.

Охранник, бросив дымящуюся сигарету в урну, спешит к ней. Приседает рядом и на протяжении нескольких минут активно пытается освободить упрямую туфлю из плена. В какой-то момент есть ощущение, что у него получилось, но вскоре наблюдающие за происходящим, понимают, что это не так. Точнее, не совсем так...

Охранник вместо благодарности получает порцию отборного мата и пакетами по роже. То ли за то, что сломал каблук, то ли за то, что лапал её ляжки. Не знаю.

Злющая блондинка, прихрамывая, топает к лавочкам и

весь её вид выражает полнейшее недовольство.

– Козлина! – швыряет покупки на скамейку.

– Это вы мне? – раздаётся по громкой связи из телефона, который она держит в руках.

– Нет, – поднимает на лоб очки. — Повтори, че ты пронёс до этого, – наклоняется, снимает изуродованную туфлю и, сморщив лоб, её рассматривает.

– Я сотрудник банка, – представляется её собеседник. — На ваше имя час назад был взят кредит на сумму один миллион рублей.

– Чего-чего? – девушка роняет обувь. – Подожди, вы там напутали, что ли? Ничего я не брала! Только за грёбаную шубу весной всё выплатила.

– Действия с вашего аккаунта показались нам подозрительными. Поэтому мы и звоним вам.

– Отлично. Мне чё делать-то? Какой, на фиг, миллион!

– Девушка, давайте вы успокоитесь.

– Успокоиться?

– Сейчас мы всё посмотрим и проверим. Для подтверждения личности продиктуйте, пожалуйста, свой логин и пароль.

– Это какой?

– Для входа в интернет-банк.

Мои губы медленно растягиваются в улыбке.

– У меня где-то в заметках записано, – скачет на одной ноге и реально пытается отыскать данные в телефоне.

– Ну что там, девушка? Нам нужно действовать быстро, – торопит её «работник банка».

– Щас-щас, секунду. Так, нашла. Диктую.

Совсем дура, что ль?

Прям не могу на это смотреть. Встаю со скамейки, подхожу к ней, внаглую отбираю телефон и сбрасываю вызов.

– Ээ, это чё такое? – возмущённо на меня таращится.

– Это мошенники. И ежу ведь понятно, – возвращаю навороченный айфон хозяйке.

– Чего? – хмурится, напрягая извилины. С соображалкой там, по ходу, туго.

– Говорю, развести тебя хотят, а ты ведёшься, – закидываю в рот оставшийся кусок чебурека.

– Ты думаешь, это не сотрудник банка? – её глаза расширяются.

Аллилуйя! Не всё потеряно, может?

– Естественно, нет. Во-первых, этот мужик тебе не представился. Во-вторых, у тебя запросили личные данные от кабинета: логин и пароль. Как думаешь, зачем? – выгибаю бровь.

– Ммм... Чтобы снять моё бабло? – предполагает она, ахнув.

– Бинго! – достаю из пакета второй чебурек.

– Вот сууука! – блондинка гипнотизирует взглядом свой гаджет, одетый в стразы.

– Никогда, никому, ничего не диктуй по телефону. На том конце может быть кто угодно. Даже заключённый.

– У них в тюрьме есть телефоны? – искренне удивляется.

– Всё, что хочешь, тебе достанут.

– Офигеть! Но ты не подумай, что я дура непроходимая.

Он тупо позвонил в неудачное время! Застал меня врасплох с каблуком этим! – снова поднимает пострадавшую туфлю и вертит её в руках. – Едрид-Мадрид! Любимые мои! Как, блин, ходить теперь? Идиот! Просила же, осторожней!

Как ходить, как ходить.

– Дай-ка вторую.

Не спрашивает зачем, просто снимает.

Бац!

Под нужным углом хорошенько стучаю ею о плитку. В каком-то фильме видела подобную сцену.

– Ты... Обалдела? Знаешь, сколько они стоили? – в шоке пялится на второй каблук, валяющийся себе в сторонке.

– Сколько б не стоили. Теперь точно удобнее идти, – пожимаю плечом.

– Да зашибись! – обувается и оценивает результат.

– А, по-моему, отлично...

– Прикалываешься?

– Нет.

Вздыхает и усаживается рядом.

– Я Мари, кстати, – поворачивается ко мне и отщипывает кусок от чебурека.

– Яся.

– Ну и пекло! – машет руками. Смешная. Будто это как-то может спасти её от жары.

– Лето же...

– Я бы выпила чё-нибудь холодненького. Да и перекусить не помешает. Вооон там есть хорошая пиццерия. Ты как? – толкает меня локтем в бок.

– Я на нуле.

– Это понятно. В смысле, ты не позволила мошенникам меня развести и... почти починила туфли, – исправляется, усмехаясь. – Короче, Яся, – кладёт мне ладонь на плечо, – я однозначно угощаю.

Глава 5 Актриса

В пиццерии мы проводим целый час.

Не то, чтобы я настроена близко знакомиться... Просто в моём случае особо выбирать не приходится. Я обязана элементарно послушать её. Хотя бы в благодарность за сытный ужин, включающий в себя пиццу, бургеры, картошку, нагетсы и молочный коктейль.

– Мне двадцать шесть, а тебе? – наблюдает за тем, как я ем, уронив подбородок на сомкнутые в замок ладони.

– Вафимнадцать, – отвечаю, откусывая кусок от сочного бургера.

– Ты откуда приехала? Прости, но на москвичку не канаешь никак... – объясняется торопливо.

– Я из Екатеринбурга.

– Урал. Прикольно.

Хмыкаю.

– И не надо, блин, так удивляться. Я хоть и блондинка, но в школе училась хорошо. Четыре четвёрки в аттестате, – хвалится своими достижениями. – На всероссийскую олимпиаду в десятом классе ездила.

– Прости, Марин, на знатока географии не канаешь совсем, – отбиваю рикошетом её же реплику.

– Много ты понимаешь. Это продуманный образ.

– Ясно.

– Восемнадцать тебе значит... Классный возраст, – произносит она, будто бы с некой ноткой зависти. – Мне было семнадцать, когда я приехала в столицу. Как сейчас помню... Жара плюс тридцать. Белорусский вокзал, леопардовые лосины, чемодан с поломанной ручкой и море амбиций в придачу. Я тогда актрисой мечтала стать. Приехала поступать в театральное училище.

– И как? Поступила? – откидываюсь на спинку стула.

– Да нет конечно! – отмахивается, фыркнув. – Я завалила все прослушивания, впала в состояние безнадёжного отчаяния и по глупости связалась с одним мужиком, пообещавшим мне кинокарьеру и золотые горы.

– Он тебя обманул, что ли?

– Ну, это с какой стороны посмотреть, – усмехается Марина. – Порноиндустрия, так-то, тоже кино, да ведь?

Наггетс встаёт у меня поперёк горла.

– Кхм... Ты снималась в порнофильмах? – уточняю, прокашлявшись.

– Нет. Тогда, оказавшись на площадке, я дико испугалась.

– Надеюсь, ты как следует врезала тому козлу!

Я бы на её месте точно врезала.

– Просто удрала оттуда, когда кто-то отвлёк от меня его внимание, – отрицательно качает головой.

– Слава Богу.

– Да уж... Не о таком кино я мечтала, – подытоживает с грустью в голосе и поднимает чашку с кофе.

– И что было дальше?

Сама не знаю почему, но мне вдруг становится интересно.

– Ну что дальше... Типичный сценарий провинциалки. Сняла квартиру с компанией таких же неудачниц. Устроилась на работу. Сначала в кафе девочкой на побегушках, затем горничной в гостиничный комплекс.

– А потом? – присасываюсь к трубочке. Этот молочный коктейль – просто бомба. – Горничные вряд ли могут позволить себе брендовые вещи, – киваю на пакеты, разбросанные по дивану. Если мне не изменяет память, это стоит очень дорого.

– Потом меня заметила Лаура. Я бросила работу в гостинице и стала одной из её девочек.

«Одной из её девочек».

– Ты... Ты что...

Видимо, у меня то ещё выражение лица, потому что Марина звонко смеётся.

– Я не проститутка, Ясь. Эскорт – это другое.

– Другое? – скептически выгибаю бровь. – А, по-моему, это тоже самое. Ты ведь спишь с мужиками за деньги.

Похоже, я слишком громко это говорю. Тучный, бородастый очкарик, сидящий за соседним столиком, косит в нашу сторону сальный взгляд.

– Чтобы ты знала, я вовсе не обязана с кем-то спать. В основном, это сопровождение. Мероприятия, вечеринки, закрытые клубы, поездки.

– Ой, да не заливай! Я вот тоже промоутером работала. Звучит красиво, а по факту, тупо листовки раздавала в костюме Чебурека.

– Ты? В костюме Чебурека? – хохочет.

– Меня уже уволили.

– А зарплату выдали чебуреками? – догадывается, приснув.

– Сама забрала.

– Не, а если серьёзно, возвращаясь к нашему разговору, среди клиентов есть те, кто вообще женщинами не интересуется.

– Марин...

– Ладно, звездеть не буду, иногда дело заканчивается сексом. Пятьдесят на пятьдесят.

– Вот и прояснили.

– Но ты хоть представляешь, что это за мужики? Магнаты, бизнесмены, госслужащие, селебрити. С такими лечь в постель – одно удовольствие. Извращенцы попадают крайне редко.

– Можно без подробностей? – даю понять, что меня совершенно не увлекает эта стрёмная тема.

– Презираешь, да? – спрашивает, оскорбившись.

– Это твоё личное дело. Каждый сам решает, что для него допустимо, а что нет.

– Не спеши осуждать, Ясь. Я не от хорошей жизни туда влезла.

– Да кто я такая, чтобы осуждать... – пожимаю плечом.

– У меня мать в Саратове осталась. Она заболела. Нужны были деньги на дорогостоящее лечение.

– Прости, но твоя мама, вряд ли, гордилась бы тобой, зная, каким местом ты их заработала...

Марина поджимает губы, однако исходящей от неё обиды я не чувствую.

– Так ли это важно? Если благодаря этим деньгам она сумела выкарабкаться.

Молчу, никак не комментируя эту ситуацию.

– Наше агентство даёт отличную возможность подзаработать. Девчонки путешествуют, покупают со временем машины, квартиры. Особо везучие умудряются зацепиться за кого-то из клиентов. Становятся их любовницами или даже выходят замуж, – восторженно рассказывает моя новая знакомая.

– И ты тоже на это рассчитываешь?

– Почему нет?

– Взрослая, но продолжаешь верить в сказки.

– Сказки не сказки, а через неделю я лечу на Мальдивы с иностранцем. Вот как раз обновки себе прикупила. Платья, купальник. Буду обольщать. Глядишь, западёт на меня и женится.

Устало вздыхаю.

Она действительно в это верит.

– Между прочим, – наклоняется ко мне ближе, – не будь

ты настолько категорична, могла бы...

– Даже не начинай вербовать меня в эту вашу контору! – предупреждаю, перебивая.

– Вербовать? А какой мне резон? Ты ж, по сути, моя прямая конкурентка. Моложе, красивее и точно будешь более востребованной.

«Востребованной».

– Фу, – брезгливо морщу нос.

– Глупая, я помочь хочу. Ты же явно в полной заднице.

– Сама разберусь со своей задницей.

– С твоими внешними данными...

– Кем угодно работать готова, но не это! Я лучше от голода сдохну, чем под кого-то лягу! – сминаю в руке пластиковый стакан.

– Ладно-ладно, я поняла. Принципиальная.

– Да, принципиальная! – задираю подбородок.

– Я тоже была такой девять лет назад, – снисходительно улыбается.

– Надеюсь, через девять лет в моей жизни изменится что угодно, но не это.

– Круто, если так будет, Ясь. А то сама видишь, не всегда выходит, как загадываешь.

– Черкани свой номер телефона, – выдёргиваю из держателя салфетку и кладу перед ней. – Когда у меня появится телефон и постоянная работа, я верну тебе бабос за этот ужин.

– Подожди-подожди, уже прощаешься? – меняется в ли-

це.

– Мне надо идти, – поднимаюсь со стула и закидываю рюкзак на плечо.

– А есть куда? – попадает своим вопросом в точку, и с ответом я нахожусь не сразу. – У меня есть предложение.

– Ещё одно?

– Ага. Насчёт жилья, – хитро прищуривается.

– В это ваше агентство-тире-публичный дом я ни ногой.

Её смех становится громче.

– Дурочка, ко мне поедem. Я давно уже живу одна, – общается деловито. – Помоешься. Отоспишься. Подумаем насчёт работы.

– Нет, спасибо, я как-нибудь сама.

– Да тормози ты, – ловит меня за руку. – У меня много знакомых в Москве. Поспрашиваем, повыясняем и устроим тебя на *нормальную* работу, раз уж ты так туда рвёшься...

Квартира у Мари большая и красивая. Как только оказываюсь на пороге, раскрываю от изумления рот.

Помпезные светильники, белоснежная плитка, дорогая мебель. Тут как в музее. Именно такое сравнение приходит на ум.

– Не моя, к сожалению, – произносит она печально. — В пятницу придётся съехать. Мой любовник нашёл себе новую подстилку.

Так спокойно об этом говорит...

– Да всё путём. Обычная история, – перехватывает мой взгляд. – Не проблема. Найду себе кого-нибудь, если с турком не закрутится. Ты проходи, – тянет меня за руку, и я едва успеваю скинуть с себя кеды, чтобы ничего тут не запаковать. – Прямо – гостиная и спальня. Направо кухня. Слева туалет и ванная комната, – толкает одну из дверей. – Хочешь воспользоваться?

– Да.

Наглость, конечно, но помыться мне реально не мешало бы. Я вся липкая и потная после чёртового костюма.

– Иди полежи в ванной, красавица, а я пока кое-кому позвоню и сварю нам нормальный кофе. Чистое полотенце наверху в шкафчике. Все прибаамбасы и рыльно-мыльные на полках. Бери, что хочешь, – кричит, исчезая в холле.

– Окей...

Делаю шаг.

Сам по себе, словно по волшебству, зажигается свет.

Захожу в помещение, поражающее чистотой и богатством.

Ни фига себе!

Здесь и огромных размеров ванная и стеклянная душевая кабина.

Обалдеть!

Разбираюсь с навороченным краном. Включаю воду, добавляю туда пены, вставляю затычку в слив. Выпрямляюсь и ещё разок осматриваюсь.

Малахитовые стены. Вазы на полу с искусственными цве-

тами. А какое зеркало! Целое произведение искусства. Большое, круглое, с подсветкой.

Снимаю с себя шмотки. Подхожу к нему и оцениваю своё отражение в зеркале.

Одним словом ужас.

Прозрачная, тусклая кожа. Синячеллы под глазами. Волосы, собранные в хвост, грязные.

– Да уж, красавица, каких поискать...

Хмыкаю и залезаю в ванную.

Ложусь. Закрываю глаза. Пока набирается вода, рассуждаю на тему того, как переменчива и непредсказуема жизнь. Ещё вчера я «мылась» в сортире Чебуречной, а сегодня кайфую в джакузи. Вроде бы, это так называется.

Улавливаю возле себя какое-то движение. Дуновение ветерка или что.

Резко открываю глаза и дёргаюсь от испуга.

– Твою мать! – откашливаюсь и приподнимаюсь на ладонях, часто моргая. – Ты ещё кто?

На противоположном бортике сидит морщинистое, лысое нечто. Присматриваюсь и понимаю, что передо мной кот породы сфинкс.

– Здравсьте, блин.

Таращится на меня неотрывно своими глазищами, нервно машет хвостом.

– Ясь, – звучит за дверью голос Марины.

– М?

– А документы у тебя есть?

– Почему ты спрашиваешь? – уточняю настороженно.

– Звоню одному своему знакомому, насчёт работы. Ну так что?

– Только паспорт, – отзываюсь, наблюдая за тем, как нервничавшийся кот ходит по бортику взад-вперёд.

– Паспорт – уже хорошо. Ты как? Разобралась с техникой? Помощь нужна?

– Нет. Это... У меня тут гоблин-экsgiбиционист. Она хохочет.

– Цезарь любит купаться. Если вдруг полезет в воду, чтобы потереть тебе спинку, не пугайся.

Зашибись. Я как-то к этому не готова.

– Марин...

– Ась!

Молчу. Закусываю губу, но потом всё-таки решаю, что она должна знать.

– Ты... предупреди своего знакомого о том, что я... недавно освободилась из колонии.

Выдыхаю.

Ну вот. Сказала.

Прислушиваюсь.

Сперва в ответ тишина, однако потом дверь медленно приоткрывается, и я вижу вытянутое от изумления лицо хозяйки квартиры.

– Это шутка, Ясь? – от бывшего веселья не осталось и следа.

– Нет. Я провела там четыре года.

– Мммм... – тянет девушка неопределённо. – Ты... ко-го-то...

– Убила? Нет.

– А что тогда? Покалечила?

– Нет.

– Грабёж? Воровство? – предполагает дальше.

– В моём рюкзаке нашли кое-что запрещённое, – опускаю взгляд и захватываю пальцами пену, чтобы сконцентрироваться на белом, воздушном облаке, а не на своих воспоминаниях.

– Понятно, – она кивает.

– Теперь мы поменялись местами. Ты выглядишь озадаченной.

– Ну ещё бы! Я могла подумать, что угодно, но не это.

– Например?

– Что-то более лайтовое. Типа... Приехала покорять столицу, сбежала от парня-тирана или гиперопеки предков. А тут на тебе! Полная неожиданность. Колония.

– Ты не переживай, я сейчас искупаюсь, оденусь и уйду.

По реакции заметно, что Марине после моих слов сложно будет со мной общаться.

– Глупости, Ясь. Я просто, как бы это выразиться, отхожу от шока.

– Я понимаю.

– Всё нормально, – заверяет она. – Спасибо, что сказала.

– Всё равно бы выяснилось, – пожимаю плечом.

– Красивые татуировки.

– Раньше они мне нравились. Сейчас предпочла бы, чтобы их не было, – признаюсь вслух.

– А я всегда мечтала сделать, но жутко боюсь иголок. Прямо фобия.

– Это не так уж больно, если делает грамотный чувак.

– Бррр, как представляю – уже плохо. Мне кажется, грохнусь в обморок ещё до начала.

– У тебя странный кот.

Это чудовище по-прежнему сидит на бортике и на меня таращится.

– Мужиков Цезарь не любит. Срёт им на вещи. Ссыт в туфли, шипит, бросается царапать, орёт.

– Ясно.

– А ты ему, похоже, понравилась, – замечает Мари удивлённо. – Погладишь?

– Ээ... Может быть, потом? – мягко съезжаю с темы.

Она смеётся и поднимает недружелюбного питомца на руки.

– Заберу его, чтобы он тебя не терроризировал, – целует недовольную морду.

– Было бы супер.

Мыться под этим пристальным взглядом – такое себе.

– Ты давай недолго зависай тут, ладно? Кофе стынет, а ты

обязательно должна попробовать его горячим.

Смотрим друг другу в глаза. Она подмигивает и оставляет меня одну.

Глава 6 Трофей

– Саныч, тут на второй, по ходу, пистолет заклинило, – кричу деду, поливающему цветы на газоне. – Бенз не льётся. Ни в какую, и так, и сяк уже пыталась.

– Мало каши утром съела, Ярослава? – подтрунивает надо мной, бросая поливочный шланг на траву.

– Ага, иди сам попробуй.

Жду, когда дохромает до меня и передаю ему пистолет.

– Ну-ка...

– Не пойму? Залилось? – вылезая из окна, недовольным тоном интересуется утка, сидящая за рулём внедорожника.

– Как? По воздуху? – выгибаю бровь.

– Так всё уже или чё?

Она реально не одупляет.

– Алё...

– Дамочка, техническая поломка, станьте на соседнюю колонку, – отзывается Саныч. – Щас я притарабаню табличку, а ты пока разверни толпу, Ясь.

– Акей.

Плёвое дело!

Свистнув, поднимая руки крестом и громко сообщая о том, что колонка не работает.

– Не и чё? Я стояла в очереди и теперь опять должна? – возмущается всё та же деловая ца-ца на бумере. – Не буду я

никуда перестраиваться! Чините эту хрень!

Усмехаюсь.

Посмотрите, пожалуйста, каралевишина!

– Я бы с радостью, но там, как бы, специалист нужен.

– Значит просто из шланга мне залей! Бак почти на нуле!

– На первую колонку, девушка! Или с третьей по шестую,
– повторяю терпеливо, пока Саныч вешает табличку.

Очередь к вышедшей из строя колонке тем временем потихонечку рассасывается. Недовольные водители активно выражают возмущение. Матерятся, сигналият, орут, но всё же перестраиваются. Деваться-то им куда?

– Совсем охерели! – прилетают в спину кудахтанья брюнетки, но я, не обращая внимания на её истерику, иду дальше.

Сколько таких неадекватных регулярно проезжает – не сосчитать.

– Здравсьте. Какой? – спрашиваю у мужика, подкатившего на шоколадном Range Rover.

– Я сам, отойди оттуда. Крышку мне навернёшь, – тяжело дыша и выкатываясь из авто, рывкает толстяк-колобок неприятной наружности.

Можно подумать! Между прочим, я с этими крышками на раз справляюсь.

Закатив глаза, удаляюсь к первой колонке. А там скандал. Дура на икс пятом так и не уехала со второй. Опустила ок-на и протянула шланг через заднее сиденье, чтобы воткнуть

пистолет с другой стороны.

Останавливаюсь.

Звездец. Оригинально.

Такого я ещё не видела.

– Оторвёте, будете платить, – предупреждаю о последствиях.

– Мне плевать! Я на ногти опаздываю!

– А, ну тогда пардон.

Ногти – это ж святое.

Мужики, не стесняясь в выражениях, охотно высказывают автоледи всё, что думают по этому поводу.

Краем уха слышу, что Саныч тоже с кем-то препирается. Поворачиваюсь. Вижу, что стоит около ауди с ярко-сиреневыми дисками и вроде как отказывается её обслуживать.

Блин, чё за день такой? Дебил на дебиле. Может, сегодня луна в каком-нибудь Юпитере или Козероге?

Мари (как выяснилось по ходу знакомства) увлекающаяся астрологией, говорила, что такое периодически бывает.

Кстати о ней. Девчонка оказалась на десять баллов. Если оценивать по шкале человечности. Приютила меня, откормила, устроила на заправку через своего знакомого, подогнала телефон и дала денег на первое время.

Так разве бывает в наше время?

Даже как-то жаль, что она уехала на острова с этим своим турком. Я ведь успела к ней привыкнуть. К постоянной болтовне, нескончаемым историям и исходящему от неё по-

зитиву.

Коза.

Хоть бы написала, как дела. Совсем с радаров исчезла...

Но вернёмся на заправку. Когда подхожу ближе к ауди, понимаю в чём дело. В машине, где неистово долбят басы, сидят четыре утырка, двое из которых внаглую курят.

Совсем офонарели!

– Молодые люди, ещё раз повторяю, это правило: на территории АЗС курение запрещено, – пытается переорать музыку Саныч.

– Клал я на твои правила, старик. Моя тачка – моя территория, – убавив громкость, лениво тянет водила.

– Вы подвергаете риску не только себя, но и всех вокруг. Немедленно потушите сигареты.

– Молча выполняй свою работу. Мы торопимся.

– Вам придётся уехать без топлива.

Саныч – он такой, кремень. Всегда будет стоять на своём до последнего.

– Олежа, – обращается к водителю пассажир, – этот старый мудак, по ход, не собирается лить нам бенз.

– Слышь, хромоногий, я не пойму, тебя поломать так, чтобы ты вообще передвигаться не смог? – распетушившись, угрожает тот Санычу.

– Придурок, он тебе в деды годится, – подхожу к окну.

– А это ещё бля кто? – галёрка подаёт признаки жизни.

– Заправщик.

– Да ладно? Тёлка? – гогочет упырь с заднего.

– А она вроде ничего такая, – один из них высовывает башку из салона, чтобы рассмотреть меня получше. Словно я неведома зверушка какая-нибудь.

– Чё ты там прошелестела? – мажор приподнимает очки на лоб, всем своим видом показывая, что я для него всего лишь навсего пыль.

– Я говорю, туши сигарету, дятел. Твои же кишки первыми по заправке разлетятся в случае взрыва.

– Чё, мож реально ну его на фиг? – демонстрирует остатки здравого смысла один из его друзей.

– Я курю и буду курить. Потому что хочу.

Ну тупой...

– До трёх считаю, – цежу сквозь зубы. – Раз...

Он фыркает и отворачивается.

– Лей бенз, я сказал, – давит Саныча взглядом, но тот по-прежнему не двигается.

Уже и машины нам вовсю сигналият, опять ведь процесс заправки тормознулся.

– Ты вообще знаешь, кто мой батя, бомжара?

– Тот, кто похерил твоё воспитание? – невозмутимо выдаёт старик.

– Да он тебя порвёт! Разнесёт! Вышвырнет отсюда как мусор...

– Два, – перебивая его, продолжаю отсчёт, отчего крутышка снова вынуждено поворачивается в мою сторону.

– Отсосёшь? Потушу, – произносит, криво улыбаясь.

Вот урод!

– Три.

Поднимаю огнетушитель с земли и делаю, как учили во время инструктажа при приёме на работу.

Не захотел по-хорошему, будет по-плохому.

– Твою мать!

– Бляяя!

Компания врассыпную. Салон в пене. Недоносок тоже. Так и застыл с сигаретой в руке. Уже, благодаря мне, потушенной.

– Ах ты сука! Тачку мне испортила! Придушу, тварь! – отмирает, толкает дверь и, отплёвываясь, бросается ко мне.

Ничего понять не успеваю. Передо мной и разъярённым водилой внезапно вырастает фигура здоровенного бугая. Видимо, на моё счастье, порядком уставшего ждать своей очереди...

Та история, ясен-красен, не заканчивается для нас хорошо. Не имеет значения и тот факт, что мы предотвратили опасную ситуацию. Один звонок того самого высокопоставленного папаши, которого упоминал в своём монологе мажор, – и вот уже Саныч дорабатывает свою последнюю смену.

Мне в этом плане «повезло» чуть больше. Обязали отта-
рабанить до конца месяца и при этом отдать зарплату в счёт

восстановления салона.

Короче, опять сплошные расстройства, а ведь только-только начало казаться, что жизнь наконец-то налаживается.

Грустно. Теперь я и без Сан Саныча осталась. Без его старческих шуток, ворчливых нравоучений на тему моей рукожопости и домашних обедов, которыми он всегда охотно делился, считая, что я чрезмерно тощая.

Надеюсь, он и правда на меня не в обиде, как сказал в тот вечер, когда мы прощались...

Вздыхнув, топаю к бмв, из которой в эту самую секунду выгружаются два парня.

Они перебрасываются друг с другом парой слов. Тот, который сидел за рулём, явно не в духе. На красивом лице – хмурая мина и отвечает он собеседнику, стоящему ко мне спиной, зло и сердито.

– Чё льём? – сообщаю о своём присутствии.

Парень фокусирует на мне взгляд. Его пассажир тоже обобщивается через плечо и, когда наши глаза встречаются, происходит нечто странное и неожиданное.

Этот зрительный контакт запускает внутри меня целую цепочку необъяснимых реакций, проанализировать которые я не успеваю.

Да и хочу ли?

– Ну и? Долго соображать будем? – поправляю козырёк кепки и закидываю в рот жвачку.

– А ты заправщик, что ли? – фэйс пассажира отражает неподдельное удивление.

– А кто, по-твоему? – сощурившись, выдуваю пузырь и самым наглым образом его разглядываю.

Пристально. Внимательно. Детально.

Модная кожаная куртка небрежно расстёгнута. Под ней белый джемпер. На ногах тёмно-синие джинсы и дорогие стильные кеды-адики. Настолько белые и чистые, что аж глаз режет.

Высокий. Жилистый. Широкоплечий.

Короткая стрижка. Аккуратная щетина. Тяжёлый, хмурый взгляд.

Весь из себя такой брутал, в общем. Возраст понять не могу.

Двадцать шесть? Двадцать семь? Навскидку.

– Девяносто восьмой, полный бак, – говорит водитель, покашливая.

Пауза затянулась, согласна. Хватит пялиться.

Киваю и достаю нужный пистолет.

Немедленно соберись, Бортич. Ты чего поплыла?

– В кассу надо. Или через приложение можно оплатить, если карта привязана.

Парень утыкается в свой телефон, а я по-прежнему ощущаю, что на меня смотрит его друг, зависший у крыла машины.

– А ты-то чё встал над душой? Контролировать? – реша-

уюсь снова посмотреть ему в глаза и чувствую, как на коже отчего-то дыбом поднимаются все невидимые волоски.

– Угадала, – даже и не отрицает. – Вдруг дизель с бензином перепутаешь, и немецкому мотору кабзда. Концерн бмв не для того их собирал.

А вот это щас обидно было. Совсем за идиотку держит?

– Не ссы за концерн! Я свою работу выполняю как надо, – фыркаю и, не глядя, справляюсь с хитровыдуманным лючком бензобака.

Тоже мне задача. В Москве полно бэх. Хочешь, не хочешь – научишься этим премудростям.

– Больше работать негде, что ли? – продолжает за мной наблюдать.

Я ему понравилась или это так, чистое любопытство, вызванное тем, что девушку-заправщика в нашей стране встречаешь нечасто?

– Вредно тут постоянно находиться, ты в курсе? Пары бензола и всё такое...

– Я в курсе, умник, – цокаю языком, – но иногда выбирать не приходится, – иду к мерседесу, подъехавшему на соседнюю колонку.

«Больше работать негде, что ли?»

Я бы и рада, да разве могу на что-то теперь рассчитывать?

Его комментарий задевает. Поднимает внутри то, что давным-давно чёрным осадком глубоко осело.

Обида.

Досада.

Злость.

Если бы не чёртовы обстоятельства и не моя тупость – ходила бы сейчас в дизайнерских шмотках по европейским подиумам, а не вот это вот всё...

Настроение стремительно падает в ноль. Так бывает, когда внезапно прибывает грузом реальности.

– Как тебя зовут? – доносится до меня голос брутала, едва возвращаясь проверить табло.

– А я как беда. Меня не зовут. Сама прихожу. Ещё вопросы? – уточняю намеренно холодно. – Или перейдём к моей любимой части – прощанию?

Уголки его губ почти незаметно дёргаются вверх, а в глазах загорается нечто похожее на интерес. Однако дальше он, увы, сам же всё портит.

– Реально, не пробовала заняться чем-то другим? – достаёт бумажник из кармана. Длинные как у пианиста пальцы, на одном из которых красуется большой перстень, зажимают тысячную купюру.

Заняться чем-то другим... Как ожидается.

– И чем же? – транслирую насмешку, хотя грудь словно кипятком ошпаривают.

– В твоём случае масса вариантов.

Он передаёт мне деньги, и так паршиво-стрёмно становится от этой показушной подачи.

– Да ты что! Может и предложение имеется? – ближе подхожу и прищуриваюсь.

Какое разочарование.

Хотя разве стоило ожидать чего-то другого? Думала, хочет по-нормальному познакомиться с тобой? Смех.

– Послушай...

Ничего. Я тебя проучу. На всю жизнь этот горе-подкат запомнишь.

– Масса вариантов? Ага, как же! – взрываюсь. – Думал, на бабки поведусь? В моей жизни не настолько всё плачевно! Забери свой косарь назад и гуляй, сутенёр недоделанный! – толкаю его в грудь, швыряя деньги.

– Сдурела?

Выглядит шокированным. Не ожидал. Решил, небось, что вождественную крупнокалиберную бумажку увижу – и на всё буду согласна.

Бесит! Как же нереально бесит! Проходили уже. Сколько раз за этот месяц мне предлагали подобное?

Какие же мужики уроды! Все одинаковые!

– Проваливайте отсюда! – одной рукой им фак показываю. Второй – незаметно убираю полученный трофей в задний карман. – Собрали мне тут очередь километровую! Козлы московские!

– Нет, ну ты это видел, а?

Ещё и возмущаться вслед хватает наглости.

Мудило бесстыжее!

Ему повезло, что мою злость перекрывает тот факт, что задницу греет его портмоне.

– Я в сортир, – сообщаю новому напарнику, бывшему зеку Анатолию, занявшему место Саныча пару дней назад.

– Людей до хера, – недовольно косится по сторонам.

– И чё? Обоссаться мне теперь, что ли? – продолжаю двигаться по направлению к зданию АЗС.

– Яська, круасаны горячие будешь? – спрашивает Игорёк, стоящий за кассой.

– Нет.

Сейчас даже эти его трогательные попытки поухаживать вызывают неприятие и раздражение.

Захожу в туалет, толкаю дверь первой же кабинки и проворачиваю замок.

– Посмотрим, чем богаты, – достаю из кармана рабочего комбеза дорогой на вид бумажник. Покручиваю пальцами.

Хм. А ведь его тоже продать можно.

Открываю и проверяю отделение для купюр, ибо мелочь наш незнакомец-выпендрёжник не жалует.

Ого...

Пересчитываю наличность.

Двадцать штук.

Вот это бинго!

На фиг заправку, с которой турнут через две недели без зарплаты.

Улыбаюсь, уже прокручивая наперёд свои дальнейшие

действия, когда на глаза попадает краешек фотографии.

Любопытство – не что-то там... Фразу до конца не помню. В общем, конечно же, вытаскиваю снимок из кармашка и... почему-то долго-долго на него таращусь. До тех самых пор, пока за ручку двери не начинают активно дёргать...

Глава 7 Расплата

Итак, я снова без работы, а это значит, что опять наступило время кочевничества. Чердаки многоквартирных домов, парки, торговые центры, остановки, метро. Где я только не ночевала за прошедшие пару месяцев и сколько мест обошла в надежде получить хоть какую-то работу.

От двадцатки, украденной у того парня на заправке, давно не осталось и рубля. В Москве деньги расходятся очень быстро, как не экономя. Честно, я очень старалась, но они, по итогу, всё равно закончились.

Ещё и похолодало в Москве конкретно. Погода испортилась. В город пришла промозглая осень. Солнца стало меньше. Зачастили дожди.

В общем, мёрзла и по-настоящему голодала крайнюю неделю. Впервые всерьёз задумавшись о том, что, наверное, лиханаула уехать из Екатеринбургa, будучи без гроша в кармане. Может, стоило попытаться начать новую жизнь там? Наплевать на прошлое и вперёд. Может, там это было бы легче сделать? Ведь в столице с этим оказалось сложно. Статистика реально удручающая. Сколько приезжих, мечтающих покорить Москву, заканчивают на улице или, в лучшем случае, возвращаются восвояси ни с чем? И, если говорить о моей ситуации, то это – первый вариант. Потому что лично мне даже и возвращаться некуда.

Короче, выбора нет, а значит... Хочешь жить – умей вертеться, Яся.

Лавирую среди машин с тряпкой и брызгалкой, наполненной средством для мытья окон.

О, гелендваген.

– Помыть фары? Лобовик? – спрашиваю у торчащего в окне бугая, пытающегося припарковаться между двумя машинами.

Он поворачивает квадратную мордень в мою сторону.

– Свалила от тачки, чаморошная, – бросает зло и брезгливо.

– Урод, – тихо цежу сквозь зубы и намереваюсь двинуть дальше.

– Олень сраный, сдай вперёд! – орёт хозяин гелика водителю впереди стоящей гранты.

– Куда? В зад нисану? – кричит в ответ тот.

– Помыть фары или окно? За полтинник, – спрашиваю, наблюдая за накаляющейся ситуацией.

– Нет, не надо, – женщина на kia недовольно на меня зыркает.

Отхожу к тротуару, присаживаюсь задницей на бордюр, а те двое продолжают скандалить.

– Баран тупой! Понаедут... Ни хрена водить не умеют.

– Слышь, понаедут, я москвич.

– Срать мне кто ты! Съебись!

– Ты чё так разговариваешь, дядя?

Они начинают громко пререкаться друг с другом. Конфликт разгорается, и вот уже лысый шкаф из гелика идёт разбираться к парню, сидящему в гранте.

Встаю.

Щас будут выяснять, у кого круче яйца.

Уже собираюсь свалить оттуда, ибо затея с мытьём стёкол не удалась, но в последний момент вдруг замечаю в гелике это.

Стекло со стороны пассажира тоже опущено. На сиденье, обтянутом дорогой кожей, стоит пухлая барсетка.

Возвращаю взгляд к двигающейся фигуре бугая.

Он далеко.

Сердце принимается стучать быстрее.

Адреналин долбит по венам.

Сглатываю, нервно облизнув губы.

Машина пустая.

Успею?

Успею.

Да-да. Как вы догадались, сейчас я собираюсь сделать то, о чём обязательно пожалею.

Секунда.

Две.

Уже можете начинать осуждать меня.

Бросаюсь к тачке, по пояс ныряю в окно и дёргаю барсетку наружу, уцепившись пальцами за ручку.

– А ну стой!

На автомате поворачиваю голову влево.

Чёёёрт...

За геликом стоит крузак с включенной аварийкой. В нём сидят два огромных мужика, затянутых в костюмы.

Охрана его, что ль? Только этого не хватало!

– Стой сказал, падла!

Под этот возмущённый ор тикаю оттуда.

– Сёма, лови эту дрянь!

Тяжело дыша, бегу по тротуару, точно спринтер. Лавирую между людьми и слышу топот преследователей.

Блин. Блин. Блин!

По неосторожности врезаюсь в старика. Тот роняет пакет, из него что-то высыпается.

– Осторожнее! Куда несёшься как умалишённая?

– Простите, – даю дёру дальше.

– Стой!

– Держите воровку!

Прохожие непонимающе хлопают глазами, а я опять неудачно вписываюсь в поворот. Точнее в чувака, рассекающего на самокате.

Столкновение выходит довольно болезненным, но самый главный ужас в том, что из-за этого удара я лечу на землю и, падая, теряю драгоценный отрыв.

Пытаюсь подняться, не обращая внимания на саднящее бедро, однако тут же меня словно зажимают в тиски.

– Попалась, сука!

– Хватай её!

– Отвалите!

– Тварюка!

Выронив барсетку, отбиваюсь руками-ногами, кусаюсь, дерусь, царапаюсь, но амбалы умудряются-таки меня скрутить.

Резкий удар в живот тупым предметом выбивает из лёгких весь воздух. Не успеваю отойти от этого, как тут же прилетает по почкам, а затем и по лицу.

– Может, всё-таки в больницу проедем?

– Нет, я в порядке.

И в противовес собственным словам непроизвольно закашливаюсь. Прямо как заправский туберкулёзник.

– Не похоже, что ты в порядке, – парень протягивает чистый платок и бутылку воды, глядя на меня при этом с искренним сожалением.

– Нормально.

– Так ты правда украла ту барсетку?

– А если да, то что? Сдашь меня ментам? – вытираю кровь с лица.

– Нет. Зачем мне это.

Киваю.

– Те люди грозились тебя грохнуть.

– Их можно понять.

То, что со мной случилось, я заслужила. Если идёшь на

подобные вещи, будь готов к тому, что придётся ответить.

И не только перед Всевышним.

– Спасибо, что помог уйти оттуда.

– Если бы не было свидетелей, они затащили бы тебя в машину и увезли.

– Точняк. Зачем вступился? – сощуриваю глаз. Тот который не подбитый.

– Знаешь, воровство – это, конечно, дурное дело, но когда девчонку лупят битой... Перебор.

Бита. Ан вон оно что это было. Ну, хоть не по черепушке. Так и дурочкой остаться недолго. Будешь потом ходить и всю жизнь улыбаться.

ТЬфу-тьфу.

– Давно ты дворником работаешь? – пытаюсь немного распрямиться и тут же морщусь.

– Пятый год, – отвечает Артём.

– А это, можно к вам устроиться, не знаешь?

– Да вроде занято всё, надо поспрашивать. А тебе зачем? Совсем всё плохо?

– Ну а ты как думаешь. Не от хорошего я за той барсеткой полезла.

– Скажи ещё что жить негде, – типа незаметно оценивает мой внешний вид. Цепляет взглядом рюкзак.

– Я просто недавно в Москву приехала. Не успела освоиться.

– Ясно.

– Слушай, – шмыгаю носом, – а есть вариант зарядить трубу где-нибудь?

– В подвале, – указывает на лестницу, ведущую вниз.

– Надеюсь, ты не маньяк? Не хочу, чтобы моё попиленное тело нашли разложенным по пакетам. В какой-нибудь канаве или мусорке.

Бррр.

– Я верующий человек. У меня жена и двое детей.

– Двое уже? Офигеть!

– Ну, так вышло, – смеётся парень, а следом достаёт свой телефон и демонстрирует мне заставку со своими карапузами.

– Прикольные.

– Витьке четыре, Оле годик, – когда он говорит о детях, даже голос будто меняется. Становится как-то мягче, нежнее. Видно, что любит мелких.

Не знаю. На маньяка и впрямь не похож ведь.

– Есть хочешь? Мне Лена с собой бутерброды и кефир давала.

Лена – это жена, подозреваю.

– Не, спасибо. Полежать бы.

– Надо поесть и прилечь. Там матрас есть. Пошли, – встаёт сам и помогает подняться мне.

В подвале у дворника Артёма я ночую три дня. За это время немного прихожу в себя после произошедшего. Что уди-

вительно, устраиваюсь на работу. А ещё наконец дозваниваюсь до Мари. Но давайте обо всём по порядку...

Первое. Работа.

Вам, стопудово, любопытно, куда ж меня такую «красавицу» взяли. Лицо-то пострадало. Нос, губы были разбиты. На скуле, под глазом синяк. Самое то проходить собеседование, да? (Смеюсь).

Ну в общем. Никакого собеседования у меня не было. Неподалеку от того дома, в подвале которого я спала, обнаружилась автомойка, куда срочно требовался работник.

Хозяин мойки поржал с меня, но дал возможность помыть машину своего кента.

И знаете что? Я отлично справилась, потому что когда-то давно друзья-пацаны показали мне, как нужно это делать.

Итог: я теперь автомойщик. Еее!

Есть ещё плюс. Автомойка работает круглосуточно, так что больше не нужно искать место для ночёвки.

Джекпот, а? Я вполне довольна.

Так идём дальше. Второе. Мари.

У неё всё прекрасно. Она в Турции. Согласно последним новостям, обосновалась в огромном доме своего турка. Целыми днями ничего не делает, релаксирует, гуляет в саду, ест фрукты-ягоды, загорает и плавает в бассейне. Короче, счастлива, как и хотела. Я рада за неё.

– Эу!

– Я здесь, – зевая, выхожу на улицу к забрызганной грязью

тойоте. – Доброй ночи.

Час, блин.

И я уже кемарила.

– Доброй, – мужик удивлённо сводит брови на переносице.

– Помыться? – спрашиваю, закидывая в рот жвачку.

Арсен, мой начальник, говорит, что это плохая привычка и часто за неё ругает.

Да пофиг. Его же сейчас здесь нет.

– Снаружи надо помыть и внутри пороги-коврики, – даёт указание клиент.

– Ладушки. Загоняйте, – отворяю ворота. – Можете пройти в комнату ожидания. Там есть автомат с кофе, — предлагаю ему, когда вылезает из машины.

Снимаю пистолет с водой и принимаюсь за работу.

Вот всё мне в ней нравится, только резиновые калоши страшно бесят. И скептические мужские взгляды. Они ведь реально думают, что женщины – ни на что не годные существа, не способные выполнять элементарные действия.

– Спасибо.

Двадцать минут спустя получаю деньги и, не узрев больше жажущих помыться, закрываю ворота гаража.

Выплюнув жвачку, отправляюсь в комнату.

Сбрасываю калоши и, закинув ноющие копыта на диван, поднимаю глаза к телеку.

Ну красота же?

Все тебе условия. Спальное место, развлечения, тепло, кипяток, туалет. Почти лакшери.

Переворачиваюсь на бок. Устраиваюсь поудобнее.

Тело ломит. Почки побаливают. Бедро. Ребро. Но уже мне значительно легче, ребят.

Усталость накатывает. Веки тяжелеют, закрываются. Сознание стремительно уплывает. И последнее о чём успеваю подумать...

Жизнь, по ходу, снова налаживается. М?

Глава 8 Гости

Бах-бах-бах!

Вздвогнув, пытаюсь разлепить веки и не сразу понимаю, что происходит.

Присев на диван, растерянно таращусь на болтающий телек.

Центральный канал. Женщина в классическом костюме рассказывает новости.

Почёсываю затылок. Смотрю в угол экрана.

Шесть утра. Обалдеть.

Ну кого там принесло в такую рань? Не спится?

Ныряю в резиновые сапоги, заставляю себя принять вертикальное положение и выхожу в бокс.

Бах-бах-бах!

Кем бы ни был этот кто-то, терпением он, определённо, не отличается.

– Да иду я, иду!

Вот ведь неймётся!

Зевая, толкаю металлический засов вправо и открываю дверь.

Блин!

Сон как рукой сняло, клянусь вам. Буквально моментально.

– Здраааасте, – мямлю, глядя в злющие глаза человека,

стоящего напротив.

– Ну здорова!

Меня бесцеремонно хватают за плечи и вытаскивают на улицу.

И да. Это тот самый парень с заправки.

Ёпрст... Как нашёл???

– Эээ! Чё такое-то! – возмущаюсь громко.

– Думала, не найду тебя, коза?!

– Отпусти! Я буду орать! – дёргаюсь, пытаюсь освободиться.

– Ори сколько влезет! – разрешает великодушно.

Чё б да не так? Вокруг пустырь фактически. Жилая зона там, далеко. Так что прав, никто вопли не услышит.

– Отпусти!

– Где моё портмоне? – потряхнув меня словно тряпичную куклу, спрашивает сердито.

– О чём речь вообще?

Косить под дурочку не люблю, но вдруг прокатит?

– Ты стырила мой бумажник! – уверенно припечатывает, впившись в меня недобрым взглядом.

– Не-а, – нагло лгу, глядя ему в глаза.

– Да не гони мне! – резко дёргает на себя, и я непроизвольно морщусь от боли.

Лицо зажило, а вот почки и бедро до сих пор болят после того замеса с геликом.

– Не брала я твой кошелёк! Отвали!

– Не брала, значит?

– Нет. Ааай! Ааа! – ору, потому что этот придурок выкручивает мне руку.

– Слушай, подруга, просто верни бумажник, – доносится до меня голос его товарища, всё это время наблюдавшего за происходящим.

– Мм...

– Ему нужна эта вещица, хер с ними с деньгами, если потратила.

Вещица.

Кошелёк.

– Да нет у меня его! – признаюсь честно. – Блин, больно, отпусти!

Силу свою вообще не рассчитывает, что ли?

– Как это нет? – продолжает давить на руку.

– Вот так, сдала барахольщику! Сс...

Я совсем не слабачка, но тут прям слёзы на глаза наворачиваются от боли.

– Покажешь, где это было. В машину, – командует, даруя наконец вождевленную свободу.

– Погоди, – потираю пострадавшую конечность, – я не могу бросить мойку. Арсен меня уволит!

– Да насрать мне! Я сказал, села в тачку! – делает шаг вперёд, напирая снова.

И что-то мне подсказывает – с ним по-хорошему не договориться. Уж больно агрессивен.

– Дайте хоть переобуться! – пищу жалобно, и парень опускает взгляд на резиновые калоши.

– Пусть переобуется, Кир.

Хм. А его друг начинает мне нравится. Вон уже второй раз за меня вступился.

– У тебя минута! – цедит сквозь зубы тот.

Кир.

Кирилл значит? Ясно.

Случайно замечаю пистолет на его поясе.

Ё-моё, во влипла!

Не даром, ещё там на заправке, эти ребята показались мне мутными.

– Хорошо-хорошо. Щас я вернусь, парни! Спокуха! – примирительно выставляю ладони вперёд и, склонив голову, отступаю назад в помещение.

Слава Богам, они не идут за мной следом и остаются ждать на улице.

Думай. Думай. Думай.

Пистолет – это плохо, Ясь. Очень плохо.

Торопливо направляюсь в комнату ожидания. Достая из шкафа свой рюкзак и кеды.

Резво переобуваюсь.

Бросаю взгляд на камеру.

Засаекаю «гостей». Стоят курят у машины.

Вот чё не хватило ума посмотреть на экран перед тем, как открывать пошла? Тупица!

Закидываю рюкзак на плечо, хватаю ключи и тикаю к чёрному входу. С этой стороны парни меня точно не увидят. Пока будут ждать, успею потеряться. Надеюсь.

Тихо выбираюсь наружу. Прикрываю за собой дверь. Проворачиваю ключ в замке и, осмотревшись, прячу его под коврик.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Ну что... Пошла!

Прихрамывая, удираю.

Уже прям, на фиг, нездоровая традиция! Как же задалбало!

Стиснув челюсти, мысленно подгоняю себя и почти бегом передвигаюсь вдоль дороги, то и дело оборачиваясь.

О, ёж!

Мимоходом отмечаю нехарактерную для этой местности живность.

Он, как и я, куда-то спешит. По своим ежиным делам, наверное.

Так. Надо либо к надземному переходу двигать, либо...

Ещё разок бросаю взгляд через плечо.

Блин!

БЛИИН!

Он заметил!

Бежит за мной. Бежит за мной!

Аааа!

Пытаюсь ускориться, однако чёртовы почки ноют просто

НЕВЫНОСИМО.

– Стой, зараза!

Нет-нет-нет!

Так лихо сокращает расстояние, что разрыдаться от досады хочется.

Приближается.

Rrrr!

Догоняет.

Вселенная, пусть споткнётся об ежа, пожалуйста!

Тяжело дыша, через силу переставляю ноги.

– Тебе крышка! – прилетает многообещающе в спину.

У меня получится. У меня получится. У меня...

Надежда, мать её, умирает последней. Вот как раз в эту самую секунду. Потому что Кирилл нагоняет меня, ловит в захват, и мы оба падаем на землю.

– Пф...

Борьба выходит неравная, но я пытаюсь сопротивляться.

– Далеко собралась? – наваливается сверху. Садится, фиксирует запястья одной левой.

– Я...

Щелчок.

Что-то холодное утыкается в мой живот.

Испуганно замираю и, кажется, даже перестаю дышать.

Это пистолет? Пистолет, да?

Поблизости тормозит машина.

Вот же вляпалась!

– Дёрнешься – получишь пулю, – предупреждает, клацнув зубами.

– Кир, остынь! – встревоженно кричит его друг.

Фоном улавливаю звуки внешнего мира. Слышу, как хлопает дверь авто. Как приближаются шаги.

– Встала! – приказывают мне тоном, не терпящим возражений.

Да и кто, спрашивается, станет возражать, учитывая обстоятельства... Очередные, блин.

– Ладно-ладно, я встаю.

Делаю, как велено. Медленно поднимаюсь с промозглой травы, одёргиваю задравшийся свитер и показываю ладони, имитируя жест «сдаюсь».

– Села, блять, в машину! – тычет в меня пистолетом.

– Я сажусь, только не стреляй, пожалуйста, – судорожно сглатываю. Во рту пересохло адски.

Признаю, сейчас мне страшно. Реально страшно.

Всякое ожидала, но умереть на обочине окраины Москвы – такое себе.

– Пошевеливайся!

– Давай в салон, – значительно мягче произносит его друг, открывая дверь машины. – Пушку убери, Кир.

Пока я выполняю очередную команду, он пытается воззвать к разуму злого до невозможного товарища.

– Эй! Это мои вещи вообще-то! – возмущаюсь, когда вижу, как тот поднимает с земли рюкзак и принимается звер-

ски потрошить его.

Капец! Оттуда все мои причиндалы высыпаются.

– Бомжуешь, что ли? – доносится от брюнета, сидящего за рулём.

– Это временно, – поджигаю губы, глядя на то, как Кирилл поднимает паспорт и, листая его, движется к машине.

– Ну что, Ярослава Андреевна, – взглядом прожигает во мне дыру, – это пока побудет у меня.

– Да с какого перепугу!

– Рот закрыла, – рывкает грубо. – Двигайся!

Толкает меня дальше в салон и садится рядом.

Чтобы больше не сбежала, видимо...

– Здесь?

– Угу.

Дым (именно так к нему недавно обратился его друг) перелезает через меня и что-то достаёт из бардачка.

– Этот барыга на самом рынке промышляет? – неожиданно берёт меня за руку. Крепко и уверенно. Разгоняя по телу невесть откуда взявшиеся мурашки.

– Да. Эй! – растерянно моргая, смотрю на то, что происходит и, к сожалению, среагировать не успеваю. На моём запястье защёлкиваются наручники. – Ты обалдел? Какого...

– Такого, – вторую часть браслета захлопывает на своём. Открывает дверь и выходит из машины.

Мне, естественно, приходится тут же выползти следом.

Вариантов-то нет. Намертво прикована.

Ну, додумался! Пристегнуть меня к себе! Я, блин, в шоке!

– Погоди, нельзя ли помедленнее, – переставляю ноги достаточно быстро, но всё равно за Кириллом едва-едва поспеваю.

– Нет.

– А немного ослабить можно? Давит на кость ужасно, – пытаюсь пошевелить рукой, затянутой в тесное железное кольцо. Непроизвольно его задеваю.

Он останавливается. Таким взглядом ошпаривает, что мама дорогая...

– Лааадно, потерплю, – тяну, уступая. Виновата ж перед ним. Куда деваться?

– Кир, по-моему, с наручниками реально перебор, – осторожно комментирует ситуацию его товарищ.

– Не перебор. Бегать за ней я, блять, больше не собираюсь!

– Да не стану я удирать, обещаю.

– Обещает она, – презрительно фыркает. – Таким, как ты, верить вообще нельзя. Куда дальше? – осматривается по сторонам.

– Прямо и налево до барахолки, – обиженно из себя выжимаю.

Таким, как ты, верить нельзя.

В принципе, мне ясно почему так говорит, но отчего-то опять же задевает. Даже злит.

– Пошли.

Двигаемся через толпу. Я подстраиваюсь под широкий шаг и послушно иду рядом со своим хмурым конвоиром. Кстати, про него...

Искося рассматриваю суровый профиль.

Короткая стрижка. Волевой подбородок, чёткая линия скул, аккуратная щетина, нос с небольшой горбинкой, густые брови.

– Какого ляда уставилась? – поворачивается так резко, что оказываюсь поймана с поличным.

– Нравишься, – на автомате зачем-то выдаю как есть, и он хмурится ещё больше. – В смысле, внешне ты ничего, но характер – отстой, похоже, – спохватившись, добавляю.

В спину прилетает смешок. Это его друг с меня угорает.

– Зубы. Мне. Не заговаривай.

Видно, что совсем не воспринимает мои слова всерьёз. А жаль, я же честно ответила.

– Какой контейнер?

– Там, за шмотьём, – показываю свободной рукой. – А, вон он! Щуплый, бородатый дядька в шапке болельщика Спартака! Это он! Да, точно он!

Очень удачно. На ловца, как говорится...

– Молодые люди, дайте пройти! Я с товаром. Не видите, что ли!

Какая-то тётка с пакетами прёт вперёд как танк. Врезается прямо в нас. Дважды. Не понимая, по какой причине мы не можем разойтись, чтобы дать ей дорогу.

– Нет, ну вы посмотрите на них! – возмущается, упорно толкаясь.

Кирилл недовольно цокает языком и поднимает запястье вверх.

– Ай.

Приходится встать на носочки, чтобы пропустить эту мадам под нашими руками. Он ведь выше, хотя рост у меня приличный.

– Хернёй страдают... – озадаченно вылупив глаза, бросает торгашка.

– Мать, иди уже а, – Дымницкий тянет меня за собой, сосредоточившись на барыге, к которому так рвался.

Тот, пересчитав деньги, убирает их в карман и поднимает голову, утыкаясь взором прямо в нас.

– Здравсьте! – ору, улыбаясь. – Помните, я приходила к вам недели две назад.

– Не помню, – равнодушно мазнув по мне взглядом, отзывается мужик.

– А подумать? – мой компаньон якобы случайно раскрывает куртку, засвечивая пистолет.

– Давай по-хорошему, – Илья тоже справа подступает. Барыга, заметив это, кривит рот.

– Девчонку знаешь или нет?

– Первый раз вижу, – внаглую врёт.

– Неправда! – протестую я громко.

– Если не хочешь проблем, бизнесмен, кончай изображать

амнезию.

– Проблем? Та вы чё, ребята. Я ж просто барахлом занимаюсь.

– Завязывай косить под дурака. Отвечай на вопросы, иначе от твоей палатки наутро останется только пепел, – цедит Дымницкий, наклонившись к нему ближе.

– Я вам мужское портмоне приносила, – влезаю в разговор, ощущая нарастающую в груди тревогу. – Хорошее такое. Кожаное под крокодила. Как новенькое выглядело.

– Она его украла, – перебивает Кирилл. – Так что придётся вернуть портмоне хозяину, то бишь мне. Само собой, я в долгу не останусь. Отблагодарю, поскольку ты ни при делах и тоже потерял бабло из-за этой ворюги.

Лезет в карман.

Наверное, за той самой благодарностью. Вот только...

– Нет бумажника, – мужик, сам того не подозревая, одной фразой расписывается в том, что мне конец.

– То есть?

Краем глаза вижу, как подвисает Кирилл.

– То и есть. Его забрали почти сразу. Качественная была вещичка. Дорогая. Даже думал себе оставить.

– Хм. Дорогая... Интересно, у меня купил за пятьсот, а продал за сколько же?

– Ты прогадала много, девочка.

Барахольщик хрипло смеётся, а вот Дымницкий, кажись,

приходит в самое настоящее бешенство. Он так резко дёргает меня к себе, что я аж вскрикиваю.

– Ты отдала мой бумажник за пятихатку?

– На косарь он не согласился, а мне надо было что-то есть, – оправдываюсь спешно.

Такие глаза у него сейчас дикие. Кошмар.

– Пиздец! – ругнувшись, стискивает челюсти до проступивших на скулах желваков.

– Я...

– Под крокодила. Это, сука, и был крокодил! – произносит по слогам, яростно дыша мне в лицо.

– Ну... Был да сплыл крокодил твой, – пытаюсь пошутить. Явно не в тему.

Дымницкий издаёт какой-то страшный, утробный звук.

По ощущениям, ещё немного, и он придушит меня прямо здесь. Однако вместо этого, моё запястье неожиданно получает свободу.

– Кто купил его? – поворачивается к барахольщику. – Твой знакомый? Говори, – за грудки его хватает.

– Какой-то дед в очках. Раньше я его здесь не видел, – рассказывает тот испуганно.

– Врёшь, падла?

Ткань куртки опасно трещит. Прямо как мои натянутые нервы.

– Нет-нет. Отвечаю.

– Кир, всё, погнажи отсюда, – Илья вмешивается, чтобы

остудить его пыл.

– Перестань. Отпусти человека. Я куплю тебе новый! – тоже присоединяюсь.

– Новый...

Барыгу отпускает, но, судя по лицу, ярость лишь сильнее по венам топит. Это видно по тому, как напряжены пальцы, которые он зажимает в кулак. И по тому, как он раскачивается на носках взад-вперёд. Словно душевнобольной.

– Как только заработаю денег, куплю. Один в один найду.

Кирилл, шумно выдохнув, поджимает губы. Опускает голову. Качает ею и, печально усмехнувшись, уходит.

– Разве стоит так расстраиваться из-за дорогой безделушки? – провожаю взглядом его силуэт, вскоре затерявшийся в толпе. – Господи, это ведь просто кошелёк! Ну, допустим, даже из крокодила и чего?

– Да неважно сколько стоит вещь. Для него ценность в том, что её подарил близкий ему человек.

Встречаемся глазами с его другом.

– Вот блин...

Я как-то об этом не подумала.

Глава 9 Паровоз и Ко

– Приехали, – сообщает Илья, припарковав машину возле невзрачной пятиэтажки.

– Это где мы? – отрываю взгляд от хмурого Кирилла, сидящего на переднем пассажирском.

Всю дорогу он молча таращился в лобовое, и я от этого лишь сильнее ощущала за собой вину. Уж лучше бы орал...

– Выгружаемся.

Вылезают из тачки.

Подхватив свой рюкзак с сиденья, делаю тоже самое.

– Я просила высадить меня у вокзала, – бормочу настороженно уже на улице.

– Это тебе не грёбаное такси, – отзывается Кирилл, чиркая зажигалкой.

– Ладно, доберусь сама, – пожимаю плечом.

– Вокзал – не самый хороший вариант для ночлега, – его друг зажимает губами сигарету.

– Нормальный вариант. Проверенный. Чё эт за район? – осматриваю окрестности. – Метро далеко?

– С нами пойдёшь.

Не спрашивает, а утверждает.

– Ещё чего.

– Нахрена?

В один голос с Кириллом произносим

– Пусть валит на все четыре стороны. Итак день с ней потеряли.

«День потеряли»

– Да я вас, как бы, не искала. Сами на мойку заявились.

– А ты думала, что спиздила вещь и всё на этом?

– Честно говоря, да. Не ожидала, что ещё пересечёмся, – закидываю рюкзак на плечо. – Я...

– В Саудовской Аравии, – перебивает меня Дым, – за воровство отрубают руки.

– Это шутка?

Холодок бежит по коже.

– За первую кражу установлена ответственность хадд [1] в виде отрубания правой руки, за вторую — левой ноги, – произносит ледяным тоном.

– Хорошо, что мы не в Саудовской Аравии, – отвожу взгляд.

– Жаль, что мы не там. Таких, как ты, только такими методами воспитывать и надо.

– Ты нормальный?

Он же это не всерьёз, да?

– Опять двадцать пять! – орёт с балкона какая-то старушенция.

– Бля, погнали в хату, она мне щас весь мозг вынесет, – Илья торопливо бросает окурок.

– Ты чё творишь, свинья? Урна для кого, по-твоему?

– Твою...

Скрипя зубами, поднимает вышеназванный предмет и несёт его к мусорке.

– Немедленно убери свою консервную банку с тротуара!
– командует женщина.

– Некуда убрать. Видите, весь двор тачками заставлен.
– Это твои половые трудности! Тротуар предназначен для людей. Я завтра за пенсией как пойду?

– Не бузи, мать. Тут проход есть, – оправдывается парень.
– Не бузи, – повторяет она. – Вот оно нынешнее поколение! Недалёкие, безграмотные неучи!

– Это вы как же определили, что недалёкие?
Чувствуется, что она зацепила его этим определением.
– А на мордах у вас всё написано. Отсутствие интеллекта, так сказать, налицо.

– Ну вы, опускаясь до оскорблений, так-то, тоже показываете, что интеллектом не блещете, – встречаю, не сдержавшись.

– Ой, а у кого это голос прорезался? У проститутки?
– Вы офонарели совсем?
Офигеваю, если честно.

– Пробы, небось, ставить негде. Приехала она... Да не с одним, а с двумя. Бесстыдство!

– Вы девчонку зачем обзываете? Некрасиво, – уже по традиции вступает за меня Илья.

– Да брось, у человека явно маразм, – равнодушно отматываюсь.

Конечно, можно было бы обложить её по полной, но вроде как пожилой человек. Только это и сдерживает.

– Поглядите на него! Тоже мне рыцарь нарисовался. Эка шлэндру свою защищает!

Шлэндру...

– Пошли, Илюх, не могу её слушать.

Кирилл направляется к подъезду первым. Его друг идёт за ним, не прекращая при этом общаться с зарвавшейся пенсионеркой. А я...

– Э, погодите, пацаны! – бросаюсь следом. – Паспорт-то мой верните! – прошу, взбегая на первые ступени лестницы.

– Поднимайся, мы пока не решили, что с тобой делать, – доносится от Ильи.

Даже и не поворачиваются. Шуруют выше и выше.

И чё? Как быть? Куда я без документов? Это ж полная задница.

– Ну и? Чё застыла? – прилетает сверху.

Чёрт...

Влипла по самое не хочу с этим дурацким портмоне!

– А где гарантия того, что я выйду потом из этого дома?

Мой вопрос остаётся без ответа.

Ладно, блин.

Цокнув языком, топаю наверх. До тех пор пока не добирюсь до той лестничной площадки, где, гремя ключами, стоят парни.

– Чья берлога? – робко заглядываю в квартиру, застыв на

пороге.

– Проходи давай. Сквозняк запускаешь, – Илья подталкивает меня вперёд.

Дверь за спиной закрывается, и этот звук только увеличивает уровень тревоги.

Они ж не убьют меня здесь, а?

Нервно сглатываю.

Додумалась ты, Яся! Подняться с двумя мужиками к ним на хату. У тебя явные проблемы с чувством самосохранения.

– Тут ванная комната и туалет. Можешь воспользоваться.

– Зачем? – настороженно уточняю, удивлённая гостеприимством.

– Не хочешь освежиться? – Илья скидывает обувь.

– Смыть с себя блох и вшей.

– Нет у меня вшей! – возмущённо смотрю на Кирилла.

– У тебя грязь на башке, дура.

– Не фиг было толкать меня на землю! – захватываю своё отражение в зеркале.

И правда. Лоб чем-то испачкан, волосы тоже.

Пойду-ка я действительно приму душ. Раз уж предоставилась такая возможность.

– Слева горячая, справа холодная. По цветам не ориентируйся, не совпадает. Чистое полотенце на вешалке, – даёт инструкцию Илья, когда направляюсь к указанной двери.

– Чёрное не трогать. С верхней полки ничего не брать, –

предупреждает Дымницкий.

Возвожу глаза к потолку.

Очень надо!

– Бери что хочешь с нижней, – добродушно разрешает его товарищ, щёлкая выключателем.

– Спасибо.

Бах.

Закрываюсь в ванной, отгораживаясь от парней. Бросаю на пол рюкзак. Раздеваюсь и включаю воду.

«Не хочешь освежиться?»

«Смыть с себя блох и вшей»

«У тебя грязь на башке, дура»

Закипаю.

Почему же снова так задевает то, что он говорит?

«Чёрное не трогать. С верхней полки ничего не брать»

– Ага, щас, – поднимаю голову. Ощувив волну необъяснимого протеста, встаю на носочки и намеренно тянусь именно туда. – Что тут у нас... – кряхтя, достаю запрещённый гель для душа. Открываю крышку и принохиваюсь. – Мм. Неплохо.

Щедро выдавливаю содержимое на ладонь. Растираю по коже, тщательно намыливаясь. Смываю. Тут же следом возвращаюсь за шампунем. Разумеется, тоже стоящим на верхней полке, принадлежащей Дымницкому.

Не обеднеет. А запах мне реально нравится. Прикольный.

Мою голову. Активно вдыхаю носом аромат хвои и релак-

сирую под струями воды.

Хорошо-то как! Вот это именно то, чего не хватало мне на мойке.

Любопытно, если вернусь туда, Арсен разрешит дальше работать? Или даст пинок под зад?

Как представляю, что заново придётся искать работу, так аж дурно становится.

Вырубаю воду. Шлёпаю до вешалки босыми ногами по плитке. Без раздумий снимаю чёрное полотенце и тщательно вытираюсь.

Пусть теперь вшей боится, идиот.

Швыряю его на стиралку, одеваюсь. Собираю влажные волосы в хвост и, ещё немного постояв у зеркала, выхожу.

Замешкавшись в коридоре, иду-таки в комнату, где, собственно, и застаю парней.

Надо сказать, что-то не так с выражением их лиц. Это прям в глаза бросается.

– Я всё.

– Присядь, – Илья кивает в сторону кресла.

– А можно я уйду, пожалуйста. Деньги верну, и кошелёк тоже. Просто дайте мне время, – с надеждой задвигаю, предпринимая попытку договориться. – Теряться не буду.

– Да неужели? – язвительно цедит Кирилл.

– Ты сначала объясни, как в Москве оказалась, – спокойным, ровным тоном спрашивает Илья.

– Переехала, как все, – пожимаю плечом.

– Про четыре года колонии не расскажешь? – огорошивает Дымницкий.

– А вот это – совсем не ваше дело! – чувствую, как сквозь меня мгновенно шипы вырастают. Это ведь та самая тема, которую я не готова и не хочу обсуждать. – Отдайте паспорт!

– Увлекательная у тебя биография, Бортич, – хмыкает он, глядя в экран ноутбука.

– Досье нарыли? Вы менты, что ли? – предполагаю с ужасом. – Нет, вы же не менты, ребята...

А сама мысленно прокручиваю... Наручники. Пистолет. Угрозы баракольщику.

– Не думай, что тебе повезло больше.

– Верните паспорт, – требую решительно. – Дайте мне уйти!

– А есть куда? – Илья выгибает бровь.

– Есть!

– На мойку? Ты же там ночевала, верно?

Догадались.

– Вас это не касается!

– Повторю вопрос. Тебе жить есть где?

– Не пропаду, – упрямо избегаю ответа. – Бумажник укра-
ла, чтобы проучить тебя, – смотрю на Кирилла.

– Чего-чего?

Моё признание явно его озадачивает.

– А нечего было понты кидать! Или думаешь, я денег никогда не видела? – вскидываю подбородок.

– Дура, я помочь хотел!

– Засунь свою помощь в жо...

– Яся, не разжигай, – перебивает Илья.

– Ой, строите из себя не пойми что! Да у вас на мордах написано, что вы сами мутные! Особенно у него! – указываю пальцем на Дымницкого. – Я таких, как вы, на раз идентифицирую!

– А чё ж очканула, что мы – мусора, – смеётся брюнет.

– Да потому что и они бандиты тоже! Волки в овечьей шкуре! Никому верить нельзя!

Знаем. Плавали. В колонии я это на отлично усвоила.

У Дымницкого звонит телефон. Он принимает вызов и встаёт с дивана. Прётся по направлению ко мне, очевидно, желая поговорить в другом месте, не при нас.

Отступаю вправо, чтобы пропустить его, но парень делает тоже самое.

Шагаю влево. Он одновременно с этим отзеркаливает.

Цирк.

– Отойди уже! – раздражается и, психанув, отодвигает за плечи, убирая с пути. – Да, я слушаю, – исчезает в коридоре, оставляя меня наедине со своим другом.

– Так ты присядешь?

Вздыхаю и плетусь к дивану.

Сейчас опять начнет расспрашивать, а мне так не хочется рассказывать о себе... О!

На столе замечаю свой документ, удостоверяющий лич-

ность.

– Квартира закрыта изнутри, ключ у него. Так что не надо хватать щас паспорт и бежать со всех ног к двери, – предупреждает, словно прочитав мои мысли.

Сглатываю. Это здорово пугает.

– Я верну деньги, правда. И кошелёк этот дурацкий ему куплю...

– Никуда не берут на работу в нормальное место? – игнорирует мои обещания, продолжая неприятный разговор.

– Не берут, – отрицательно качаю головой.

– Сколько ты уже находишься в Москве?

– Три месяца, – складываю пальцы в замок и опускаю взгляд.

Как на допросе, ей Богу!

– Три месяца бродяжничаешь?

Бродяжничаешь!

– Кочую! – даю свою формулировку, и он усмехается.

– Не тот город для такого образа жизни выбрала. Тут очень опасно.

– Я в курсе.

Открыл, блин, Америку!

– Можешь пожить у нас, – на полном серьёзе произносит.
– Работу тоже тебе организуем.

– И с чего вдруг такая щедрость? – не скрываю того, что его предложение настораживает. – Зачем тебе помогать мне?
– в лоб спрашиваю. Чё тянуть кота за органы?

– Да чисто по-человечески.

– Не верю я в это...

– Мой друг, Данила, вырос в детском доме. Кое-что рассказывал о своей жизни. Думаю, твоё детство тоже не было радужным.

– Нормальное у меня было детство, – мой голос звучит грубо, но плевать.

– Мне кажется, ты сейчас в тяжёлой ситуации. Или я ошибаюсь?

– Справлюсь, – высекаю уверенно.

– Пожить можешь на балконе, там есть раскладушка. Большого предложить не могу. Другие комнаты заняты.

Складываю два и два.

– Твой кент будет против такого расклада, – моя очередь усмехнуться.

– Ничего, потерпит. Тем более, что это временно, верно?

– Ты сказал, что другие комнаты заняты. Сколько вас тут? – подозрительно прищуриваюсь.

– Трое.

– Три мужика. Отлично! Пожалуй, я выберу план Б. Уйти.

– За что в колонию загребли в четырнадцать?

Молчу.

– Кто тебя избил?

– Неважно.

– А не боишься, что найдут?

Боюсь, но разве ж можно в этом признаваться?

– Обворовала кого-то, как Кирилла? – выбивает страйк, и смысла врать я не вижу.

– Да. Один гелик, оставленный открытым по стечению обстоятельств.

– Ясно, – будто бы разочарованно выдыхает.

– Я... не хочу это делать. Мне просто... надо было что-то есть и...

Затыкаюсь, обрывая свою речь.

Глупое оправдание, Ясь.

– Если останешься в этом доме, знай, что воровства я не потерплю, – выдаёт строго.

– А ты, типа, главный, что ли?

– Типа да.

– Понятно. Про какую работу ты говорил? – так, чисто интереса ради уточняю. – Сразу предупреждаю: спать я ни с кем не буду!

– Чё за бред она несёт?

Это Дымницкий в комнату вернулся.

– Ярослава какое-то время поживёт с нами.

Пхах!

Вы бы видели лицо Кирилла, вытянувшееся от изумления.

– Ты спятил, Паровоз? – таращится на Илью во все глаза.

Еле сдерживаюсь, чтобы не заржать в голосину на всю квартиру.

– Ей некуда идти, – приводит весомый аргумент брюнет.

– И чё? Да на кой икс она нам тут нужна? – возмущается громко.

– Пусть переконтнуется на балконе.

– Ты гонишь, Илюха! – качает головой. – Поселить в нашу квартиру воровку...

– А ты безгрешный можно подумать! – не могу удержаться от комментария.

– Вынесет хату к чертям, вспомнишь мои слова!

– Было б что выносить! – насмешливо фыркаю, осматривая максимально скромную обстановочку. – И вообще, он тут главный, – указываю большим пальцем на его товарища. – Не ты. Так что потерпишь, – внаглую цитирую слова Ильи, с нездоровым удовольствием наблюдая за тем, как стремительно багровеет от злости фэйс Дымницкого.

– Ещё раз возьмёшь мои вещи, вылетишь отсюда как пробка.

Возьму, не сомневайся.

– Тебе жалко, что ли?

Либо учуял запах, либо ходил проверять. Одно из двух.

– Я сказал, – цедит сквозь зубы и травит меня этим своим уничтожающим взглядом.

Клянусь, если бы им можно было поджечь, то я бы уже тлела пеплом на этом стрёмном совковом ковре.

– Братва? Вы дома? – внезапно орёт кто-то, хлопая дверью. – Короче, мы свезли на дачу Пинчука. Отпинали его маленько, в подвал бросили и закрыли. Пусть посидит, по-

думает. Пожрать есть чё? Я бы...

– Ты бы заткнулся, – обращается Дымницкий к вошедшему в комнату парню.

– О... – пучеглазится Лохматый, при виде меня. – Постойте-ка, – его губы растягиваются в улыбке, – это та самая девочка с бензоколонки, да?

– Та, которая украла у Дыма кошелёк? – в проёме вырастает ещё одна мужская фигура.

– Чё за история? – басит непонимающе третий.

Кхм.

Все они, будто сговорившись, пялятся на меня, и в квартире в этот момент повисает страшно неудобная тишина. Знаете, только характерного звука сверчков для полноты картины не хватает.

– Пацаны, – первым отмирает Илья. – Знакомьтесь. Это Яся. Она какое-то время поживёт с нами.

Кирилл недовольно цокает языком, выражая неодобрение, а брови Лохматого забавно уползают наверх...

[1] Хадд – наказания, которые шариатский судья налагает за преступления против нравственности и общественного порядка, на которые есть указания в Коране и сунне пророка Мухаммада.

Глава 10 Пацаны

Собственно, вот так я и стала обитать на одной жилплощади с человеком, которого обчистила.

(Кто бы мог подумать, м? Жизнь непредсказуема).

Вышеупомянутый Дымницкий долго выражал свой протест. Да что там! По прошествии нескольких недель он всё ещё упрямо держит между нами дистанцию, размером в пропасть. Не разговаривает со мной. Не смотрит на меня. Стена. Полный намеренный игнор.

Если по-чесноку, это дико раздражает и бесит, но не будем о грустном, а то начну по традиции заводиться.

Лучше давайте расскажу о хорошем. Например о том, что плюсы моего пребывания в квартире Паровозова однозначно перекрывают минусы.

Судите сами. У меня теперь есть крыша над головой. Постоянная работа. Друзья, ведь с пацанами (за исключением Кирилла) я законнектилась быстро и без проблем.

Они реально классные. И плевать, что бандюганы, занимающиеся не совсем хорошими делами.

– Налетай на пищу, братва! – Калаш опускает на стол три огромные коробки.

– О, перекус подъехал, – Данила Климов потирает одну ладонь о другую.

– Крутяк, жрать охота.

– А чё там у нас?

– Четыре сыра, грибы и мясная.

– Ништяк!

– С грибами ну его на хер. В прошлый раз сутки просидел на унитазе. Пришлось от не фиг делать читать стихи Лермонтова, – рассказывает Антон Черепанов, лежащий у меня на коленях.

– Культурное просвещение, – ржёт Даня.

– Откуда вообще в нашей хате книги?

– От верблюда, – отзывается хмуро Паровозов. – Надеюсь, ты книгу только по назначению использовал?

– Канеш.

Пацаны ржут.

– Вот вам ещё картофан по-деревенски.

– Супер. Кабан, давай садись уже, бери кусок и передавай дальше. Через тебя, годзиллу, не дотянуться, – недовольно возмущается Динамит.

– Эээм, я на диете, – вставая с дивана сообщает тот хмуро.

– Чего-чего? Диета? – прибалдевший Тоха открывает глаза и удивлённо моргает. – Голодуешь типа?

– У меня с собой салат из спаржи, – Кабанов трясёт контейнером. – Пиццу не буду.

Надо видеть лицо Черепа. Он в шоке.

– Ты серьёзно, бро? Стал этим, как его... – щёлкает пальцами. – Травоядным?

Парень пожимает плечом.

– Эт чё за новости?

– Похудеть надо. Тётка сказала, что нельзя жрать фастфуд, жареное, мучное, жирное и сладкое.

– Оооо...

– Лажа полная.

– То есть этой неуёмной бабе мало того, что ты выделяешь по утрам с ведром ледяной воды на балконе?

– Закаляюсь.

– Терь ещё и за питание взялась. Кабздец!

– Та это... У меня анализы плохие. Есть кое-какие проблемы со здоровьем из-за лишнего веса. Полное обследование внутренних органов прошёл. Ожирение печени обнаружили.

– Обследование? Кабан, пора тебе сваливать от своей дебильной тётушки. Задолбала, – качает головой Динамит.

– Ну! Мож ещё в трусы к тебе залезет? Репродуктивный внешний орган проверить, так сказать, – громко гогочет Черепанов, и парни дружно подхватывают эту волну.

Прекращаю перебирать его волосы. Вместо этого соскальзываю пальцами на ухо и больно щипаю.

– Ай.

– Перестаньте, – глядя на покрасневшего Кабанова, решаю вмешаться. – Парню нужна ваша поддержка, а не вот эти вот тупые приколы.

– Да мы чё...

– Ничё. Хватит, – окидываю присутствующих суровым

взглядом.

– Та мы просто переживаем за нашего зожника. В тиски зажали пацана...

– За гастрит свой переживай, Тох, – осаживаю строго.

– Яська права, – поддерживает меня Паровозов, откладывая в сторону какой-то чертёж. – Завязывайте с подъёбками. Нет повода для стёба.

Смех стихает. Парни молча тянутся к пище.

Надо сказать, что авторитетом среди друзей Илья Паровозов стопроцентно пользуется. Я отчётливо это поняла за прошедшие несколько недель.

Без одобрения Паровоза не одно дело не обходится. Он принимает решения. Даёт инструкции. К его мнению всегда и все прислушиваются. Разве что Динамит порой бузит и пререкается, да Дымницкий имеет особое право оспорить какой-то момент. Самый взрослый же, как оказалось...

– Клиент приехал, – стучу ногтями по шее Черепанова, и он нехотя поднимается.

– Это опять тот чёрт на аккорде? – шуруется, глядя на экран монитора.

– Да, – улыбаюсь, глядя на его торчащий чуб.

– Слишком часто он тут появляется. Есть ощущение, что нарочно тачку пачкает, – усмехается Данила, выкатывая подозрение.

– Стопудово, – соглашается с ним Антон. – Мож рожу ему разбить, а? Мне она прям не нравится. Мерзковатая.

– Ты нормальный? – вскидываю бровь. – Виктор Палыч тесно общается с Эмилем (хозяином нашего громадного автосервиса).

– Ясь, этот лысый колобок к тебе подкатывает?

– Нееет, Дань. Ты чё? Он мне в дедушки годится, – фыркаю, хохотнув.

– Годится, но смотрит он на тебя совсем не по-отечески, – хмыкает брюнет.

– Да он буквально жрёт её глазами, – словно болванчик, мотыляет башкой Антон.

– Человек просто приезжает помыть машину, далась ему ваша Яся, – не отрывая взгляда от экрана ноутбука, подаёт голос Дымницкий, вальяжно развалившийся в кресле.

– Пошла я, короче.

Встаю, в очередной раз проглотив невесть откуда взявшуюся обиду, колом вставшую в горле.

– А поесть, Ясь? – беспокоится за меня Илюха.

– Оставьте кусочек с сыром. Мне и художнику, – не оборачиваясь, бросаю уже на ходу.

«Далась ему ваша Яся».

Гонгом звучит в мозгу.

Вот вечно Дымницкий так обо мне! С презрением и пренебрежением. Как будто я никому не могу понравиться.

– Здравствуй, Ясенька.

Поднимаю голову и натыкаюсь взглядом на маслянистую мордень необъятного Виктора Палыча.

– Добрый день. Мы как обычно? Снаружи и внутри? – снимаю пистолет.

– Да, моя хорошая. Пенку дважды.

– Поняла. Проходите в комнату ожидания. Скоро всё будет готово.

Пропускаю мимо ушей это его приторно сахарное «моя хорошая» и принимаюсь за дело.

Где такую грязь нашёл? Как из леса, ей Богу!

Втыкаю наушники. Отмываю аккорд. Сперва снаружи, затем внутри.

Когда заканчиваю, обнаруживаю в боксе Виктора Палыча. Стоит в углу и пялится на меня со слащавой улыбкой на роже.

Тут всё время стоял, что ли?

– Спасибо, кисунь.

Фу.

Клянусь, ещё немного и меня стошнит. Прямо на его дорогие, лакированные ботинки.

– Держи, дорогая, – протягивает деньги. Как всегда, вдвое больше, чем требуется.

– Хорошего вечера, – забираю и бросаю губку в ведро.

– А вот как раз по поводу него, – выдаёт он неожиданно. – Не соблаговолите ли составить компанию? Меня пригласили на выставку современного искусства и...

Таращусь на него во все глаза. Даня – экстрасенс, блин!

Нет, ну реально в деды же мне годится!

– Я далека от искусства, Виктор Палыч, – подбираю с плитки щётку для дисков.

– Тогда может сразу в МОЙ ресторан? – продолжает напирать. – После работы. Вы обязательно должны попробовать блюдо от шефа.

– Вы чё, какой ресторан? – искренне забавляюсь.

– Ясенька...

Грррр.

Терпеть не могу, когда меня так называют.

– Эу! – до нас доносится пронзительный свист Черепанова.

Морщусь. Аж уши закладывает.

Обалдел?

– Очередь не задерживаем. Выгоняем тачку из бокса, – командует недовольно.

– Да-да, минуточку, – кивает Виктор Палыч, протирая платком лоснящуюся лысину. – Ну так что, Ясенька? Как насчёт ресторана? – выжидающе смотрит на меня своими порсячьими глазёнками.

– Нет.

– Нет? – мой отказ его явно удивляет. – И почему же?

– Может, потому что между нами лет сорок разницы? – выдаю напрямую, и его кожа немедленно приобретает багровый оттенок.

– Ты хоть знаешь, с кем говоришь, оборванка? – поправляет пиджак на пузе и задирает верхний из своих подбород-

ков.

– Слышь, индюк, – рядом с нами оказывается Черепанов.
– Не надо так с ней общаться.

– Как так?

– Это тебе не место для съёма. Проваливай отсюда.

– Парень твой? – осведомляется Палыч, поджимая губы в издевательской ухмылке.

– Освободите бокс, – смотрю на него выжидающе.

– Включи мозги, девочка. Перед тобой сейчас стоит большой и серьёзный человек.

– Ага, чрезмерно большой, аж пуговицы вон трещат, – Антон бесцеремонно хлопает его по животу.

– И шелупонь непонятная.

– Шелупонь? Это ты щас мне адресовал, кусок свинины?
– Тоха делает шаг вперёд.

– Череп, не надо.

Не успеваю вмешаться. Антон бросается на Виктора, за-
ряжая тому по роже.

В общем-то как и планировал двадцать минут назад...

– Сссука!

Центнер разъярённого Виктора, получившего по шам, угрожающе надвигается на худющего Черепа и тот падает на багажник вымытой хонды.

– Конец тебе, спирохема! – пухлые пальцы смыкаются на горле моего защитника. Он давится и пытается захватить ртом воздух.

– Ты чё делаешь? Немедленно отпусти его, скотина! – запрыгиваю обезьяной ему на спину и колочу правой рукой.

– Эээ! – сперва слышу, а потом и вижу Климова.

Наверное, ребята наблюдали за нами через камеру.

– Ну-ка отвалил от него, мужик!

– Руки убрал, слышь?

А это уже Паровозов, влезший между ним и задыхающимся Антоном.

– Или щас мы тебя подуспокоюм огнестрелом, – Динамит достаёт пистолет, и тогда важный человек с разбитым носом наконец отпускает жертву отмщения и поднимает руки.

Я часто дышу, всё ещё прицепившись клещом к спине толстяка.

Получивший свободу Антон, скатившись с багажника, надсадно кашляет.

– Ясь, я не понял, почему у нас на улице такая оче...

Хозяин автомастерской замирает в дверях и хмурится, наблюдая открывшуюся перед ним картину.

Честно говоря, думала, что после того случая Эмиль меня уволит.

Но нет.

Хозяин автосервиса, на удивление, в этом конфликте встал на мою защиту, и я продолжила мыть тачки дальше. Чему была очень рада...

– Ого, вот это да! – непроизвольно притормаживаю у ав-

томобиля, на капоте которого «лежит» огромная змея. Её глаза направлены прямо на меня. Длинный, разделённый надвое язык высунут наружу. Серо-коричневая чешуя переливается, словно на солнце. – Красивая, как живая! – залипаю я восторженно. – Ты здорово рисуешь, – перевожу взгляд на сосредоточенное лицо художника. В эту самую секунду он недовольно рассматривает своё творение, словно оценивая. – Я принесла тебе кофе. Ты, как всегда, последний.

Ян, именно так зовут этого мрачного парня, кажется, только сейчас замечает моё присутствие.

Поворачивается. Ещё сильнее хмурит густые брови. Забирает бумажный стаканчик с кофе из моих ладоней и садится на раскладной стул.

– Где ты научился так рисовать? Это же... невероятно круто. Настоящее искусство!

Он пренебрежительно фыркает.

– У тебя плохой вкус. Ты ни черта не смыслишь в искусстве.

– Может и не смыслю, – равнодушно пожимаю плечом, – но ты – точно талантище.

– По-твоему, талант в посредственности? – кивает на выполненную им аэрографию.

То есть я не ошиблась. Ему действительно не нравится результат.

– По-моему, ты это... конкретно себя недооцениваешь.

– Ты хотела сказать, что я реалист? Определённо... – лёг-

кий кивок головы.

– Опять на ночь останешься? – окидываю любопытным взглядом помещение, в котором он работает, и запах краски всё активнее пробивается в ноздри.

– Компанию, что ли, составить хочешь? – ухмыльнувшись, выдаёт провокационно и вытягивает вперёд ноги.

– Не, спасибо за предложение, но сегодня я устала как лошадь. Болит? – спрашиваю, глядя на то, как он морщится, откинув голову назад.

Не дождавшись ответа, шагаю к нему, становлюсь сзади и начинаю массировать пальцами шею и спину, нажимая на нужные точки.

– Полегче?

Чувствую, что парень, сперва явно напрягшийся, сейчас постепенно расслабляется.

– Да.

– Я, кстати, Яся.

Мы много раз видели друг друга, но пообщаться и познакомиться как-то не удавалось.

– Симпатичные кудряхи.

Не могу смолчать. Шевелюра у художника классная. Знаете, как из рекламы шампуня.

– Массаж. Compliments... Есть желание переспать со мной? – задвигает устало.

– Мечтай, – моя очередь фыркать. – Приёмный отец работал массажистом. С детства знаю некоторые полезные фиш-

ки. Вот и решила немного облегчить твои страдания.

– Что забыла здесь, на грёбаной мойке, Яся? – вроде и вопрос задаёт, но голос звучит абсолютно ровно.

– А ты? – рикошетом отбиваю.

Поворачиваясь, выгибает бровь.

– Чё? Дорогие часы. Золотая цепь, размером с собачий ошейник. Брендовый шмот, – поясняю я. – Подозрительно, согласишься?

– Для того чтобы всё время оставаться козырным тузом, нужно время от времени менять масть, – отвечает он, выдержав паузу.

– Хм...

Что бы это значило? Говорит загадками.

– А мне просто нужна работа и деньги, – выдаю как есть.

– С твоей внешностью можно было найти место поприятнее, – возвращается в исходную позицию, и я продолжаю разминать ему шею.

– Меня всё устраивает.

– Это и настораживает, – произносит Ян задумчиво в тот момент, когда открывается дверь бокса.

– Долго я, блять, ждать тебя должен? – доносится до нас в край рассерженный голос Дымницкого.

– Чё? – растерянно на него смотрю, пытаюсь сообразить, о чём речь.

– Чё-чё, – передразнивает меня он. – С телефоном твоим что? Невозможно дозвониться! – выговаривает с претензи-

ей.

Блин. Я вышла к Яну ненадолго, но, заболтавшись с ним, совсем забыла о том, что меня должны забрать ребята.

– Не знаю. Он там, в подсобке лежит, – объясняюсь, пока его высокая фигура направляется к нам.

– Сама в подсобке ляжешь, если через три минуты не посадишь свою задницу в тачку, – предупреждает он, задержав взгляд на моих пальцах, всё ещё на автомате выполняющих ритмичные движения на коже Кучерявого.

– Ясно, я буду там через две!

Мне дважды повторять не надо. Топаю к выходу и уже собираюсь послушно ретироваться из покрасочного цеха во-свояси, но внезапно замираю у двери, когда до меня долетают слова, адресованные Яну.

– Проверь, всё ли при тебе. Она могла стащить что-нибудь ценное.

В груди опять что-то надламывается.

Закусываю губу до боли.

Стискиваю металлическую ручку до побелевших костяшек и, отсчитав про себя несколько секунд, толкаю дверь.

Вот ведь козлина!

Никак мне своё долбаное портмоне простить не может! Норовит уколоть при каждом удобном случае.

Быстро переобуваюсь в кроссовки, хватаю неизменный рюкзак и мёртвый телефон, севший в ноль.

Достал! Как достал!

Уходя, вырубаю свет в боксе. Выхожу на улицу.

Мож самой до хаты добраться? Долго, холодно, метро далеко. Разберусь? Пошёл он в жопу!

Гоняя в голове этот варик, натыкаюсь глазами на его тачку. И как переклинивает резко. Решение потрещать, наконец, наедине кажется единственно правильным и необходимым.

Ну потому что сколько можно гнобить меня за ту кражу? Уже извинялась не раз и давно за содеянное... как это... раскаялась. Во!

Моргаю.

Поднимаю взгляд вверх.

Мелкие снежинки, кружась, опускаются на щёки и спинку носа.

– Ты опоздала на тридцать пять секунд, – скрипит рядом этот душила.

Я даже и не заметила, как подошёл.

– Переживёшь, – чеканю сухо и забираюсь в салон.

– Между прочим, я звонил тебе пять раз, – продолжает выказывать своё недовольство уже в машине.

– Телефон разрядился.

– Ты не в состоянии следить за грёбаными процентами?

– А можно не устраивать из этого целую проблему вселенского масштаба? – закатываю глаза, устраиваясь на сиденье поудобнее.

– Ты сама по себе проблема, Бортич, и должна...

– Ниче я тебе не должна! – взрываюсь, хотя минутой ранее давала себе установку на спокойствие.

– Развозить твою задницу по Москве я тоже не нанимался! – трогаясь с места, цедит он в ответ на мою реплику.

– Я смотрю, моя задница никак не даёт тебе покоя, – подмечаю язвительно. – Слишком часто её упоминаешь.

– Не льсти себе, – выезжает на оживлённую трассу, подсвеченную рядом фонарей.

– Чего орать из-за ерунды? Ну, не дозвонился. Ну, дошёл до бокса. Перенапрягся, что ли?

– Пока ты клеила Кучерявого, я тратил своё драгоценное время впустую!

– Ой, ну прям! И, если что, никого я не клеила! – оправдываюсь перед ним зачем-то. – У пацана заболела шея, я сделала массаж. Чего ты так завёлся? М? – намеренно провоцирую и хожу по краю.

– Просто заткнись и сиди молча, – бросает грубо. – Если бы не просьба Паровоза, пилила бы сейчас своим ходом. По ночи.

– Кто знает, мож это куда лучше, чем находиться в обществе глубоко обиженного мужика, – ворчу я себе под нос, но он, естественно, слышит.

Зыркнув в левое зеркало, включает поворотник и резко сворачивает на обочину, где останавливается.

– Давай. Вперёд! – сжав челюсти, предлагает зло и выжи-

дающе на меня смотрит.

– Ну это ж бред вшивой кобылы.

– Сивой, – исправляет уже по традиции.

– Неважно, – отмахиваюсь. – Смысл этих движений?

– А смысл терпеть тебя тут? – опускает стекло, и холодный воздух улицы проникает в салон.

– К чему этот кидняк?

Достаёт из пачки сигарету и дважды чиркает зажигалкой, блеснувшей в темноте красным огоньком.

– На понт берёшь? Я всё равно доберусь, чё.

Глубоко затянувшись, медленно выдыхает дым, после чего стучит указательным пальцем по виску.

– Какой резон? Мы с тобой едем в одну точку. Дай мне тоже покурить, – забираю у него сигарету и только-только успеваю к губам поднести.

– Ты охренела? – выхватывает её из моих пальцев.

– Жмот. Плевать... У меня свои дома есть, – отворачиваюсь к окну.

– «Движения», «кидняк», «резон». Ты бы лучше научилась нормально разговаривать. Противно слушать.

– Твои друзья общаются также. Разве нет? – в лоб выкапываю.

– Ты – девушка. Подобная речь абсолютно тебя не красит. Как, впрочем, и сигареты.

– Хренов моралист.

– Кто ещё скажет тебе правду?

– Воспитывать меня удумал? Какой же ты душный в свои тридцать! – восклицаю я громко. – Это старость, да?

Видели бы вы выражение его фейса и эти глаза.

– Серьёзно, Дым...

– Не хер называть меня так, – произносит по слогам и по какой-то причине злится ещё больше.

– Что такого? Почему? Пацанам можно, а мне нет? – искренне не понимаю, что за необоснованная агрессия в мою сторону.

– Просто закрой свой рот на ближайшие полчаса, – выдохнув, командует он раздражённо.

Выбрасывает окурок в окно, поднимает стекло и снова выезжает на дорогу...

Глава 11 Реактивная

В ту ночь поговорить нам так и не удаётся.

Дымницкий всю дорогу висит на телефоне, а после этого, высадив меня у дома, уезжает в неизвестном направлении.

Поднимаюсь по лестнице. Достая ключи и открываю дверь.

В квартире никого из пацанов не застаю. Как раз собираюсь позвонить Тохе, чтобы поинтересоваться, почему он не приехал, как тот опережает меня и присылает короткое сообщение.

Череп: «У нас стрелка, Ясь. Будем поздно».

Стрелка... Понятно.

Разуваясь и шагаю к себе на балкон. Там у меня, так сказать, свой угол обустроен.

Оставляю рюкзак на полу. Швыряю телефон на раскладушку и, сдёргнув со стула футболку, мирно отжатую у Паровозова, направляюсь в душ.

Позволяю себе зависнуть тут дольше обычного, зная, что снаружи никто не ждёт своей очереди. Греюсь под струями горячей воды, стекающей по спине, и наслаждаюсь человеческими условиями проживания, которым искренне радуюсь по сей день.

Сейчас уже не представляю, что такое не мыться неделями или ходить умываться и чистить зубы по туалетам торго-

вых центров. Правильно говорят, к хорошему человек очень-очень быстро привыкает...

Искупавшись, переодеваюсь и нехотя выползаю в прохладный коридор. Поёживаясь, держу путь на кухню, гонимая теми страшными утробными звуками, что издаёт мой желудок, но неожиданно для себя самой замираю у двери, ведущей в спальню Дымницкого, которую он делит с Черепановым.

Не придёт же сейчас, да? Так что почему бы и нет...

Как обычно, совсем не даю себе времени на подумать. Захожу туда и, нащупав выключатель, врубаю свет.

Что тут у нас?

Раньше я сюда лишь заглядывала. Чтобы, например, позвать Тоху похавать или разбудить по его же просьбе.

Останавливаюсь в центре комнаты и не могу сдержать усмешку. В очередной раз чересчур резко бросается в глаза то, что территория будто бы чётко поделена на две зоны.

Хаос и кавардак справа.

Образцовый порядок слева.

Нетрудно догадаться, что и кому принадлежит, правда?

Постель Антона не заправлена. Одеяло в цветной ромбик свисает до самого пола. На подушке – горкой джинсы и свитера. Судя по раскрытому шкафу, Череп явно собирался впопыхах и не мог решить, какой шмот выбрать.

Посередине кровати валяется большая игрушка-гусь, с которой он спит. Тут же лежит какой-то порнушный журнал

с силиконовой красоткой на обложке и большая, квадратная коробка с шоколадными конфетами, а точнее с золотистыми фантиками от них.

На полке у Патлатого царит такой же бедлам. Плюшевый заяц, диски с играми, карты-фэнтэзи с полуголыми девушками, деревянная модель самолёта, чупа-чупсы, пачка чипсов, жвачки.

Все эти вещи фактически кричат о том, что здесь, в этой комнате, обитает мальчишка-подросток. И, хотя Антону уже за двадцать, мне тоже часто кажется, что в душе он и есть ребёнок. Добрый, весёлый, милый, улыбчивый и совершенно бесшабашный. Полная противоположность соседа по комнате...

Перевожу взгляд на идеально заправленную постель Дымницкого. Чёрное бельё выглядит так, как будто на нём и не спят вовсе.

Капец, ни складочки.

У меня в жизни вот так не получится всё заправить. Обязательно где-нибудь что-то загнётся.

Шагаю к тумбочке, на которой стоит ночник.

Нехорошо лазить в чужих вещах, но любопытство... не помню что-то там. Короче, думаю, заглянуть осторожноенько можно. Чтобы узнать объект поближе.

Выдвигаю первый ящик. Боксеры.

Пардон.

Выдвигаю второй. Носки. Сложенные, блин, рядами, один

к одному. Ещё и по цветам, к тому же.

Пффф.

Закатываю глаза. Наклоняюсь. В нижнем ящике обнаруживаю ноутбук и толстый блокнот, исписанный длинными, абсолютно непонятными буквенно-цифровыми кодами. А ещё нахожу кольцо. Широкое такое, из белого золота. Очень похожее на обручальное в мужском варианте.

Точно. Обычно он носит его на... Сглатываю.

Правой руке и безымянном пальце.

Что-то горячее взрывается в груди. Возвращаю кольцо, задвигаю ящик и выпрямляюсь, поднимая голову, дабы переключить своё внимание на верхнюю полку.

Чистота и минимум вещей. В основном книги.

Лермонтов «Герой нашего времени», Достоевский «Братья Карамазовы», Пьюзо «Крёстный отец», Чак Паланик «Бойцовский клуб», Энтони Бёрджесс «Заводной апельсин», Ремарк «Три товарища».

Мне, чессказать, из всего этого знакомы только Лермонтов, да Достоевский.

Снимаю массивные наручные часы с полки. Рассматриваю, примеряю на своё тощее запястье, любуюсь и тоже возвращаю на место, цепляя следом CD-плеер с наушниками.

Господи, на фиг он нужен, если сейчас вся музыка может находиться в плейлисте твоего телефона? И наушники эти ещё... Знаете, такие большие и мягкие.

Водрузив их себе на голову, нажимаю на воспроизведе-

ние, и в уши мне льётся одна из самых известных песен Наутилуса «Последнее письмо» или, как её чаще называют «Гудбай Америка».

Земляки мои.

Прикрываю глаза, слушая первый куплет и припев.

Щёлкаю на следующую.

Смысловые галлюцинации «Вечно молодой».

Губы помимо воли растягиваются в улыбке, а сердце ускоряет ритм.

Жму дальше.

Бутусов «Песня идущего домой».

Сплин.

Би 2 «Мой рок-н-ролл».

Вот оно! Все песни как на подбор. Хотя в чём-то мы совпали. Нам с Кириллом совершенно точно нравится одна и та же музыка. Прямо удивительно даже.

Довольная щёлкаю назад до Наутилуса. Кто знает этого Дымницкого? Не удивлюсь, если он запоминает, на какой песне остановился. Ещё заподозрит чего-нибудь, а мне это не нужно.

Вырубаю плеер. Снимаю наушники и кладу на место, оставляя всё, как было.

Спешу уйти из комнаты, пока меня не застучали. До кухни так и не добираюсь. Позабыв про голод, сворачиваю к себе, укладываюсь на раскладушку и долго ещё размышляю. О Дымницком. О песнях. О кольце...

Обручальное же. И надпись на внутренней стороне... Аж на сетчатке отпечаталось.

DANA

Что если та девушка с фотографии (которую я, к своему стыду до сих пор не вернула, кстати) – жена Дымницкого. Была ею или всё ещё ею является.

Хм. Последний вариант мне вот как-то вообще-вообще не нравится. Вроде бы ни о чём таком пацаны не рассказывали. Да и здесь она не показывалась.

Твою мать!

Резко подскочив с подушки, не моргая, таращусь в темноту.

Портмоне.

В памяти всплывают слова Паровоза, сказанные им после нашего визита к барахольщику.

«Неважно, сколько стоит вещь. Для него ценность в том, что её подарил близкий ему человек».

Близкий человек.

Слушайте, а не эта ли Дана, чьё имя выгравировано на внутренней стороне кольца, подарила ему то портмоне???

Блиин...

В размышлениях о неизвестной девушке проваливаюсь в беспокойный сон. Краем уха в начале пятого слышу шум и какое-то движение, но усталость плюс лень, на пару, не дают подняться с раскладушки и я продолжаю лежать.

Правда ровно до того момента, как кто-то... очень назойливый и настойчивый не начинает трезвонить и дубасить в нашу дверь.

– Все внезапно оглохли, что ль?

Протяжно вою. Соскребаю себя с «постели» и босиком шагаю в прихожую.

Чирик. Чирик. Чирик. Чирик.

Да ёпрст!

Подхожу к двери. Сперва зыркаю в глазок, как велел Илюха. В поле зрения попадает зарёванное лицо девчонки, держащей на руках какое-то животное.

Ну. Явно не бандюганы на пороге.

Проворачиваю щеколду и открываю.

– Тебе кого? – спрашиваю, зевая.

Подняла ни свет, ни заря. Я даже не успела посмотреть сколько сейчас времени.

Рыжеволосая гостя поджимает губы, хмурится и подозрительно прищуривается.

– Ты кто? – осведомляется с наездом.

– Я тут живу с недавнего времени, – отвечаю, разглядывая шкодного пёсика, не на шутку активизировавшегося при виде меня.

– Понятно, – выталкивает девчонка, ухмыляясь и, развернувшись... Уходит?

Растерянно смотрю ей вслед.

Топают как слон, спускаясь по ступенькам. Что-то бубнит

себе под нос.

Странная... Чё приходила-то?

Пожимаю плечом, захлопываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, снова зевая.

Спать охота. Мало того, что уснула поздно, так ещё и по прибытии парней просыпалась.

Тик-так.

Поднимаю взгляд на часы.

Девять.

Как раз собираюсь отправиться лежебокствовать дальше, но в это самое время вновь раздаётся дебильное чириканье. Тройное. Почти истеричное.

Хм.

Открываю.

Дубль два.

Вопросительно вскидываю бровь. Потому что передо мной снова стоит та же самая рыжая девчонка. Судя по виду, явно чем-то недовольная.

Пыхтит. Красная. Заведённая.

– Так ты к кому? – уточняю я повторно.

Она молча разувается, опускает собаку на пол, и та ракетой радостно несётся в гостиную.

– Ещё разок, проясним для верности, – выпрямляясь, заявляет деловито эта кнопка. – Ты живёшь здесь потому что... – интонацией просит меня продолжить предложение.

– Ну так Илюха...

Договорить не успеваю.

Совершенно неожиданно она бросается вперёд и с криком «ах Илюха» бьёт меня по лицу.

Сон как рукой снимает, знаете ли...

Отступаю назад.

Какого вообще хрена?

– Шалава! – снова набрасывается. Орёт, как умалишённая. Машет конечностями. – Падлюка! И давно ты с ним спишь? – тяжело дыша, несёт какой-то бред.

– Угомонись, дура!

– Откуда вы все только берётесь?! Мало мне свечки было!
– кричит она, вцепившись мне в волосы.

– Да кто ты вообще такая??? – офигеваю с происходящего.

– КТО Я? КТО, БЛИН Я?

Звереет ещё больше и снова нападает.

Где-то тут я окончательно прихожу в себя. Отгребать недоедает. Злюсь, опять получив по роже. Бью её в ответ, и между нами завязывается самая настоящая драка.

– Девчонки, вы... чего? – где-то фоном звучит обеспокоенный голос Черепанова.

Мы в этот момент перемещается в комнату и уже там продолжаем активно лупить друг друга.

– Сука! Ну-ка быстро сняла! – пыхтит мне в лицо и тянет за футболку.

– Неадекватная. Руки от меня убрала, пока я тебе их не выкрутила в обратную сторону! – угрожаю, тяжело дыша.

– Попробуй, коза драная!

Хватаю её за клешню. Выворачиваю. У Дымницкого при-
ёмчик украла.

– Ай... – вопит она.

– Яська! Господи, отпусти её! – просит Тоха. – Пацаны!
Пацаны! – бежит за помощью.

Тяф. Тяф. Тяф.

Собака-гном звонко лает и наворачивает вокруг нас кру-
ги, а эта дура тем временем всё ещё пытается сорвать с меня
одежду.

Совсем чокнулась. Ополоумела!

– Сняла, я сказала! – орёт во всё горло.

– Слезла с меня, дура! – пытаюсь скинуть её с себя ногами.

– Гадюка... Щас я тебе патлы-то поотрываю!

– А что случилось? – спокойно интересуется Дымницкий,
чью фигуру я замечаю краем глаза.

– Придушу! – угрожает Бешеная.

– Рискни!

В очередную схватку вступаем.

– Саня, отпусти её!

О, а вот и Паровоз явился. Собственной персоной.

Собрали публику. Аншлаг ё-моё!

– Ненормальная!

– Зараза!

Катаемся по полу. Ожесточённо боремся.

– Хорош, Харитонов! Уймись! – Илюха оттаскивает её

от меня, даруя возможность отдышаться.

– УБЕРИ ОТ МЕНЯ СВОИ РУКИ, КОЗЁЛ!

– Успокоилась. Ты спятила, что ли?

– Пошёл ты!

– Хватит, алё!

Пока скандал набирает обороты, отползаю в сторону кресла.

– Ненавижу тебя! НЕНАВИЖУ! – кричит девчонка на всю квартиру. – УРОД! СВОЛОЧЬ! – лупит теперь и его. – Поставь ноги. ПОСТАВЬ МЕНЯ НА НОГИ, КОЗЁЛ!

Её возгласы постепенно стихают. Потому что Илья тупо выносит её орущую из квартиры.

И-да уж...

– Какого чёрта между вами произошло? – Тоха помогает мне подняться.

– Да ничего, – криво усмехаюсь, слизывая кровь с разбитой губы.

– Пиздец. Это её от ревности так переклинило, что ли?

Данила. Его в этой кутерьме я даже не увидела.

– Без понятия. Она с порога на меня накинулась.

– Неудивительно, учитывая во что ты одета, – Дымницкий достаёт пачку сливочного масла и отдаёт её мне.

В магазине был, что ли? Ну да, в пальто и с пакетом.

Прижимаю холодную пачку к щеке и блаженно прикрываю глаза. Так реально полегче.

– Жесть. Я устался, – делится впечатлениями Антон, а по-

том в квартире наступает абсолютнейшая тишина.

Мы все как будто бы прислушиваемся.

Даже пёс и тот в руках Климова успокаивается.

– Как думаете, на этот раз расстанутся? – обращается к присутствующим Череп.

– Не факт.

– Вполне возможно.

– Я бы такую дикую не вынес, – признаётся Клим. – О, Илюха, всё нормально?

Из прихожей появляется Паровозов. Криво усмехается. Забирает со стола зажигалку.

– У тебя спина в крови, – считает своим долгом сообщить Антон, но парень на него не реагирует. Ко мне подходит.

– Ты в порядке?

– Да.

Осматривает моё лицо. Кивает, тяжело вздыхая.

– Это что ещё за девочка-война? – поднимая глаза и натываясь на его сочувствующий взгляд.

– Санька моя, – объявляет не то убито, не то обречённо.

Санька.

Моя.

О, так это не мне сочувствовать надо, дружище...

Глава 12 Операция «П»

– Не знаешь, её в холодную воду засыпать надо или как?

– В горячую, – отвечает Череп.

– Точно?

– Ну да.

– Хм... Ща. Гугл нам в помощь, – сомневаясь, беру телефон в руки и быстренько выясняю. – Да, ты прав. В кипящую, подсоленную воду.

– Я ж сказал, – самодовольно ухмыляется.

– Солю тогда, – снимаю с полки пиалку.

– Маловато.

– Ещё?

– Стопудово.

– Ой, – по неосторожности бахаю соли больше, чем нужно. – Блин... Чё делать теперь? Перебор?

– Та не, нормально, наверное, – отмахивается беззаботно.

– Ладно, – почёсываю нос. – Ждём, когда закипит вода.

Пока можно пожарить наши покупные котлетки, – улыбаясь, трясую коробкой.

– И салат неплохо бы нарезать, – достаёт из холодильника овощи.

– Отличная идея, – киваю я. – Так-с. Что тут у нас... Выложить нагетсы на разогретую с подсолнечным маслом сковороду и обжарить с двух сторон, – зачитываю вслух текст с

упаковки. – Ваше несложно вроде. Чё там со сковородой? – перемещаю взгляд на плиту.

– Ссс! Горяченькая, – потирает палец для затеста.

– Хоршо. Клади их туда, – передаю раскрытый пакет.

– Ага, – Тоха послушно выполняет мою команду, но от первого же нагетса в стороны с треском летит фонтан масляных брызг. – Ёлы-палы!

– Видать, чересчур сильно разогрели, – заключаю, отпрянув.

– Остальные-то кидать? – спрашивает, замерев с пачкой в руке.

– Конечно да, быстрее! – сощутив левый глаз, наблюдаю за тем, как полуфабрикаты один за другим отправляются в сковороду.

– Стреляет пипец! – морщится он, забрасывая туда нагетсы, словно гранаты.

– Давай-давай! – подбадриваю активно, на расстоянии.

– Готово! – орёт Череп, разглядывая испачканную маслом футболку.

– Найс. Дай пять.

– Вы решили спалить к херам хату? – звучит в кухне сонно-хриплый голос Паровоза.

– Не, просто еды нормальной захотелось. Сашка же... – Череп осекается на полуслове и бледнеет, осознав оплошность, – не ходит сюда больше, – лепечет себе под нос, и я смотрю на него с укором.

Смолчать не мог, что ли? На фига про Рыжую говорить? И так ситуация – отстой, судя по внешнему виду Илюхи.

Глаза краснючие. Под ними чёрные круги. Помятый. Небритый. Опухший с бодунища.

– Ты... как? – пытается исправиться Антон, но, положив руку на сердце, уж лучше бы он этого не делал.

– Со мной всё нормально, – открывая холодильник, отзывается тот хмуро.

– Если честно, непохоже, – имею смелость оспорить им сказанное.

– Не понял... Где водка? – не обращая внимания на мою реплику, интересуется он сердито. – Вчера тут стояла бутылка. Куда делась?

– Мы её выкинули, – признаюсь на одном дыхании и виновинственно смотрю ему в глаза, когда поворачивается.

– Чё вы сделали? – прищуривается, уточняя.

– Илюх, прости, но мы реально о тебе паримся.

– Ага, – поддакивает Черепанов.

– Слишком до хера заботы.

– Так ведь и спиться недолго. Ты же...

– Яся... – таким красноречивым взглядом припечатывает, что приходится погасить в себе порыв и заткнуться.

– Она дело говорит, брат. Надо бы притормозить с алко-голем.

– Много на себя берёте, Череп, – рывкает недоброжелательно, прихватывая бутылку лимонада с полки.

– Мы переживаем, – повторяю упрямо.

– Я в магазин.

– Опять за выпивкой? Илюх...

– Жарьте свои котлеты и не ебите мне мозги!

– Постой!

– Пучеглазого покормите, – бросает через плечо, направляясь, очевидно, в прихожую.

– Чёрт а... – провожаю взглядом его спину и вздыхаю. – Сопьётся таким макарон точно.

– Даже от собаки перегар стоит, – нюхает Тоха малявку, поднятую на руки.

– Так не пойдёт. Надо что-то делать.

– Что например? – наглаживает по хребту Собакевича.

– Чуть позже сгоняю в аптеку.

– За средством от похмелья?

– Нет. Подсыпем ему кое-что в алкоголь, – заговорщицки поднимаю вверх указательный палец, и Череп вопросительно выгибает бровь. – Доверься мне. Это отвернёт его от бухла надолго.

– Замётано.

– Ну-ка расскажи мне про Рыжую. Чё он так страдает? Конкретно запал на неё, да? – подставляю огурцы под воду.

– Ага. Илюху на Сашке жёстко заклинило.

– Давно они вместе?

– С прошлого года.

– А как познакомились?

– Она в выпускном классе училась. Приехала в нашу деревню к подруге. Эта подруга, Алёна, была типа невестой Паровоза.

– Интересненько, – моя очередь приподнять бровь. – Получается, что Сашка отбила Илью у невесты?

– Не, – целует Писявыча и мотыляет головой. – Невеста Илюхина самостоятельно слилась. Она замутила в Москве с мажором. Привезла его сюда, с бабушкой знакомить.

– Ого-го... Некрасиво, – присвистываю, предполагая реакцию Паровоза.

– Там сложно всё было, Ясь.

– Ну так а с Рыжей как закрутилось? – не улавливаю сути.

– Да как... Она с нами в замес один попала, – поясняет расплывчато. – С того момента и завертелось у них.

– Ясно.

Понятно, что ничего не понятно.

– Прикол в том, что батя Харитоновой – ментовская шишка.

– О как...

– Да и сама она на мента учится, – добавляет, вконец меня ошарашив.

– Ты гонишь, Череп? – тарашусь на него во все глаза.

– Нет.

– Офигеть... Бандюган и ментяра. Ну и парочка.

– Илюха её любит. На остальное ему похрен.

– Так и должно быть. Я просто... в шоке чё, – говорю, как

есть.

– Пахнет странно, – забавно раздувает ноздри.

– ФАК! – бросаюсь к плите. Там, на сковороде, горит наш обед.

– Ё-моё! Подгорели?!

– Ну естественно, заболтались мы! – переворачиваю лопаткой нагетсы, покрывшиеся тёмной коркой. – Блиин!

– Огонь, блять, меньше сделай.

А это уже Дымницкий.

Тоже проснулся. Стоит и мрачно взирает на процесс готовки.

– Вода бурлит. Пора засыпать гречку, – напоминает Череп, заглядывая с Гномычем в кастрюлю.

– Ну так сыпь. Мне за нагетсами следить надо.

– «Вовремя» ты следить собралась. Вонь палёным на всю квартиру, – язвит Кирилл, откручивая крышку от бутылки с кефиром.

– И ничего я не спалила. Всего лишь немного корочкой взялось.

– Немного? Ты уверена? – фыркая, усаживается за стол и открывает ноут.

– Уверена, – поджимаю губы и на всякий пожарный отставляю сковороду на соседнюю конфорку. От греха подальше. – Тох, как дела с гречкой?

– Всё тип-топ.

– Время засёк?

– Нет. Ща.

– Горе-повара... – комментирует происходящее Дымницкий.

Нажимаю на нож сильнее, когда режу помидор для салата.

Заткнулся бы уже. Прямо бесит!

– Илюху видел, Кир? Мы пытались поговорить с ним, но он никого не настроен слушать.

– Не трогай его сейчас, Череп.

– То есть пусть спивается? – вклиниваюсь в их диалог.

– А ты тем более не лезь, сопля.

– Не называй меня так, – возмущаюсь, насупившись.

– На правду не обижаются. Зелёная ещё, жизни кого-то учить, – отзывается, не отрывая взгляда от экрана ноутбука.

– По крайней мере, я в отличии от тебя, вижу проблему, – выкладываю на тарелку загорелые котлетки. Вверх той стороной, которая более-менее сносно выглядит.

– Со своими проблемами Паровоз разберётся сам. Лучше бы порядок навела в квартире. Срач кругом.

Проглатываю эту шпильку. Думаю, исключительно по той причине, что на самом деле не считаю себя хорошей хозяйкой.

– К порядку в колонии не приучили разве?

– Я не собираюсь обсуждать это с тобой, – с грохотом ставлю блюдо на стол.

– Ясь, достань масло, – просит Череп, сливая воду.

Кипя от злости, концентрируюсь на его просьбе.

Холодильник.

Средняя полка.

Масло.

Нож.

Режу на кусочки.

Бросаю в гречку.

Отхожу.

– Дым, ты хавать будешь?

– Рискну, Тох.

Рискнёт.

Закипаю ещё больше.

Заправляю салат, перемешиваю помидоры, огурцы, зелень, лук. Отодвигаю стул со скрежетом, сажусь, а Череп тем временем раскладывает по тарелкам гречку и ставит их перед нами.

– Ну и кусмяры. Порубила бы тупо напополам, – наколов помидор, снова язвит Козлина, сидящая напротив.

Криво улыбаюсь. Ей Богу, едва сдерживаясь.

– Мать вашу! – морщится, положив в рот ложку гречки. – Вы сколько туда соли херанули?

– Слушай, а подними-ка свою задницу и приготовь обед сам! – чеканю по слогам.

– Пожалуй, чуть позже так и сделаю. Потому что жрать это невозможно, – встаёт, поднимает тарелку и несёт её к мусорке.

Мудило.

Тщательно пережёвываю салат, глядя в одну точку.

Его счастье, что он унёс эту тарелку самостоятельно. Иначе, вот вам крест, разбила бы ему её о голову...

Обед, как вы поняли, прошёл в довольно-таки напряжённой атмосфере. Есть абсолютно расхотелось, да и настроение конкретно испортилось.

Расстроенная я двинула в аптеку, дабы прикупить Паровозу «лекарство» от алкоголя и знаете что? В этот самый момент мне звонит Мари: звонкая, весёлая и жизнерадостная.

– Selam, [1] москвичка! – громко визжит она.

– Привет. Неожиданно, – останавливаюсь у пешеходного перехода.

– Nasılsınız? [2]

Свожу брови к переносице.

– А можно по-нашенски? Я ни фиги не одупляю.

– Rusça konuşuyor musunuz? [3]

– Мари, ты издеваешься? – цепляю взглядом зелёный сигнал светофора и вместе с толпой перемещаюсь на противоположную сторону улицы.

– Прости, Яська. Я тут практикую турецкий...

– Со мной это бесполезно.

Останавливаюсь. Выгибаю бровь, глядя на дебила, занявшего всю зебру.

Совсем тупой, что ли? Не в курсе, что тормозить надо ПЕРЕД ней?

Люди, тихо возмущаясь, огибают тачку оленя.

– Хм.

Мари что-то щебечет в динамик, а я тем временем направляюсь прямо к иномарке, но вовсе не для того, чтобы обойти её, как делают это все прохожие.

– Бортич, ты вообще меня слушаешь?

– Ага. Ща, минутку.

Решительно шагаю прямо тупо по капоту охеревшего долбодятла.

Водила опускает стекло и выливает на меня убойную порцию мата.

Спрыгиваю на землю. В ответ, не оборачиваясь, демонстрирую ему средний палец.

– Ты совсем попутала, сука?

– Э, а ну залез обратно!

Слышу, как его затыкают мужики, проходящие мимо, и, довольная своей выходкой, иду себе дальше.

– Ясь, ты здесь?

– Да туточки я туточки. По улице иду прост. Шумно.

– Как ты там? Всё хорошо? Работу нашла? Не бомжуешь?

– Нет. Я в порядке. Машины мою. Живу с тремя молодыми мужиками.

– А ну с этого места поподробнее.

Удивлена, судя по интонации. Но её можно понять.

– Да чё... Если вкратце, украла у одного из них портмоне на заправке. Они меня нашли месяц спустя по симке. Так и

«познакомились».

О деталях, как всегда умалчиваю. Зачем ей нервничать?

– А живёшь ты с ними с какого перепугу, Ясь?

– Паровозу стало меня жалко. Любезно подсутил угол и подкинул работёнку.

– Взамен на что?

– На ничто.

– Добрый самаритянин с таким-то погонялом? – недоверчиво уточняет.

– Ага, прикинь?

– Ой не знаю, Ясь. Ты давай там поаккуратней. Мужики никогда ничего не делают просто так.

– Илье ничего от меня не надо.

– Этот Илья слепой или строит из себя долбаного рыцаря?

– Ни то, ни другое.

– А что тогда?

– Он намертво влюблён в рыжую бестию, не так давно жёстко поколотившую меня на почве ревности.

– Хоспаде... Сериалище настоящее.

– И вообще, мне его друг нравится, – вылетает изо рта прежде, чем успеваю подумать.

– Тааак. Интересненько... Что за перец? Как зовут? Сколько лет? Чем занимается? – сразу обстреливает меня вопросами.

– Кириллу тридцать. Он...

Бандит? Член ОПГ?

Как бы объяснить Мари, чем парни занимаются?

– Программист, – выпаливаю первое, что приходит на ум.

– Компьютерный задрот? Поди зануда тот ещё.

– Ну... Есть немного.

– Чем привлёк? Хорош собой? Опиши.

– Высокий, жилистый, спортивного телосложения. Скуластый. Нос с горбинкой. Глаза с прищуром. Тёмненький. Короткая стрижка, щетина. Небольшой шрам на левой щеке. Тяжёлый, хмурый взгляд.

Мысленно вижу его перед собой.

– Бруталити.

– Ещё какой...

– Пришли фотку беспалевно. А чё вздыхаешь так тяжело? До сих пор не уложила его на лопатки?

– Такого уложишь...

– А почему нет? Ты же красотка. Юная, сексуальная, горячая, безбашенная.

– Ему плевать на всё это, Марин. Может, я тупо не в его вкусе?

– Пффф! Да не верю! На тебя у любого встанет. Сколько ему? Тридцать? До импотента далеко. Мой турок вон в сорок семь ещё зажигает. Что с твоим-то не так?

– Я его раздражаю. Кирилл жутко бесится всякий раз, когда мы пересекаемся в квартире. Он постоянно меня затыкает, называет соплёй или малявкой. На контакт не идёт. Намеренно игнорит или жёстко опускает при друзьях. С мо-

им мнением не считается. Не воспринимает всерьёз, понимаешь? – подытоживаю с досадой в голосе.

– Спокойно, Ясь. Равнодушием тут и не пахнет, – заключает тоном семейного психолога.

– Это у него я портмоне украла.

– Ооо...

– Его подарила ему бывшая жена. Он был ужасно зол, когда нашёл меня.

– Надеюсь, ты его вернула?

– Я сдала этот кошелёк на барахолку, когда было нечего жрать. Если б знала, что это подарок, так не поступила бы.

В который раз сожалею о том, что не подумала.

– Пипец ситуация... Но ничё, не расстраивайся.

– Чё делать, Марин?

– Извинялась?

– Да.

– Уже гуд.

– Он меня не простил стопудово.

– Перебесится со временем.

– Чёт пока этот принцип не работает. Посоветуй, как мне действовать.

– А чего именно ты хочешь, Ясь?

Чего хочу...

– Хочу сломать бетонную стену, которая между нами.

Лучше и не скажешь.

– Ну... Есть два варианта. Соблазнить или хитро задружить. Чтобы сблизиться, сечёшь?

– Задружить вряд ли получится. Это с Черепом влёткую, а Дым... С ним тяжело. Он к себе не подпускает, понимаешь?

– Череп. Бож...

– Это третий парень, Тоха, – поясняю я ей, спохватившись.

– Короче, Ясь. Бери быка за рога.

– Что ты имеешь ввиду? – притормаживаю у входа в аптеку.

– Ты должна сразить его наповал. Предстать перед ним во всей красе и создать лютую ситуэйшн, при которой будет возможность вывести его на ревность.

– А если просто выложить как есть? Рассказать о том, что чувствую.

– Ты что? Ни в коем случае!

– Ясно.

– Во-первых, он слушать тебя не станет. Во-вторых, разозлишь ещё больше. Будет считать докучливой малолеткой, пускающей по нему слюни. Оно тебе надо?

– Нет.

– Вот и я о том. Не надо. Ладно, зай, мне пора. Мы с Мехметом в ресторан идём. Он не любит ждать. Буду собираться, а то уже опаздываю.

– Давай.

– Рада была тебя услышать.

– И я. Не пропадай.

– Окушки! Целую тебя, дорогая!

– Пока.

Короткие гудки вызывают прилив грусти.

Как же всё-таки жаль, что Мари далеко. Пожалуй, она единственная, с кем я могу быть откровенной.

Чёрт, и я совсем прослушала её рассказ о себе! Эгоистично сконцентрировавшись на своей проблеме под названием Кирилл Дымницкий.

Надеюсь, она не в обиде?

Вздыхаю и обхватываю ладонями ручку.

В последующие полчаса успеваю отстоять очередь, прикупить необходимое и вернуться на хату.

У подъезда встречаю Паровоза. Он стоит у бодрого мерседеса и трещит с каким-то незнакомым парнем.

– Приготовился бухать? – спрашиваю у Тохи уже на кухне, заприметив на столе батарею из бутылок и тарелку с закуской.

– Да, но ему позвонил Рома Беркут, отвлёк.

– Что за Рома? – двигаю к себе откупоренную бутылку водки и достаю несколько саше с порошочком из кармана.

– Это тот мажор, с которым тёрлась бывшая невеста Паровоза.

Перевожу взгляд с бутылки на Черепа.

– Гм. Мне начинать тревожиться? Вдруг уже морды там

бьют друг другу.

– Они щас не в контрах уже. Делить нечего.

– Думаю, осадочек нехилый всё равно остался.

– Алёна мажора кинула, так что нет...

– Санта-Барбара, блин. Даже не буду расспрашивать.

Алёна эта, по ходу, та ещё краля.

– А чё ты мутишь, Яська? – подсев на ближайший стул, наблюдает за тем, что я делаю.

– Привожу в действие операцию «П». спасаю нашего друга от пьянства. Вторую открывай быстрее, пока он сюда не появился.

– На.

– Встань на стрём.

– Это точно безопасно? – косится на саше.

– Не очкуй, – активно сотрясаю бутылку. – Щас, растворится... Тихо там?

– Вроде да.

– Мистер Брюзга куда-то ушиздил?

– Да. Поел омлет и свалил. Мистер Брюзга, ору! – смеётся Тоха.

– Видишь чё-нибудь? – показываю ему готовый вариант.

– Нет.

– Супер! Тогда оставляем всё и валим. Пусть бухает на здоровье.

– Чё? Киношку посмотрим, как планировали?

– Да. Только погнали ко мне. Нет желания сегодня пере-

секаться с Кириллом.

– Понял, лады.

Прихватив пачку чипсов, шуруем на балкон.

Там, кое-как на пару растянувшись на раскладушке, выбираем по трейлерам фильм. Останавливаемся на каком-то ужастике и начинаем смотреть, однако уже минут через двадцать я совершенно перестаю следить за сюжетом хоррора.

Уютно устроившись под боком костлявого Черепа, сперва с закрытыми глазами слушаю реплики актёров, а потом и вовсе уплываю куда-то далеко.

Снится колония.

Кабинет.

Ненавистный мент, скалящий зубы.

Просыпаюсь в холодном поту. Но не от сна, вскипятившего кровь, а от того, что надо мной нависает всполошенный Тоха с глазами по пять рублей.

– Чего такое? – часто моргаю, спросонья не соображая, что происходит.

Ноута нет. Свет не горит. За окном кромешная темень.

– Там это, Ясь...

– Чё?

Вместо ответа на всю квартиру звучит трёхэтажный мат Дымницкого, после чего громко хлопает дверь.

– Череп... Не говори мне, что он...

По выражению его фэйса без слов трансляцию принимаю.

– Бля, тебя вырубило, я тоже решил малёк прикорнуть. Паровоз не вернулся, а Кир...

– Твою мать! – прикрываю глаза, тяну волосы на макушке пальцами и качаю головой. – Вот блин!

Selam, [1] – Привет (с тур.)

Nasılsınız? [2] – Как дела?

Rusça konuşuyor musunuz? [3] – Вы говорите по-русски?

Глава 13 Ментяра в юбке

– Чем болеет сестра Динамита? – рассматриваю прохожих, спешно передвигающихся по тротуару.

– Я в медицинских терминах ни фиги не разбираюсь. Что-то со спиной.

– Она не ходит, да?

– Не-а, пока нет. Нужна операция. Вот её как раз сейчас к ней готовят.

– Понятно.

Печально.

– Мы познакомились недавно, когда на днюху поздравляли её с пацанами. Так жалко её. Такая маленькая, добрая, красивая, улыбчивая... В свои шестнадцать прикована к постели, – скисает моментом.

– Тох, ты если хочешь поддержать её, обязательно сходи в больницу. Вот прям сегодня.

– Думаешь? – ненадолго отвлекается от дороги для того, чтобы мельком на меня посмотретьь.

– Да.

– Но Динамит против, – в его голосе слышится явное сомнение.

– И чего? Ты ведь не собираешься сделать что-то плохое. Просто идёшь приободрить его сестру перед операцией.

– Ему не понравится эта затея.

– Ой! Он и не узнает может.

– А если узнает?

– Череп, забей. Поступай так, как хочется сердцу. Понял?

– Понял.

– Цветы купи. Вон как раз Цветочный где-то там, мимо проезжали, – тычу пальцем направо.

– Куплю. Мы на месте, кстати. Это здесь.

Паркуется, а я осматриваю унылое здание университета МВД.

– Н-да уж, – открываю дверь и выползаю на улицу. Черепанов, дёрнув ручник наверх, вылезает следом.

– Во сколько у этой ненормальной заканчиваются занятия? – запрыгиваю на багажник его десятки и усаживаюсь поудобней.

– У них после пар ещё построение.

– Фак, ну ничё, подождём, – достаю из кармана яблоко и внимательно поглядываю на Черепанова, под глазом которого красуется внушительный фингал.

О, вы, наверное, уже догнали, откуда он взялся. Тоха за-получил его в тот самый памятный вечер, который Дымницкий провёл на белом троне.

Вот даже не спрашивайте, насколько зол был вышеупомянутый товарищ...

Он бы с лёгкостью со мной расправился.

Если бы не громкое урчание реактивной смеси, ставшее сигналом к тому, что снова пора бежать в сторону туалета.

Прихватило беднягу жёстко. Кир пол ночи там провёл, и мы уж было хотели вызывать врачей, да пришла помощь откуда не ждали. На хату неожиданно заявила Лена Свечка, бывшая подружка Паровоза и по совместительству ветврач. Вот удача! Она-то и подсказала нам, как всё это организовать.

– Чё?

– Видел его сегодня? – спрашиваю осторожно.

– Ага.

– И как он? – мои брови сходятся на переносице.

Я правда очень переживаю. Мы ведь с Черепом реально недалёкие идиоты. Надо ж было предупредить Дымницкого о том, что пить оставленное на столе нельзя.

– Выглядит неважно. Бледный, хмурый.

– Блин.

– Тебе лучше пока не попадаться ему на глаза, Ясь.

– Угу, – откусываю от яблока большой кусок.

– Он прям конкретно сердится.

– Я поняла, Тох.

Вспоминается тот эпизод, произошедший в коридоре.

Сонная и напуганная я и охеревший от внутренних процессов Кирилл.

Его пальцы на моей шее. Ошалелые глаза, метаящие молнии. Полный ненависти, прожигающий до костей взгляд. И обещание придушить, сцеженное, словно яд, сквозь тесно стиснутые зубы.

– Прорвёмся, да? – по традиции, ищу поддержку в лице Патлатого.

– Ага. Чуток надо бурю переждать.

– Пожалуй, и сегодня переночую в автосервисе. Не хочу лишний раз нервировать.

– А! Забыл! – хлопает себя по лбу. – Не парься, сёдня можно домой влёткую. Дым поехал до Киры. Значит, ночью не вернётся.

– М.

Осознание услышанного догоняет меня не сразу, а когда-таки догоняет, давлюсь яблоком и закашливаюсь.

– Погоди. Стоп. Поехал до Киры? Что ещё за Кира?

Отчего-то тело наполняется лютейшим волнением, мгновенно захватывающим клетку за клеткой.

– А, да так, одна наша знакомая.

Уж не та ли блондинка, которую я видела с Кириллом однажды?

– И зачем эта ваша ЗНАКОМАЯ ему понадобилась? – пытаю Черепанова, совершенно наплевав на то, как это выглядит.

– Они... Ну... Как бы...

– Чё ты мямлишь?! Говори, как есть! – срываюсь с психом.

– У него есть тёлка?

Вот это откровение!

– Ну, не совсем...

– ЧЕРЕП!

– Эээ, короче, Кира, ну, как бы, не совсем его тёлка прям. Она, как бы, для здоровья типа.

Для здоровья типа.

Для здоровья?

Для з д о р о в ь я!

Где-то глубоко под рёбрами сильно и неприятно колет.

Кир и Кира. Ну надо же!

– Ясь...

Резко тяну носом воздух, ощутив внезапную нехватку кислорода. Мне по ощущениям, знаете, словно с ноги резко долбанули в солнечное сплетение.

– Вон она Сашка! – очень вовремя отвлекает меня Антон.

Поднимаю глаза и действительно вижу Рыжую на горизонте. Она идёт рядом с какой-то девчонкой. Я, не теряя ни секунды, привлекаю её внимание громким свистом.

Александра останавливается. Присматривается.

Слепашара. Ни хрена не видит, что ль?

– Тащи сюда свою задницу, – ору на всю ивановскую и прыгаю с багажника на землю.

Подружка предпринимает попытку тормознуть её, но нет.

– Капец, Тоха, Харитон реально учится на мента? – рассматриваю её ментовской прикид. – Жееесть! Угораздило Паровоза! – хохотнув, качаю головой.

– Мало получила? – дерзко осведомляется Сашка.

– Кто ещё получил! – хмыкаю я, вздёргивая подбородок.

– Пришла за добавкой? – делает шаг вперёд, намеренно

провоцируя. Её моська явно транслирует воинственный настрой.

– Сань, Ясь, вы это... не надо, девочки, – Антон, опасаясь очередного замеса, встаёт между нами.

– Спокуха, Тош, мы просто перетрём с ней, – успокаивающе кладу ладонь ему на плечо.

– Ничего я с тобой перетирать не собираюсь! – злобно вопит Рыжая.

– Притухни, Девочка-война, – достаю из кармана зажигалку и сигареты, стыренные у Паровоза. – Покурим, Бешеная?

– Эу, ты помнишь, чё Дымницкий за курево тебе сказал? – Череп пытается забрать у меня пачку.

– Да пошёл он в жопу, твой Дымницкий! – сердито цокаю языком и уворачиваюсь. – Так и передай.

– Ему это не понравится.

– А мне начхать. Пусть вон кобылу свою пергидролевою уму разуму учит. Тоже мне, воспитатель нашёлся...

Неоднократно промывал мне мозг по поводу вреда, который может нанести курение моему «несмышлённому, малолетнему организму».

Пригрозил мне однажды, что все сигареты замочит в молоке, а потом высушит и заставит выкурить всю пачку разом.

Ага, щас!

– И вообще, топай давай в цветочный, – команду Антону. – Выбери нежные розочки, веточками. Так, чтобы свежие и побольше. Андэстэнд?

- Андэстэнд, – кивает он.
- Деньги не забудь.
- Да, – шарит по карманам.
- Чего? Нема? – ржу с него.

Сотый раз ворую у него вещи, а он всё также рассеян как в первый.

– Яся, ну харэ! Завязывай со своими фокусами! – протягивает ладонь.

– Да ладно-ладно. На, – возвращаю бабос и взъерошиваю его патлы.

– Всё, я пошёл.

– Давай. И это... чтоб без цыганской упаковки, – наставляю строго. – Просто и со вкусом. Окей?

– Да понял я понял, – шагает по направлению к цветочному.

– Так будешь курить или нет? – снова обращаюсь к Рыжей, когда фигура Черепа скрывается в подземном переходе.

– Буду, – неожиданно соглашается.

– Ну и дура. Курить – здоровью вредить. Не слышала такое? – прихватываю сигарету зубами.

– Кто бы говорил! – отражает мой жест, выдёргивает из пальцев зажигалку и нервно ею щёлкает. Трижды.

– Короче, Реактивная... – медленно вдыхаю и выдыхаю дым. – Ты, по ходу, конкретно так облажалась.

– Чего? – меняется в лице.

– Того, глупая женщина! Не было у меня ничего с твоим

Паровозом. Он, конечно, классный... – давлЮ недвусмысленную улыбочку, и она тут же багровеет от злости. Пхах! – Расслабься, выдохни. Он просто позволил мне пожить на их территории.

– Ну конечно... – не верит, естественно.

– Ой, а то б я тратила на тебя своё время! – закатываю глаза. – Меня итак Эмиль еле отпустил на пару часов.

– Эмиль? Который держит автомастерскую?

– Ага...

– Там-то ты что забыла?

– Работаю на мойке, но мы сейчас не обо мне. Я приехала сказать, что насчёт Ильи ты заблуждаешься.

– Ты знаешь его без году неделю!

– Я конкретно про ситуацию, возникшую в квартире. Ты накинУлась на меня как самка богомола. Ни в чём толком не разобравшись.

Таращится на меня, не моргая.

– А нечего чужие вещи на себя напяливать! – выкидывает сигарету, шмыгает носом и достаёт перчатки. Неженка.

– Нечего было надеть, – признаюсь я честно. – Зарплату получу, отдам долю за съём квартиры и куплю себе пижамку с мишками.

– Ты пришла по его просьбе? – выкатывает вдруг.

– Да куда там! Он уже неделю дома не появляется. Забухал на пару с каким-то Ромой.

– Не от большого ума... С Ромой? – она хмурит лоб. – С

Беркутовым, что ли?

– Да чёрт знает, – прячу замёрзший нос в горловину свитера.

Беркут. Знакомо. Вроде как Антон именно так и называл его.

– Поговори с ним, что ли. Сопьётся.

– Пусть спивается. И вообще, как-нибудь обойдусь без твоих советов! – взрывается.

– Хоспаде! Как он тебя терпит? Ты ж невыносимая! – констатирую факт, и она усмехается.

Что ж. Пора переходить к тяжёлой артиллерии.

– Свечку знаешь? – закидываю в рот дражке ментос и предлагаю упаковку ей.

– Ну допустим.

Ох и кривится! Как будто блеванёт щас. Видать, эта Свечка вызывает у неё рвотный рефлекс.

– Зачастила к нам в квартиру после вашей ссоры. Как-то даже сообщила, что остаётся на ночь.

Это чистая правда, между прочим.

– А мне эта информация к чему? – выдаёт насупившись.

– Да к тому, что он ей от ворот поворот дал. Выводы делай, тупица! – позволяю себе хлопнуть её по лбу.

Ну реально непробиваемая!

– Ты офигела? – хватает меня за рукав куртки.

– Ой да расслабь батоны, Сашок. Нет настроения драться. Ментос ещё будешь?

– Иди ты... со своим ментосом! – поджимает губы и поправляет лямку от рюкзака.

– Сколько щас времени? – спрашиваю я у неё.

Она на автомате вскидывает руку и пялится на запястье, широко распахнув глаза.

– Часы вернула быстро! – командует звонко.

Ментяра, а прошляпила воровство, когда дражешками угощалась.

– Взамен обещаешь быть паинькой, если Илюха вдруг появится на горизонте? – прищуриваюсь, наклонившись к ней ближе.

– Отдай часы!

В моей голове в эту секунду рождается гениальная идея.

– Слушай, а приходи за ними к пацанам в гости. Они обрадуются. Просили передать, что очень ждут. Оладушки, – делаю акцент на последнем слове.

– Часы папкины сюда! Или я тебе глаза выцарапаю! – угрожающе подаётся корпусом вперед, готовая осуществить задуманное.

– Папкины – это святое. Я бы тоже... – замолкаю. Просто вкладываю часы ей в руку.

– Тебе твои родители в детстве не донесли, что воровать – нехорошо? – осведомляется деловито.

Родители...

– Саша! – её окликает какой-то кавказец. – Мы едем?

– Да. Сейчас иду!

Он-на па... Чё за дела?

– А ты, я смотрю, времени зря не теряешь. Парниша ря-
дом. Двойные стандарты, Саня! – склоняю голову и оцени-
вающе прохожусь взглядом.

– Какие двойные стандарты? Это мой друг!

– Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает.

– Бывает!

Наивная...

– Глупая твоя голова, спорим, что нет?

– Я вернулся!

Поворачиваемся к Черепанову, держащему в руках неве-
роятной красоты букет.

– О, молодец, ты отлично справился с поставленной зада-
чей!

– Красиво, да? А, Сань? – спрашивает он у Рыжей.

– Быстро сказала, что красиво! – ловко снимаю с неё фу-
ражку. Или бирет. Хер знает, как оно правильно называется.

– Ещё раз так сделаешь и...

– Череп, мне идёт? – вытягиваюсь по струнке и прикла-
дываю к виску пальцы, отдавая честь. – Служу России!

– Идёт, Ясь! – ржёт Череп.

– Отдай, дура! – ерепенится Сашка, отбирая свой ментов-
ской головной убор.

– Здорово, что вы... целы. Не подрались? – Антон пере-
водит взгляд с меня на неё.

– Да мы ваще, по ходу, поладим, – резюмирую так сказать.

— Эта ваша Харитошка ничего так в принципе, при всех очевидных минусах, — тыкаю пальцем на нашивку «полиция». — Ладно, закругляемся. Погнали! Закинешь меня в автосервис и поедешь к Ангелине.

Не прощаясь, забираюсь в тачку. Хочется погреться. Замерзла как собака.

Пока Антон остаётся потрещать с Рыжей, достаю свой телефон из бардачка.

Ладони зудят. Так охота написать чё-нибудь Дымницкому. А лучше вообще позвонить, да? Узнать, как он себя чувствует и чем там занимается.

Да. Точно.

Нахожу его номер в списке контактов и уверенно тыкаю на вызов.

Бери трубку, козлина!

Один гудок. Второй.

Сброс.

Ухмыльнувшись, набираю его ещё раз.

Через три гудка он меня снова сбрасывает, а в последующий раз и вовсе, по ходу, заносит в чёрный список. Ведь робоголос сообщает, что абонент не абонент.

Сжимаю челюсти.

Помешала им или что?

Чем таким занят что нельзя ответить?

Мозг подбрасывает нелюбезные картинки с участием Пергидроли.

Блин...

Вдох-выдох.

Трасса. Машины. Лобовик. Панель. Цифры.

Опускаю стекло, чтобы поторопить Черепанова.

– Поехали, Тох. Время поджигает.

– Санька, не прощаемся!

– Веди себя хорошо, – вставляю свои пять копеек. – И это, с другом своим поосторожнее, кисуль, – предупреждаю из женской, как её, солидарности.

Харитоновна вскидывает руку наверх и показывает мне средний палец.

– Поехали, Череп.

Улыбаюсь, отворачиваясь к дороге.

Уверена.. Мы с этой девчонкой однозначно подружимся!

Глава 14 Хозяин автосервиса

Ужасно.

Ужасно знать, что Кирилла нет дома.

Ночью и утром следующего дня.

Во вторник.

С субботы на воскресенье.

Через неделю в четверг.

Отчего-то очень неприятно осознавать, что всё это время он проводит с Пергидролем, затянутым в порнушные сетчатые колготки.

Её любимый элемент одежды. Да-да...

Я ж, благодаря Черепу, нашла страницу этой (будь она не ладна) Киры в соцсети и, кажется, изучила её вдоль и поперёк. И страницу, и Киру.

Один раз всего её фотки посмотрела, а в памяти зачем-то намертво отложилось всё до мелочей. Короткая рваная стрижка обесцвеченных волос, вездесущая ярко-алая помада, родинка над верхней губой. Модный (но такой дурацкий) полушубок-жилет. Красные когти, длине которых может позавидовать сам Фреди Крюгер.

Серьёзно? И вот она нравится Дымницкому?

Нравится же, учитывая, что он с ней встречается. Для здоровья.

Гррррр.

Особенно меня взбесило то, что на её странице есть их общие с Киrom снимки. Целых три штуки нарыла.

Первая – её рука на его руке. Вторая фотка, где эта цапля обнимает его за шею и, улыбаясь, делает селфи. И третье – изображение её голых копыт, снятых на фоне его расстёгнутой белой рубашки.

Ни на одном из этих снимков нет лица Дымницкого, но я почему-то, к сожалению, безошибочно узнаю его на каждом и... Страшно расстраиваюсь.

Здравствуй, необоснованная ревность...? Это же она, верно?

Раньше я никогда с подобным не сталкивалась. Понятия не имела, что это такое, а теперь...

Закипаю.

Раздражаюсь.

Психую.

Бешусь.

Выхожу из себя.

Смешно вам? И мне самой тоже.

Я ему кто? Никто ведь.

Кому расскажи, у виска покрутят.

С чего я решила, что имею право злиться? Мы не пара и не друзья даже. Он ко мне абсолютно равнодушен. Я для него пустое место. Воровка, которую по доброте душевной, из жалости подселили в квартиру. Всё.

А ведь тогда, при первой встрече на заправке, мне почу-

дилось, что в его глазах я увидела искренний интерес по отношению ко мне. Именно как к девушке. Сам же заговорил со мной. Вопросы задавал. Разглядывал.

Я невозмутимо жевала жвачку, выдавая скучающе-безразличный покер-фэйс, но видела и чувствовала нутром что-то такое... Необъяснимое. Волнующее. Будоражащее. Чисто на уровне инстинктов.

Как будто бы мы сразу привлекли внимание друг друга. По-взрослому. Как мужчина и женщина.

– Харэ. Она уже блесит так, что в глазах рябит. Завязывай угробляться.

Голос Эмиля, владельца автосервиса, в котором я работаю, вынуждает меня отвлечься от беспокойных мыслей.

– Здравсьте, – здороваюсь, поднимая голову.

– Как дела, Яська? – подходит ближе и останавливается слева от меня.

– Всё ок, – отхожу чуть назад, чтобы придирчиво оценить результат проделанной работы.

Что ж. Тачка Эмиля рили выглядит отлично.

– Никто не обижал тебя сегодня?

– Та я вас умоляю, – отмахиваюсь, хмыкнув. – Сама кого хочешь обижу.

– Опять ты мне выкаешь, – недовольно цокает языком. – Мы же с тобой договаривались. Забыла?

– Извините. Извини, – на ходу исправляюсь, и он смеётся, качнув головой.

– Ещё раз услышу, обижусь, Ясь.

– Лады, – киваю, дотирая передний диск насухо.

– Не устаёшь с утра до ночи тут возиться? Девчонка всё-таки, тяжело.

– Нет, мне нормально, – спешу его заверить.

– Точно?

– Точно, – встаю, выпрямляясь, и бросаю тряпку в ведро.
– Чё мне? В тепле тут, при деле. Туалет. Кофе, еда. Хорошо всё.

– Ты голодная? – спрашивает вдруг.

– Да не.

– Так да или нет? – улыбается он, и на его щеках появляются ямочки.

– Ну...

– Что ела сегодня? – строго так осведомляется.

– Я сточила пару яблок и шоколадный батончик, не переживай, – торможу себя, чтобы не добавить -те.

– Так и думал. Это несерьёзно, Ясь, ну-ка пошли со мной, – не дожидаясь моей реакции, разворачивается и двигается в сторону двери.

– Я правда не хочу есть.

– Пошли-пошли, – бросает, не оборачиваясь, и мне остаётся только поставить ведро и последовать за ним. Начальник всё-таки, как бы. Надо.

Мою руки по пути. Вытираю мокрые ладони о штаны. Проходим через улицу в соседний бокс, поднимаемся по

лестнице и оказываемся на втором этаже, а чуть позже и в его кабинете, что мне категорически не нравится.

Сразу ощущаю давящий дискомфорт, ползущий неприятными мурашками по коже. Обнимаю себя в непроизвольном жесте, щурюсь от вспыхнувшей на потолке лампы и насто-роженно разглядываю помещение, ведь нахожусь здесь впервые.

– Ты должна мне помочь, – ставит на стол большой бу-мажный пакет и достаёт оттуда контейнеры с едой. – Сестра подсела на фудблог. Готовит каждый божий день как ненор-мальная.

– Это ж здорово.

– Да фиг знает. Не всегда её эксперименты удаются, но готовить она стала точно лучше.

– А я вот не умею толком, – признаюсь, не пытаясь скрыть досаду.

– Какие твои годы. Научишься.

– Хотелось бы, – выдаю неожиданно для себя самой.

– Иди сюда. Тут запечённые баклажаны, мясной пирог, капкейки и ещё какая-то ерундень, – подняв лоток вверх, за-думчиво рассматривает его снизу. – Рулет с чем-то. Чё? Про-буем? – поворачивается ко мне.

– Я...

Это так странно. Начальник и подчинённая будут уничто-жать вместе пироги?

Хм.

– Не отказывайся. Падай сюда, – машет рукой.

– Эмиль...

– Не переживай, в больницу тебя отправлять не собираюсь. Ты у нас, как никак, в автосервисе один из лучших сотрудников. Можно сказать, работник на вес золота.

– Ой, не гони.

– А что? С твоим появлением выручка, касаемо мойки, увеличилась втрое.

– Да? – удивлённо выгибаю бровь.

– Да. Приезжают вон клиенты в другую смену и расстраиваются. Ясю им подавай.

– Та ну, ерунда. Какая им разница, кто тачку напидорит.

– Разница есть, поверь, – начинает резать пирог. – Ну ты где там?

Блин.

Несколько секунд меня одолевают сомнения, однако, глядя на его неторопливую возню с лотками, расслабляюсь и всё же ковыляю к столу.

Честно говоря, запах оттуда доносится что надо. У меня даже живот урчать начинает.

– Ты ж не на диете?

– Ну... Вообще, я стараюсь держать себя в узде. И калорий всегда трачу больше, чем в себя запускаю.

– Понятно. Неважно. Один раз можно. Ты вон какая стройная. Ничё не будет, – отпиливает здоровенный кусок пирога и толкает ко мне тарелку. – Давай садись, Ясь. По-

едим, чай попьём, поговорим. Хочу узнать о тебе больше.

Напрягаюсь.

– Зачем? – на автомате принимаю протянутую вилку.

– Как зачем? Я беспокоюсь о своих сотрудниках.

– За меня беспокоиться не надо. У меня всё хорошо.

– От хорошей жизни на автомойку не устраиваются, – заявляет уверенно. – Сколько тебе лет?

– Когда на работу брал, не спрашивал.

– Только потому что Паровоз за тебя просил.

– Восемнадцать есть, можно не очковать. Трудовой кодекс не нарушается, – закидываю в рот угощение, а он смеётся. – Вкусно, кстати. У сестры руки из правильного места растут, – наплевав на этикет, беру кусок пальцами.

– Она мечтает открыть свою пекарню.

– Классная мечта.

– Посмотрим, серьёзно ли всё это. Если да, то я помогу ей баблом. Баклажаны бери тоже. Обычно они неплохие на вкус.

Накалываю на вилку один. Пробую.

– Мм.... Найс!

– Нравится?

– Да. А сам-то ты чё не ешь? – подозрительно прищуриваюсь.

– Ем, – тянется за пирогом. – Ясь, а пацанов ты откуда знаешь, если не секрет? – внимательно на меня смотрит.

– Кореша мои. Дружим, – отвечаю я расплывчато.

– А где познакомились? – настойчиво продолжает выяснять подробности.

– На заправке.

– На заправке?

– Они бенз заливать приехали.

– Не говори, что там работала, – догадавшись, хмурится он.

– Работала и чё.

– Неподходящее для девушки занятие. Тем более для такой девушки, как ты.

– Это Ferrari enzo? – рассматриваю коллаж на стене. – А вон там слева Aston Martin DB9?

– Да. Эти фотки я привёз из Франции. Ездил туда в прошлом году. Был на выставке авто в Париже.

– Прикольно. Машины любите? Любишь, – поправляю себя, тягостно вздыхая.

Ну почему так сложно разговаривать с ним на ты? Он ведь ненамного старше Дымницкого...

– С детства ими увлекаюсь. У бати была своя автомастерская.

– Ааа. Так у вас типа семейное дело? – ещё один баклажанчик на вилку накалываю.

– Нет, Ясь, – как-то резко меняется в лице.

– Но ты, получается, пошёл по его стопам.

Кивает.

– М! Это его автомастерская?

– Гаражи отца отжали, когда мне было шестнадцать, – встаёт и подходит к окну. Запускает руки в карманы.

– Бандиты?

– Конкуренты и завистники.

– Понятно.

Чую, куда-то не туда зашёл наш разговор. Образовавшаяся пауза режет слух.

– С твоим папой всё нормально? – осмеливаюсь всё-таки спросить.

– Не совсем. Он жив, но серьёзно пострадал тогда. Не ходит.

Чёрт.

– Теперь ясно, зачем тебе крыша в лице ОПГ Паровозова, – произношу я вслух.

– Бизнес, – пожимает плечом. – Что мы всё про работу, Ясь. Расскажи лучше о себе, – снова присаживается напротив, раскидывая руки в стороны.

– Нечего рассказывать.

– Так уж и нечего. Знаешь, нечасто можно встретить девочку-заправщика.

– Все так удивляются. Только непонятно чему. Особого ума для того, чтобы воткнуть пистолет, не требуется.

– Обычно девушки идут работать официантками или хостес.

– Ну... Девушки бывают разные, – выдаю уклончиво.

Отсидевшие в колонии, например.

Но говорю, естественно, не это.

– Я родом с Урала, а у нас там девчонки что надо. Никакой работы не боятся. Ты москвич?

Усмехается.

– Нет, конечно. Родился и вырос в Геленджике. Краснодарский край.

– Круто. Море, тепло. Не скучаешь?

– Иногда. А так... Скучать особо некогда.

– Как тебе Париж?

Не получается звучать равнодушно, ведь несколько лет тому назад я, по своей беспросветной тупости, упустила шанс уехать в этот город.

– Красиво, но башня их главная меня вообще не впечатлила. Странная конструкция. На любителя. Ты ешь-ешь. Капкейк вон попробуй, – пододвигает ко мне ещё лоток.

Закормить, по ходу, решил насмерть. Не иначе.

– Почему про Париж спросила? Мечтаешь туда поехать?

– Уже нет, – качаю головой.

Мечтала.

В прошлом.

Будто бы в другой жизни.

– У тебя вот тут... – тянется к моей щеке и осторожно касается её подушечками пальцев.

Испачкалась, видимо.

С лестницы доносится шум, а уже в следующую секунду в его кабинете появляются пацаны. Паровоз, Клим, Череп и...

Дымницкий.

Сегодня не со своей *этой* значит? Устал или надоела?

– О, а мы вас ищем, – заводит Тоха удивлённо. – Ясь, ты че не отвечаешь на звонки и сообщения?

Едва рот открыть успеваю, как меня тут же по традиции перебивают.

– Занята, не видишь?

Кирилл не упускает возможности простебать ситуацию.

Отвожу взгляд. Прямо смотреть на него не могу, отвечаю.

– Чё делаете? – Тоха плюхается на диван рядом со мной.

– Эмиль угостил меня ужином.

– Ты же после шести потребляешь исключительно воду, – снова звучит язвительное от Кирилла.

Он снова со мной разговаривает? Игнор снят?

Решаю смолчать и не реагировать.

– Да харэ, девчонка вторую смену отпахала, – вступается за меня начальник.

– А механиков чё не позвал? Они там у тебя сутками без перерыва пашут.

Что за интонация? Чем-то недоволен?

Поднимаю глаза и натыкаюсь на мрачный взгляд Дымницкого, направленный на Эмиля.

– Их тоже угостил, Кир. Не переживай, – добродушно улыбается последний.

– А нас покормишь? – Тоха внаглую крадёт с тарелки баклажан. – Я гаводный фапец.

– У нас нет времени на жарчку, – обрубает его пожелания Дымницкий. – О делах потрещим и дальше погнали.

– Опаздываем уже, – поддерживает друга изрядно помятый Паровоз, поглядывающий на часы.

Вздыхаю.

Илюха-Илюха...

Хоспаде. Заросший, бородатый! Трешак! Пропадает парень.

– Перетирайте чё. Одно другому разве мешает? – добираться до пирога Череп.

– Вниз пошла.

Чего?

Это мне?

МНЕ?

Снова смещаю фокус с Ильи на Дымницкого, ощущая, как внутри меня закручивается буря возмущения и негодования.

– Тебе придать ускорения? – добивает ещё одной фразой.

Травит тяжёлом взором, прибывающим строительными гвоздями к полу. Желваки туда-сюда ходят по лицу.

И, Боже, как же по этому самому лицу мне хочется его ударить!!!

Еле сдерживаю порыв.

Встаю. Подхожу, останавливаюсь напротив. Он ведь как раз на пути у меня стоит.

– Со своей шлюхой так разговаривай. Понял? – толкаю в грудь.

Сильно. Резко. Чётко.

Всю злость и обиду в этот толчок вкладываю.

Отшатывается.

Не ожидал явно, но, надо отдать должное, очень быстро возвращает себе контроль над ситуацией. Буквально шаг вперёд делаю, и он грубо, рывком дёргает меня на себя назад.

– Охренела?

– Охреневший тут ты! – цежу в ответ сердито.

– Попутала берега совсем?

Скрежет зубов.

Ноздри угрожающе раздуваются.

Горячее дыхание опалает кожу, оставляя на ней физические ощущаемые ожоги.

Это ужасное состояние...

Из помещения словно выкачали весь кислород.

Не моргаем.

Давим.

Испепеляем друг друга глазами.

Уничтожаем.

Перетираем в микропыль.

В наночастицы.

– Дым... – обеспокоенно обращается к нему Даня.

Секунда. Две. Три.

Время-пластилин.

– Кирилл! – на этот раз уже в голосе Паровоза звенит хорошо узнаваемая сталь, и только тогда пальцы, больно сжи-

мающие локоть, меня отпускают.

Глава 15 Замес в Бобрино

Дымницкий

– Уже уходишь?

– Да.

Встаю с постели и застёгиваю молнию на джинсах.

– Может, всё-таки останешься?

– Нет, у меня дела.

– Ясно, – Кира недовольно дует губы, наблюдая за тем, как я надеваю рубашку. – И когда мы с тобой теперь увидимся?

– Позвоню, – поправляю перед зеркалом воротник и направляюсь в прихожую.

Кира, голая и босая, резво нагоняет меня уже в коридоре.

– Я буду скучать, – говорит она, накидывая на себя шёлковый халат.

Никак не реагирую на её слова. Молча обуваюсь.

– У меня день рождения на следующей неделе... Не хочешь поехать со мной в Тулу?

Чего?

Вопросительно вскидываю бровь.

– Я бы познакомила тебя с предками, – не моргая, выдаёт она на полном серьёзе.

– Кир, не выдумывай херню.

Знакомство с родителями? Что ещё за новости?

– Ты опять оставил деньги? – косится на тумбу.

– Купишь себе что-нибудь. Цацку или тряпку, – снимаю с вешалки куртку.

– Ну спасибо конечно, но вообще, мне показалось, что мы уже вышли за пределы товарно-денежных отношений...

Мне не померещилось? В её голосе сквозит обида?

– Тебе показалось, – обрубая довольно грубо, обозначая границы. – Закрой за мной дверь, – разворачиваюсь, чтобы уйти и уже касаюсь пальцами холодной металлической ручки, когда она неожиданно заряжает в спину.

– У тебя кто-то появился, что ли?

Медленно оборачиваюсь.

– С чего ты это взяла?

Внимательно смотрим друг на друга.

– Да так... Женская интуиция, – пожимает плечом. – Ты постоянно на грузах. Раздражительный. Близко к себе не подпускаешь. Вот я и подумала, что...

– Дерьмо твоя интуиция, – перебиваю с ходу, мешая развить эту тему дальше.

Кира, странно усмехнувшись, кивает.

– Ладно. Вот ещё что спросить хотела... Телефон и директ второй день разрываются от бесчисленного потока входящего спама. Не подскажешь мне, что это?

– А что конкретно приходит?

– Коды подтверждения. Магазины, госуслуги, банк, салоны. Не успеваю удалять сообщения. Одно за другим сыпется. Вчера пришлось вырубить телефон. Невозможно просто!

– возмущается, размахивая гаджетом.

– Кто-то тебя бомбит. Прого есть такая.

– Замечательно...

– Не парься. Обычно атаки кратковременные.

– Не парься? Да это пипец как нервирует! Третий раз за неделю. Может, номер сменить?

– Глупость. В настройках сообщений надо поставить запрет на входящие от абонентов, отсутствующих в списке твоих контактов.

– Сделай, пожалуйста, – вкладывает мне в ладонь свой телефон. – Потому что бесит нереально.

После пары нехитрых манипуляций возвращаю ей телефон.

– Кому насолила?

– Без понятия. Никогда с подобной ерундой не сталкивалась, – завязывает пояс.

– Ясно.

– Больше эти эсэмэски приходит не будут?

– На телефон точно нет.

– Это радует.

– Я пошёл, – толкаю дверь и выхожу из квартиры.

– Буду ждать звонка... – доносится мне вслед.

Кира стоит на лестничной клетке, пока я спускаюсь на первый.

Новый загон. Раньше оставалась в постели и ничего такого не исполняла.

Впрочем, как и не предлагала познакомить с родителями за те несколько лет, что мы с ней знакомы.

Пиздец выдала...

Выхожу из подъезда. Прищуриваюсь. В рожу колючими иголками метёт снег. В кармане настырно вибрирует труба.

– Алло.

– Дымыч, слава Иесусу, я до тебя дозвонился! Тут такое, такое! – сбивчиво тараторит Череп.

– Не галди, – убираю телефон подальше от уха.

– Ты где? Надо срочняк ехать в Бобрино.

Голос Антона во всех красках выдаёт его неконтролируемое волнение.

– Что стряслось? – достаю брелок от машины.

– Пацаны местные звонили. Сказали, что Иссопов-младший со своей «дружиной» собирается двинуть вечером к Илюхе.

– Куда? – не сразу соображаю.

– Домой к нему! Он там! Прикатил в Бобрино с мажором ещё вчера. Бухают.

Мать вашу... Вот, спрашивается, какого хрена в Москве не сиделось?! Попёрся! Совсем мозги атрофировались!

– Наши в курсе? – спрашиваю спокойно.

– До Калаша и Кабана не дозвонился. Динамит у Гели. Мы тут с Климом вдвоём на мойке.

– Ян там?

Ещё одна холодная голова сейчас будет на вес золота.

– Да.

– Хорошо. Цепляйте его и двигайте в сторону МКАДа. Тормозните где-нибудь при въезде в Бобрино. Заеду на гаражи и догоню вас. Паровозу и Беркуту звонил?

– Да. Абонент не абонент...

– Понятно, – раздражённо цокаю языком.

Ожидаемо в принципе. Как и в предыдущие дни на связь Паровоз выходить не думает. «И пусть весь мир подождёт» называется.

Сбрасываю вызов и запрыгиваю в салон. Толком не прогрев тачку, сразу выезжаю.

Двадцать минут спустя сворачиваю к гаражному кооперативу. В одном из них мы храним стволы, вывезенные с оружейного завода, которым раньше владела мать Калаша.

Собственно, они-то мне и нужны. Идти на разборки с голыми руками – несусветная тупость.

Закинув оружие в машину, бросаю быстрый взгляд на часы и матерюсь. Пока еду по направлению к обозначенному месту, ещё несколько раз набираю Илью, но тщетно. Роботизированный голос информирует о том, что абонент по-прежнему недоступен.

Остаётся надеяться, что его телефон выключен исключительно по воле хозяина и что замеса ещё не случилось.

– Дымыч...

Черепанов подбегает к моей тачке, как только я встаю под знаком «Бобрино» полтора грёбанных часа спустя.

– Стукач звонил. Их видели. Они уже на пути к его дому.
Блять.

– Ян, – подзываю Кучерявого, раскуривающего сигарету у десятки Тохича. – Здорово.

Подходит, и мы пожимаем друг другу руки.

– Дружбану своему звонил?

– Он недоступен, – изрекает тот мрачно.

– Долбоящеры... – возвожу глаза к небу, затянутому плотным слоем тяжёлых серых облаков. – Короче, разбираем пушки и едем, – открываю перед ними заднюю дверь.

– АК... – глаза Кучерявого загораются интересом.

– Шмалять из автомата умеешь?

– Естественно.

Вот вам и художник.

Похоже, прав был насчёт него Илюха. Мутный типок. Нашей банде под стать.

– Отлично. Тогда погнали, пацаны. Времени у нас в обрез, – вручаю каждому по стволу и возвращаюсь за руль.

Абрамов, он же Кучерявый, он же Ян, садится молча справа от меня.

– Какой план? – спрашивает уже в деревне. – Валим?

– Посмотрим по ситуации. Лучше бы обойтись без жмуриков, а там уже как выйдет.

– Понял.

Машину бросаем в конце улицы. Метров триста движемся пешком.

На руку, что уже стемнело. Палева по сумеркам однозначно меньше.

– Сюда.

Не доходя до дома Паровоза сворачиваем налево и заходим к соседям, чтобы подобраться ближе через примыкающий огород.

Благо, у них нет собаки. Иначе навели бы шороху.

– Один сидит в тачке. Второй у крыльца на стрёме, – общает Клим, разведав обстановку.

– Берём второго на себя. Вырубите с Черепом того, что в машине, и сразу заходите в дом.

Данила кивает, и мы с Яном незамедлительно перелезаем через забор во двор, где и нападаем на полудурка, разливающего по периметру бенз.

Вот мрази!

Спалить Илюхе дом решили...

Зачем?

Сердце начинает колотиться как ненормальное.

Замираем на пару с Кучерявым, когда тишину разрывает выстрел, а потом также синхронно бросаемся в сторону сестры.

Сука, только бы обошлось. Только бы обошлось!

Повторяю про себя эти слова как мантру бесчисленное количество раз, пока не добираемся до кухни, откуда до нас доносятся голоса «гостей».

– Стоять, Паровоз.

Щелчок.

Сглатываю.

Бьюсь об заклад, это снятый предохранитель.

– Следующая навылет в твою черепушку.

Стискиваю челюсти. Узнаю голос Иссопова-младшего. С его папашей у Илюхи давний конфликт. Именно из-за этого и пришлось дёрнуть в Москву из Бобрино.

– Грохну тебя. Отец будет страшно мной гордиться!

– Это вряд ли, – усмехается Илья. – Он в курсе, что ты гнида сыкливая.

– Обоснуй.

Осторожно заглядываю в помещение, чтобы оценить степень пиздеца. Вижу, что у печи двое под руки держат Беркутова, а сам Паровоз стоит к нам спиной и в затылок ему направлен пистолет.

– Заявился ко мне с бригадой из шести человек. Один прийти очканул.

– Кто об этом узнает? Вальну тебя и дружка твоего. Потихому.

Переглядываемся с Яном. Тот на себя показывает и медленно вскидывает автомат.

– Закопаю во дворе, и всё, поминай, как звали. Пропали без вести, – веселится Иссопов, радуясь своему гнилому умыслу.

– Не сегодня, – объявляет Кучерявый и, сделав пару шагов вперёд, принимается шмалять из АК по членам иссоповской

группировки.

Паровозов, к счастью, вовремя смекнув, что к чему, прячется за печью вместе с охреневшим от происходящего мажором. А вот члены иссоповской ОПГ среагировать не успевают. За что и приходится поплатиться здоровьем.

Стрельба прекращается также резко, как началась.

Горе-бандиты лежат на полу и стонут.

– Илюха, ты цел? – громко спрашивает Данила.

– Да, – отвечает тот, выползая из укрытия. Перешагнув через бритоголового, поднимает взгляд и ошалело на нас тащится.

Я в этот момент его осматриваю. Нервяк, сковавший грудь, отпускает только тогда, когда понимаю, что друг, вроде как, цел.

– Оружие забираем у дырявых и валим.

Он кивает.

– Клим, Череп, – даю команду собрать стволы.

Паровоз в этот момент выясняет в каком состоянии пребывает мажор-собутыльник.

– Ромыч, ты в норме?

Явно нет, но зато протрезвел, по ходу.

– В норме? Нет?

– В норме, – отзывается парень неуверенно.

– Сматываемся, Илюх, – хлопаю его по плечу, подгоняя.

Медлить никак нельзя. Сейчас сюда заявятся все, кому не лень. И менты, и любопытные соседи, и папаша Иссопова.

– До встречи, – уходя, намеренно наступаю на пальцы его сыночка.

Стонет, извивается ужом на полу, что-то угрожает. Но сейчас это прям смешно выглядит. Как ни крути, а до своего бати ему реально далеко. Просто гнида обыкновенная. Вот и всё определение.

Топаем с пацанами по снегу назад к машине.

Илья несёт в руках снятые со стены фотографии. Свои детские и те, что принадлежали покойной матери.

Сейчас уже явно осознаёт, что вернуться сюда не сможет. Слишком опасно. Да и скорее всего, иссоповские не оставят его дом в покое. Намеревались сжечь – обязательно сожгут.

– Вы как в Бобрино оказались? – спрашивает у меня полчаса спустя, когда катим назад в столицу.

– Сорока на хвосте принесла инфу о том, что два бухих придурка напрочь потеряли чувство самосохранения.

– Ваще не помню, как туда приехали. Помню, что домой захотелось, – опускает стекло, чтобы закурить. – Там в подвале соленья зашибенские были.

– Какие нахрен соленья???

– Мамкины закрутки, – отвечает он невозмутимо.

Нет, он прикалывается, что ли?

– Ты в адеквате, Паровоз? Получить пулю из-за банки с огурцами? Как насчёт того, чтобы башкой хоть немного думать?

– Вещи ещё кое-какие хотел забрать...

– Это, блять, так не делается! Что за беспечность? Ты спя-
тил?

– Да как-то по херу было, – признаётся апатично.

– На шкуру мажора тоже? Типа месть за бывшую невесту
или что? – включаю поворотник и перестраиваюсь в левую
полосу.

– Пацана там быть не должно было.

– И, тем не менее, он был там.

– Согласен, мой косяк.

– Хочешь совет? – поворачиваюсь и смотрю на него.

– Ну?

– Завязывай бухать и страдать по своей Рыжей.

– Я не страдаю, – заметно ощетиливается.

– Не заливай мне. Кончай уже, а! Самого не заебалось? Пора
просохнуть. Синька до добра не доведёт.

Молчит, уставившись на дорогу.

– У нас дела морозятся, а ты сливаешься.

– Уверен, вы и без меня прекрасно справляетесь.

– Что значит без тебя? Ты главный. Какого икса происхо-
дит? Хочешь, чтобы пацаны пошли вразнос? Смысл был со-
бирать вокруг себя людей? Решил всё похерить?

– Нет. Ты прав, – устало потирает лицо. – Я завяжу с бух-
лом.

– Перегарищем воняет на всю машину, – опускаю и своё
стекло тоже. – Выглядишь, кстати, как бомжара.

– Спасибо.

– На здоровье.

– Щас приеду, приму душ и побреюсь, – обещает смиренно.

– Нет, сейчас мы сперва заедем к Эмилю.

– А чё такое?

– Вчера к нему снова заявили те черти с авторынка. Надо перетереть и решить, что будем делать.

– Лады, – почёсывает макушку и откидывает голову назад.

Тяжко с бодуна, конечно.

– Под сиденьем есть минералка.

Отыскав бутылку, быстро откручивает крышку и, присосавшись к горлышку, жадными глотками дует оттуда воду.

– Алкашня, – вздохнув, констатирую я, глядя на него.

– Завяжу, Дым. Слово пацана.

– Надеюсь...

Когда кажется, что день итак дерьмовее некуда, обязательно случается что-то, способное загнать тебя в ещё большую яму.

– И где он?

– У себя, наверно.

– И Яська запропастилась... – тянет Тоха, в очередной раз слушая в ответ длинные гудки.

Поднимаемся по лестнице на второй этаж и в кабинете хозяина автосервиса застаём следующую картину: он и Бортич сидят за столом. При этом Эмиль, перегнувшись через него,

трогает её за лицо. То ли, блять, губ касается, то ли щеки. Не успеваю толком рассмотреть, поскольку девчонка дёргается, поворачивая голову в нашу сторону.

– О, а мы вас ищем, – произносит Тоха озадаченно. – Ясь, ты че не отвечаешь на звонки и сообщения?

Она открывает рот.

Рот, который только что трогал своими пальцами Эмиль.

– Занята, не видишь? – цежу сквозь зубы и, на секунду перехватив её взгляд, ощущаю, как внутри отчего-то злость дичайшая поднимается.

– Чё делаете? – Тоха раскладывается на диване рядом с ней.

– Эмиль угостил меня ужином.

Какой заботливый.

– Ты же после шести потребляешь исключительно воду, – не могу не прокомментировать.

– Да харэ, девчонка вторую смену отпахала, – подаёт голос Эмиль.

– А механиков чё не позвал? Они там у тебя сутками без перерыва пашут.

– Их тоже угостил, Кир. Не переживай.

Улыбается, обнажая белоснежные зубы, и я ловлю себя на мысли, что с удовольствием подрихтовал бы ему передний ряд.

– А нас покормишь? – Тоха закидывает в себя что-то с тарелки. – Я гаводный фапец.

– У нас нет времени на жарчку, – раздражённо вмешиваюсь. – О делах потрещим и дальше погнали..

– Перетягивайте чё. Одно другому разве мешает? – наклоняется к столу, чтобы скомуниздить что-нибудь ещё.

– Вниз пошла, – обращаюсь к девчонке, и она вскидывает на меня взгляд, полный яркого возмущения. – Тебе придать ускорения? – топлю по полной.

Клянусь, не знаю, чем обусловлена моя грубость.

Просто в эту секунду тупо хочу, чтобы она ушла.

Нахрена поднялась с ним сюда? Совсем дура безмозглая?

Встаёт с дивана.

Подходит ко мне.

Останавливается напротив.

Прищуривается, а потом резко как толкнёт в грудь. Да с такой силой, что пошатываюсь от неожиданности.

– Со своей шлюхой так разговаривай. Понял? – чеканит едва ли не по слогам.

– Охренела? – дёргаю за руку, моментально вскипая до критичной отметки.

– Охреневший тут ты! – вопит, тяжело дыша.

– Попутала берега совсем?

Пока прожигаем друг друга кислотными взглядами, ни она, ни я не двигаемся с места, и с каждой секундой напряжение неумолимо возрастает в геометрической прогрессии.

Стальной хваткой стискиваю пальцами её хрупкий локоть, намеренно делая больно.

Синяк останется. Умом понимаю, что это ненормальное, нездоровое поведение, но ничего с собой поделать не могу.

Что-то опасное стремится из меня наружу. Сдаётся мне, рядом с ней я реально теряю контроль над собой.

Почему это происходит? Какого, блять, чёрта?

– Дым... – голос Клима пропитан предостерегающими нотами, но я по-прежнему держу Бортич за локоть и непрерывно смотрю в глаза, заблестевшие от выступившей на них влаги.

Нахрена ты поднялась сюда? Нахрена?

Стучит в моей мутной башке набатом.

– Кирилл! – рывкает Паровоз, и я отпускаю её, наконец совладав со своим неуправляемым и совершенно необъяснимым гневом.

Глава 16 Яся горит

Яся

Жизнь в нашей почти что коммунальной квартире прямо-таки кипит.

Здесь постоянно кто-то находится: Калаш, Динамит, Кабан, Клим, Кучерявый Ян и, разумеется, постояльцы, в лице трёх моих неизменных сожителей.

Идёт время, месяц за месяцем, и я всё больше привыкаю к пацанам, уже совершенно не представляя, каково это – проводить вечера в одиночестве где-нибудь на чердаке, в метро или на улице...

Брррр.

Если же говорить о «погоде в доме»... С Черепом мы ладим просто ништяк. Тоха, он же добрый, весёлый, лёгкий в общении. Разве могло быть иначе?

Мы с ним всегда на одной волне. Постоянно ржём в голосу как придурки и прикалываемся. Любим позирить вместе киношку или какое-нибудь идиотское, тупое шоу. Можем шататься по городу, бездельничая. Пойти на каток, концерт, футбольный матч.

Короче, как друганы мы. Самые настоящие кореша, понимаете?

Паровоз, он же Илюха, для меня так вообще как старший брат. Все в нашей компании его считают лидером, почитают

и, естественно, безмерно уважают. Я – не исключение. Ведь по сути, если бы не Илья и его тогдашнее великодушие, то где бы я сейчас вообще была? Не встряла бы куда-то? Не пропала бы?

Есть кое-что ещё, конечно. Помимо того, что Паровоз – обаятельный и классный парень, он, если по-чесноку, единственный, кто способен как-то влиять на Дымницкого. Илья всегда готов защитить меня от него. Вступиться и сказать своё веское слово, довольно резко осадив грубость товарища.

О, а вот, кстати, и он.

Помешивая на плите очередной свой «шедевр», боковым зрением замечаю Кирилла, буквально влетевшего на кухню с матами.

– Чё такое? – первым интересуется Тохич, отрываясь от своего мегаважного дела. (Стрижёт ногти на ногах, сидя на стуле в позе зю).

– Пиздец. Вода есть в этом доме? Суки, вырубили в самый неподходящий момент, – недовольно отзывается Дымницкий, стирая мыльную пену с лица.

– Пхах, теперь ясно откуда появилась фраза «жопа в мыле», – потешается Тоха.

Мне тоже становится смешно. Определённо это карма, что вода закончилась именно на Дымницком.

– Блять есть вода или нет?

У, кто-то явно теряет терпение...

– В ведре вроде есть. Калаш, ливани ему из ковша, – смеясь, отвечает Череп.

Пока зашедший к нам на огонёк Стас суетится в поисках воды, Кирилл, всё также матерясь, склоняется у раковины, опершись о столешницу обеими руками.

Он реально в мыле. Волосы, лицо, шея, плечи.

Стою таращусь. Раздетым Дымницкого я ещё не видела. В смысле как-то так получалось, что он всегда был при мне одет. Футболка, рубашка, свитер. А тут неожиданно... Натяните, нарисовался во всей красе.

Полуголый. Мокрый. В одном полотенце, опасно сидящем на бёдрах.

Ох, упади оно, я бы точно на это посмотрела!

– Ссука! Ледяная! – рычит, выдавая очередную порцию нецензурной брани. – Череп, урою! Предупредить не мог? Калаш, твою мать, ты тоже!

– Ты не спрашивал про температурный режим, – оправдывается Тоха. – Ты спросил, есть ли вода. Не уточнял какая.

– Козлы!

– Могу из чайника долить кипятка в ведро. Разбавить, – предлагаю, наблюдая за их водными процедурами.

– Чё? Дольём? – виновато интересуется Калаш.

– Нет, лей так. Уже теперь похер.

– Ну, погнажи...

Стас поливает Кирилла из ковша, дабы тот смог избавиться от назойливой мыльной пены. А я... Что я? Бесстыже раз-

глядываю Дымницкого, пользуясь случаем. Там ведь реально есть на что посмотреть. Наша старуха Изергиль, как называл его однажды Ян, в прекрасной, скажу я вам, физической форме. Не даром, что в спортзале частенько с Паровозом пропадает.

Мне всё нравится. И широкий разворот плеч, и всякие там дельты-шмельты, и бицепсы. Кирилл довольно спортивного телосложения, но без налёта «ту мач». Всё в меру.

А пресс там какой... Когда поворачивается, имею возможность полюбоваться. Ещё и эти капли воды, стекающие по его телу...

– Яська, горит, – гогочет Череп, очевидно, застав меня врасплох.

Мне сперва слышится как «Яська горит». Потому, опомнившись, отворачиваюсь и совершенно точно краснею до корней волос.

Сколько можно таращиться? Как дура, правда.

Принюхиваюсь.

Что за запах?

Блиин!

Горит-то у меня ужин, оказывается!

Бросаюсь спешно к сковородке и, схватившись за полотенце, поднимаю крышку.

– Фу, ну и вонь. Опять всё спалила?

Твою мать!

Вдвойне досадно, что это говорит Кирилл, в очередной

раз подчёркивая мою непроходимую безмозглость.

– Мешай скорей, Яська! – подсказывает Калаш, пока я торможу.

Скребу лопаткой по дну, переворачивая подгоревшую картошку.

Ну ёлки-палки... До чего обидно!

Глядя на чёрную корочку, чуть ли не до слёз расстраиваюсь.

– Чё? Без ужина мы, да? – огорчается и Тоха, вдыхая «ароматы» гари.

– Руки у кого-то не из того места выросли, – констатирует Дымницкий, вытирая голову.

– Всё не так плохо, – пытается поддержать меня Стас.

– Пожрём. Нормально, – Антон заглядывает в сковородку мне через плечо. – Да, пацаны?

– Пожалуй, отдам ужин врагу, – отзывается Кирилл, и я от досады поджимаю губы. – Череп, ты совсем охерел? Больше негде это делать? – наезжает на Антона, устроившего себе педикюр.

– Они на салфетке аккуратно лежат, чё!

– Где гарантия, что один из них не улетел в сковородку?

– Не улетел, я слежу. И ваще, ты всё равно, как обычно, не собирался есть Яськину стряпню.

– Какая к чертям разница? Кретин! Ты ёбнулся? Убери это со стола немедленно, меня сейчас вывернет!

– Они чистые, алё, я сначала час отпаривал копыта в ван-

ной по совету Малышевой, – поднимает ногу вверх словно балерина, демонстрируя Дымницкому чистые пятки.

– Долбоящер, додумался! – лупит того по ступне. – Калаш, тебе тоже советую воздержаться от ужина. Рискнешь отравиться или в лучшем случае сожрать коготь Черепа.

– Несмертельно, даже если вдруг, – хохочет Антон, убирая салфетку со своим добром.

– Пацаны, атас! – громко извещает Стас. – Тут Паровоз мне пишет. Ни до одного из вас дозвониться не может.

– Что там у него стряслось? Именинница отхлестала по морде ромашковыми хризантемами? – предполагает Кирилл.

– Не. Он везёт её сюда.

Примирились окончательно, значит.

– Просит, чтобы мы срочно сгоняли в магаз и прикупили чё-нибудь пожрать, если ничего нет. Чё-то там у неё с предками не заладилось. Забрал в слезах из дома.

– Пхах. Неудивительно. Папа-мент, вечно держащий тебя на привязи, – такое себе, – кривится Антон.

– Ну чё? Тогда погнали? Этим не вариант их кормить, – решительно отставляю сковороду на соседнюю конфорку.

Всё-таки не с того мы начали наше с Харитоновой знакомство. На деле, как и предполагалось, Илюхина Сашка оказалась очень даже неплохой девчонкой, а главное, по-настоящему компанейской.

– Ну зачем вы всё это? – спрашивает, улыбаясь, глядя на заваленный всякой всячиной стол.

– Как зачем? Щас праздник будем устраивать! – торжественно объявляет Тоха.

– Мне? Да не выдумывайте, неудобно как-то...

– Зря я, что ли, руки надрывал, – подаёт голос Дымницкий.

Надо отдать ему должное, смиренно выдержал поход по супермаркету. Правда без комментариев, как всегда, не обошлось.

«На хрена берёшь это пластмассовое дерьмо?» (Про весёлую одноразовую посуду).

«Батон каменный. На срок посмотреть не бывает?»

«Эта дешманская газировка – прямой путь к гастриту. Вон ту в стекле бери».

«Глаза на жопе, что ли? Помидор мятый».

«Свинти отсюда. Это отдел не для малолеток» (Спиртное).

«Что за дебилыные салфетки со свиньями? Ты в себе вообще?»

И всё такое...

Я их всё же купила, кстати.

Салфетки.

С прыгающими по небу свиньями.

Розовенькими такими, надувающими цветные шары.

Видели бы вы Его физиономию, когда я с победоносным

выражением лица принялась раскладывать их на столе.

А чего? Пусть не указывает!

– Щас ещё быстро рулетики накрутим с крабовыми палочками и яйцом, – извещает Сашка, натирая куриные ножки майонезным соусом. – Н-да. Видела бы это моя маман... – закатывает глаза.

– А чё? – наблюдаю за тем, как она ловко выкладывает нарезанные картофелины на противень.

– Она у меня за здоровое питание. Пэ пэ, трава, овощи и всё такое.

– Понятно.

– Меня от этого пэ пэ уже тошнит. Всю дорогу в школе ела только то, что правильно. Это скучно пипец.

– Зато полезно, наверно.

– Полезно, но подзадолбалю. Тут готово, можно убирать в духовку.

Это я могу, пожалуй.

– Так-с... Баклажаны закидываем на сковороду.

Трындец. Пока я с нашей еле дышащей духовкой воевала, она уже успела настрогать их. Колдует с мукой.

– Можешь начать резать крабовые палочки?

– Угу. Крупно или мелко?

– Мелко. Ты чё так мало градусов поставила? Будем курицу до утра ждать, – садится и подкручивает нужную температуру.

– Ты давно научилась готовить?

Честно говоря, распирает от любопытства. Харитоновая всего на год старше меня, а вон как круто на кухне управляет. За пару часов мы с ней столько всего нафигачили, сколько я за всю свою жизнь не делала.

– В смысле? – выпрямляясь, сдувает рыжую прядь со лба.

– Клянусь, я как будто на грёбаное кулинарное шоу попала. Ты всё-всё умеешь, – выдаю обескураженно.

– Та прям! – фыркает, отмахиваясь. – Ну, по мелочи.

По мелочи.

Ха.

– А торт испечь можешь?

– По рецепту, думаю, любой да.

– Классно... – тяну расстроено.

Видимо, одна я рукожопая. Ни черта не могу.

– Картошку ты спалила? – прищуривается, а я молча в ответ на неё смотрю. – Там в мусорном ведре видела, – поясняет она, переворачивая синенькие вилкой.

– Я.

– Слишком сильный огонь втопила?

Нет, на полуголого Дымницкого засмотрелась.

Но вслух, разумеется, не это.

– Отвлеклась на телефон.

– А. Понятно. Сказать по чесноку, мне ваша сковорода вообще не нравится. От посуды тоже многое зависит. И качество еды в том числе.

– Да?

– Ну конечно. Тут покрытие дешёвое, отстой. Видишь, чуть зазевались и всё, труба. У меня матушка помешана на посуде. Немецкие, швейцарские сковородки-кастрюли, то сё...

– Чё ещё нести? – в проёме показываются Калаш и Тоха, наши помощники.

– Забирайте тарелки с закусками, – командует Саша. – Где Илья?

– Клим пришёл. Разговаривают.

– Ясно. Тогда сами мне банки вот эти откройте.

– Ок.

– Яся, помельче куски, – наставляет строго.

И я не ерепенюсь. Помельче так помельче. Делаю, как просит. Потому что в голове уже зарождается одна мыслишка. Что если бы она могла научить меня готовить примитивные вещи? Так, ненавязчиво. Приходила же сюда раньше кошеварить. Череп вон постоянно её блины, да оладушки вспоминает...

– Ну, садимся!

Спустя полчаса суеты все, наконец, собираются за большим столом в комнате.

– Очуметь сколько жратвы! – Тоха осматривает тарелки голодным взглядом. – Как хорошо, что вы помирились.

Калаш толкает его локтем в бок.

– Не, ну а чё? По факту. Зырьте, сплошные плюсы. В квартире появилась Харитошка – сразу на столе еда.

– Если б Яся мне не помогла, я бы одна не справилась, – снова удивляет Харитонова, упомянув моё имя.

– И даже ниче не спалила! – хвалит Тоха.

– Это всё магия Рыжей, – усмехаюсь.

– И отсутствие на кухне полуголого Дымницкого, – ржёт он, подмигивая.

Вспыхиваю в секунду. Очень надеюсь, что пылающая кожа не приобретает палевный пунцовый цвет.

Сжимаю пальцы в кулак.

Ну не идиот ли? Хочется дать ему хорошую такую затрецину.

– Что мы пропустили? – вскидывает бровь Илья. Да и вся компания, как по команде, таращится на меня с любопытством. Даже вышеупомянутый Дымницкий.

– Ничего стоящего не пропустили, – со скрипом отодвигаю стул. – Воду сегодня в доме выключали. Мистер Брюзга, жопа в мыле, принёсся на кухню. Орал на всю ивановскую, отвлёк каждого из нас от дел.

Пацаны ржут, а Сашка как-то подозрительно на меня косится.

– За языком следи, – прилетает мне от Кирилла. – От дел отвлёк. От каких? Стояла, в очередной раз продукты переводила, а этот олух ногти на ногах стриг.

– Что? Ногти на ногах?

– Совсем охерел. Мы там жрём вообще-то.

– Надеюсь, они не стали дополнительным ингредиентом в

салате, – смеётся Клим.

– Не стали, – кивает Тоха.

– Но это не точно, – добавляет Калаш, и в комнате снова раздаётся взрыв мужского хохота.

– Ладно. Что мы всё обо мне, да обо мне, – Антон излюбленным жестом взъерошивает свой чуп. – Накладываем жратву, разливаем горячительное и поднимаем тост за Харитошку.

– Погнали!

– Погнали.

Глава 17 ОБП

С того самого дня и зарождается наша с Рыжей, так сказать, женская дружба.

Сашка стабильно-регулярно навещается к нам в гости и охотно кашеварит у плиты, попутно пытаясь заложить в мою бедовую голову ОБП.

Вы спросите, что это за ОБП такое?

Данный термин совершенно случайно придумал балбес Черепанов. Расшифровывается он, со слов автора, так: основы бабских премудростей. Вообще, я тут с Тохой очень даже согласна. Илюхина девочка-война в этом плане – реально ходячая энциклопедия. Кладезь полезных советов. Настоящая хозяйка, знающая толк во всех этих кулинарных делах.

Я от неё столько новой инфы получила! Даже вон блокнот красивый завела для записей, чтобы не растерять полученные знания. У меня там уже много ценных премудростей есть. Например:

**При варке яиц всегда бросай в воду щепотку соли или ложку соды, чтобы они не трескались и хорошо потом чистились.*

**Если соус случайно подгорел в сковороде, перелей его в чистую кастрюлю и добавь немножко сахара. Он уберёт запах горелого.*

**Чтобы картошка, лежащая в сетке или пакете, не по-*

крывалась ростками, положи туда пару яблок.

*Размораживая мясо, полей его небольшим количеством уксуса. Мясо станет нежнее и быстрее разморозится.

*Чтобы не пускать слюни-сопли во время процедуры нарезки лука: 1. Шелуху снимай вместе с верхней кожицей. 2. Вырезай конусом корневую часть луковицы.

*Бананы храни каждый по отдельности, а не гроздьё. (Они выделяют какой-то там газ и усиленно травят друг друга, быстро пропадая). Либо заматывай основание связки плёнкой.

*Если жаркое, соус или суп получается чересчур жирным, кидани в кастрюлю кубик льда. Лед притянет жир, и ты сможешь легко его собрать.

*Если пицца остыла, грей её на сковороде, а не в микроволноволно... Короче понятно. Так она не пересушится.

*Если нет майонеза, заменить его можно сметаной, в которую надо кидануть желток от варёного яйца и ложку горчицы.

*Замораживай оставшийся бульон кубиками. (На будущее).

*Можно ещё замораживать порционно зелень. Добавлять куда-нить.

*Чтобы снять кожицу с помидора, обдай его кипятком и оставь в воде на пару минут. Практически сама эта кожица с него сползёт.

*Чтобы печень получилась мягкой, соли её в конце.

**Спелость авокадо проверяй по оторванному черенку. Если под ним пятнышко жёлтого или зелёного цвета – покупай, если коричневое – нет. (Дерьмовый).*

**Кристалльно чистым и прозрачным получается лёд, который делаешь из кипячёной воды.*

**Смесь соды и соли поможет, если пригорело дно кастрюли. Яся-Яся... Запасись!*

**Вместо скалки используй бутылку из-под вина.*

Короче, всё это и просто, и вместе с тем гениально, я считаю.

А вот, кстати, нацарапанный культяпками Тохи лайфхак: «(Кривая звезда, не то крест)Потряси яйцо одну минуту и свари. Золотым будет, как в сказке!!»

– Для того, чтобы котлеты, или вот в нашем случае сырники, были одного размера, можно использовать стакан. – Сашка-тире-шеф-повар-Ивлев ловко переворачивает этот самый стакан и начинает быстро-быстро по кругу двигать им по столу. – Вуаля!

– Зырь! Это реально работает!

Несколько секунд спустя рассматриваем аккуратный сырник идеальной формы.

– Давай тоже попробуем, Череп. Сначала я, потом ты.

Повторяем за Рыжей нехитрые манипуляции и на пару офигеваем, когда у нас получается.

– Класс! Погнали дальше, но перед этим закрепим пройденный материал, товарищи студенты.

– Ну вы это, продолжайте, а у меня там футбольный матч начался, да и Калаш, верняк, уже заждался!

Антон быстро устаёт от занятий ОБП и, уже по традиции, сливается. На этот раз прихватив с кухни пару бутылок пива и пачку чипсов.

– Рецепт записала?

– Да.

– Какой творог выбирать поняла?

– Максимально сухой, чуть рассыпчатый, с процентом жирности...

– Не меньше пяти, – подсказывает Саша.

– Угу, – делаю себе пометку на полях. Забуду же.

– Про яйца помнишь. Желток работает как жир, а белок – как вода.

– Да.

– Муки на пятьсот грамм три-четыре столовые ложки. Можно, кстати, заменить её на манку. Она сделает их пышными без разрыхлителя.

– Дальше добавляем сахар. Обваливаем и...

– И жарим, – придав оставшимся сырникам нужную форму, ставит на плиту сковороду.

– Чем их можно пичкать для разнообразия?

– Наполнителей для сырников, как ты любишь выражаться, «херова туча». Изюм, курага, мелкие кусочки яблок, абрикосы, ягоды. Только слишком много не клади, или забьёшь общий вкус, или развалятся.

– Ясно.

– Готовые подаёшь со сметаной/сгущёнкой/вареньем. О, а можно замутить шоколадный ганаш!

– Чё?

– Чё-чё. Берёшь плитку шоколада, ломаешь на кусочки, заливаешь сливками и ставишь в микроволновку.

– Ааа...

– ЗОЖ варианты сырников нужны?

– Не знаю.

– У меня маман любит делать морковные с зирой, – кривится и подкатывает глаза. – Ладно, давай пока на традиционном варианте остановимся. Жарим?

– Жарим.

– Разрешаю отправить первую партию на сковороду! Вперёд!

– Оукей, – настраиваюсь справиться с возложенной на меня миссией.

Чё мы? Не пальцем ведь деланы!

– Повиси минуту. Опять под твоим чутким руководством продукты переводит – прилетает вдруг в спину.

Явился не запылится.

– Сырники готовит, – поясняет Сашка Кириллу, откручивая крышку от бутылки.

– Бортич, ты последняя утюг брала? – спрашивает он обвиняющим тоном.

– Ну я, – поворачиваюсь к нему и с ходу встречаю грядущ-

щий скандал непробиваемым тренированным покерфейсом.

– Скажи-ка, в какое из отверстий ты, безмозглое существо, залила воду? – чеканит по слогам.

– В какое-какое... Туда куда надо залила, – отражаю, вздёргивая подбородок.

– Уверена? – насмешливо уточняет.

– А поконкретнее свою претензию можешь высказать?

– Поконкретнее...

– Да. По существу. Чё ты опять на меня наезжаешь, не пойму?!

– Мне нужен хренов утюг, а он сгорел! – как обычно, заводится с пол оборота.

– Я-то тут причём, – пожимаю плечами. – А точно сгорел?

(На самом деле я сама знаю что точно. Казус ведь и правда произошёл по моей вине два дня назад. Я действительно, по ходу, не туда воды ливанула. Замкнуло что-то и наш старенький помощник, издав посмертный треск, перестал работать).

Но я не признаюсь ему, нет.

– Ты в розетку его включал? – естественно, намеренно издеваюсь.

– По-твоему, это смешно? – клацает от злости зубами.

– Эммм. Ясь, извини, что вмешиваюсь, надо бы перевернуть сырники, – тактично напоминает Саша.

– Угу.

– У вас там всё нормально? Ты приедешь ко мне? Ждать? – доносится из динамика его телефона.

Стискиваю деревянную лопатку пальцами до треска.

Ааа... Так фраза «повиси минуточку» была адресована маме-ебуче?

– Мне надо погладить рубашку, но, твою мать, нечем! – отвечает он не то мне, не то ей.

– Пф! Тоже мне проблема! Иди в мятой! Хера ли наряжаться? Не в музей же Пергидроль свою ведёшь, – фыркаю я презрительно.

– За речью, блять, своей следи! – выталкивает сердито.

– А если нет? – по обыкновению провоцирую.

– А получить по губам?

Разворачиваюсь, оставив операцию по спасению отряда сырников.

– А пойти на три развесёлые буквы?

Багровеет.

Ноздри раздуваются.

Губы, сжимаясь, превращаются в тонкую линию.

Почти вижу, как от напряжения свинцом мышцы наливаются.

Считываю гневное предупреждение во взгляде.

Но, камон, когда меня это заставляло притормозить?

– Не перегибай с наездами, бро, – цежу ядовито. – По губам надаёшь своему абоненту при встрече. Утюг куплю, на том и порешим. Конфликт исчерпан. Свободен... – выдаю сплошным монологом свою речь.

Проходит секунда.

Две.

Три.

Шкварчит масло.

Сашка с опаской косится на Дымницкого и не зря...

Старуха Изергиль буквально в один прыжок до меня добирается.

Тигра, ёпта!

– Ребяята... – взволнованно блеет Рыжая, как и я, отчётливо предчувствуя приближающуюся беду.

Треск ткани.

Это он хватает меня за толстовку, отчего под мышками ощущается резкая боль.

– Вовремя затыкаться. Вот чему ты никак не можешь научиться, – яростно толкает мне в лицо, обжигая кожу.

– Ну давай, заткни, чё! А то всё угрозы да угрозы! – бесстрашно подстёгиваю на адреналине.

– Терпение моё испытываешь?

Он так близко, что я вижу в чёрных, расширившихся зрачках своё отражение.

– Не-а. Проверяю, насколько мужик.

– Сука... – цедит убийственно жёстким шёпотом, а потом как дёрнет на себя за несчастную толстовку, трескающуюся по швам.

– Кирилл! – Сашкин вздох.

– Яська!

– Чё тут опять?

Ой не знаю, что было бы дальше.

Сюжет развивается по уже знакомой схеме. Череп и Калаш, принёсшиеся на шум, вмешиваются в конфликт и не позволяют случиться тому, что однажды непременно случится.

Он меня прийдёт когда-нибудь...

Глава 18 Жестокая правда

– Мою кису надо как следует помыть снаружи и внутри, – вылезая из салона bmw третьей серии, капризно требует утконоподобная дамочка, облачённая в шикарную шубу. – Мне кажется, она задыхается от грязи. Помогите ей скорее.

– Окей.

– Можно нанести на кису бальзам и маску? Чтобы блестела. Есть что-то типа нашего счастья для волос? – поясняет на своём языке.

– Я поняла вас, сделаем, – киваю. – Проходите в комнату ожидания, вон туда, – указываю пальцем в нужном направлении и снимаю пистолет.

Кису, блин, помыть.

«Задыхается от грязи»

«Помогите ей скорее»

Н-да... Каждый сходит с ума по-своему.

– От себя, – подсказываю, глядя на неравный бой бедняги с дверью.

– А.

Заходит.

Бинго! Там написано вообще-то.

И вот они-то ездят за рулём. Капец.

Вскинув бровь, нажимаю на пистолет и начинаю поэтапно выполнять доведённые до автоматизма действия.

Наконец-то Эмиль разорился на качественную профкосметику. Одно удовольствие с ней работать. Расход экономичный, результат обалденный. Клиенты всегда уезжают довольные, а я частенько получаю неплохие а-ля чаевые. Особенно от мужиков, конечно. Бабы в Москве скупые. Хотя может, только по отношению друг к другу. Кто знает?

Мою диски. Коврики. Натираю руль и панель «кисы» спреем для детейлинга, наношу спецсостав на белую кожу. Удаляю грязь, а следующим этапом использую кондиционер.

Как в той рекламе. Чистота – чисто тайд. Хозяйка оценит.

Покончив с салоном, возвращаю назад зимние коврики. Беспонтовые, с точки зрения эстетики, но практичные, учитывая погодные условия.

– Какая моя киса красавица! – восторгается блондинка, разглядывая напидоренную тачку полчаса спустя.

– Рады стараться, – забираю свои драгоценные микрофибры. Начальник с их стоимости сперва подохренел, но в итоге покорно заказал всё, что я накидала в корзину.

Не, ну а чё? Они ж суперские. Многофункциональные, долговечные. Отлично впитывают и не оставляют никаких механических повреждений на поверхностях.

– Я думала, ты не сможешь нормально её помыть, – оγοрошивает владелица бэхи.

О, уже на ты перешли.

– Почему это? – закидываю на плечо волшебное плюшевое полотенце для сушки. Оно богичное. Такое нереально

гладкое, мягкое и приятное. Сама бы моську им вытирала.

– Не знаю. Так показалось, – выдаёт она гениальное в ответ.

– Удивлять в приятном ключе – моя фишечка.

– В прошлый раз был парень. Мне не понравилось.

Что ж. Не первый раз слышу от людей подобное. Халтурит мой сменщик однозначно.

– Это что? – присматривается к предмету под стеклом.

– Валялась на полу.

Совру, что не было мысли прикарманить, но в итоге купюру я не взяла. Не могу после истории с Дымницким брать чужое. Уж не знаю, совесть это или что другое.

– Как тебя зовут?

– Яся.

– Запомню, Ася, – лезет к панели.

Ася. Ладно, хер с ней.

– Держи, – отдаёт ту самую пятитысячную мне.

– Это много.

– Держи-держи, заслужила. У меня есть деньги.

Воу-воу. Беру назад свои слова по поводу женского жлобства.

– Спасибо.

– Не знаю, как ты тут работаешь в таких условиях, – кричит обколотое ботоксом лицо.

С процедурами перестаралась, на мой взгляд, но, надо отдать ей должное, в целом, она выглядит прекрасно для своих

пятидесяти семи.

Если чё, я на правах год рождения увидела. Они валялись на полу вместе с той купюрой.

– Отличные условия, – убираю баблишко в карман.

– Кошмар. Здесь жутчайшая сырость. Нечем дышать.

– Та прям! Свежо же.

– Так, мы поехали, – бросает взгляд на часы. Выглядят, как золотые. – Опаздываем страшно.

Мы – это, наверное, она и киса.

– Не задерживаю. Досвидос. Приезжайте!

– Приеду, – занимает место водителя, вытирая при этом мокрую плитку своими мехами.

– О, ван секунд!

Метнувшись кабанчиком к стеллажу, возвращаюсь к машине.

– Это что?

Она наблюдает за тем, как я цепляю к зеркалу подвесной ароматизатор.

– Нюхните. Запах закачаетесь. Лухари. Бляда Шанель.

Дамочка начинает громко хохотать.

– Милочка, блю. Блю дэ Шанель, – поправляет, вытирая слезу.

Я её конкретно рассмешила.

– Да какая разница. Главное, что пахнет в салоне зачётно. Всё, давайте освобождайте помещение. Там уже какой-то долбодятел сигналит.

– До встречи, Ася, – улыбаясь, закрывает дверь.

До конца смены я обслуживаю ещё четыре машины. В двадцать два десять немножко подзадолбавшаяся плетусь в комнату для персонала. Там меня ждут пацаны. Они частенько тут у Эмиля трутся, наведываясь то к нему, то к Кучерявому Яну.

А ещё кто-то из них всегда забирает меня домой и, положив руку на сердце, эта забота пипец как трогает. Оказывается, так приятно, когда за тебя кто-то переживает. Когда реально осознаёшь вдруг, что теперь не один в этом большом, уютном городе.

– Короче, к этому Жарову подобраться можно только хитрой схемой, через бабу. Поехать и тупо прессануть не получится.

– Почему?

– Потому что, Череп, так-то он чист. Не придраться, – объясняет Паровоз.

Останавливаюсь у приоткрытой двери и, не выдавая своего присутствия, нагло подслушиваю их разговор.

– Ну мутный же тип. Агентство невест, модельный бизнес, а по факту вон чё... Одна типа сбросилась сама из окна, вторая улетела на Мальдивы и утонула, а третья внезапно перестала выходить на связь. Чудеса...

– Слушайте, мы, блять, не сыщики. Илюх, на кой хрен опять ввязываемся туда, где ментам надо работать.

– А то ты не знаешь, Клим, они те ещё работники, – фыр-

кает Антон. – Как с Якушевой будет. Нет тела, нет дела. Сидят на жопе ровно.

– Я не могу отказать этому человеку, – твёрдо заявляет Илья.

– Придётся Свечку попросить помочь. Попробует себя в роли невесты. А прикиньте, реально найдёт себе там бизнесмена какого-нибудь или шейха.

– Лена в деревне. Мать слегла с пневмонией.

– Тогда нужен кто-то из знакомых, проверенных тёлок. Такая, чтобы не спалилась. А твоя Са...

– Тебе ещё раз зубы выбить? – агрессивует Паровозов. – Мало мне той херни в лесу было, по-твоему?

– Ну просто она у тебя яркая, красивая.

– Ага, и дочь мента по совместительству, пять баллов, Череп, – хмыкает Даня.

– Ой блин, забыл.

– Дебил лохматый.

– Нанять мож эскортницу какую?

– Да это бред. Они тоже по базам числятся.

– Давайте Катьке позвоним.

– Череп, она беременна але. Живот уже с арбуз размером.

– Да?

– Вообще-то да.

– Может быть Дым с Кирой поговорит? – предлагает Череп.

– А может, вы дружно перестанете тупить? – разозлив-

шись, открываю дверь и вхожу.

– О, Яська, привет.

– Я всё подслушала. Буду вашей невестой для агентства Жарова, никого не ищите, – уверенно сообщаю.

– Нет, – хмурится Паровоз.

– Ой, слушайте, а Яська же реально в этой теме, как никто другой шарит. И фоткаться умеет! Чё мы сразу-то про неё не подумали?

Дурила.

– Молодая. Лицо смазливое, худая, сиськи-жопа есть. Её точно возьмут в каталог, если накрасить и переодеть во что-то нормальное, – делится своим мнением Динамит.

– Так и я о том, – игнорирую грубую подачу текста. В принципе, сказал он всё по факту.

– И спиздить сможет влёгкую то, что потребуется, – у Черепепа загораются глаза.

– Очередная дерьмовая идея.

– Да так-то Яська – идеальный вариант, – подключается к Антону Даня.

– У меня и легенда что надо. Вышла из колонии. Приёмная семья турнула. Бабла нет, жрать нечего, жить негде. В Москву поехала с горя строить карьеру модели, но и тут не задаётся. Нужен богатый жених, я на всё согласна.

– Очень складно! – хлопает в ладоши Череп.

– Подождите, обмозговать надо.

Вижу, что Паровоз сомневается.

– Илюх, да не очкуй, я всё сделаю. В моей жизни столько дерьма было, что поиграть в сиротку-модель, рассчитывающую найти папика – плёвое дело. Тем более, что...

– Нет, Ясь, – обрывает меня резко.

– Да почему? Классный же план!

– Не обсуждается. Одевайся, Тоха подкинет тебя домой.

– Пацаны куда поехали?

– У Илюхи с Яном какие-то дела. Даня и Динамит к Калашу стартанули. Им с Юлькой мебель привезли, собрать надо.

– Понятно, а где старуха Изергиль? – интересуюсь как бы между прочим.

– Пхах, угораю с этого прозвища, – хохочет Тоха, сидящий за рулём своей десятки. – Его жёстко свалило с температурой.

– Неудивительно. Кто в кожанке по морозу ходит?

Чихал, гундосил, шмыгал носом накануне.

– Лечится чем?

– Выпил порошок, который в кипятке растворяют.

– Не в кипятке, а в горячей воде.

Припекло значит конкретно, раз выпил.

– Это ерунда. Ну-ка, высади меня вон там.

– Зачем? – хмурит брови.

– Надо.

– Ладно, – послушно сворачивает и притормаживает на площадке перед супермаркетом. – Ты в магаз? Захвати мне,

по-братски, чипсы, пивас и шоколадное яйцо.

Выхожу из машины, накидываю капюшон на голову и направляюсь в аптеку.

Там, посоветовавшись с фармацевтом, затариваюсь по полной программе: противовирусное, какая-то хрень для иммунки, спрей для носа, леденцы, витамин С шипучий, раствор для полоскания горла.

Цены в столице на это добро, мягко говоря, недешёвые. Очень пригодилась купюра, которой меня щедро одарила та дамочка в мехах. И на лекарства хватило, и на продукты. Крутяк!

Уже мысленно планирую, что приготовлю, когда приеду домой.

– На, – отдаю Антону огромную пачку чипсов и яйцо. Закидываю пакеты назад.

– А пивас где? – ноет, расстраиваясь.

– Не продали.

– Блин. А ты в аптеку на фига ходила? Колёса Дыму покупала, что ли?

– Я не болею, я не болею, – передразниваю, усевшись на пассажирское.

– Он сказал, что это ты его сглазила, – заводит мотор.

– Ну конечно, я во всём виновата! – фыркаю.

– Напрасно потратилась. Он твою заботу не оценит. Ты его страшно раздражаешь, Ясь.

– Спасибо, что напомнил! – цежу сквозь зубы.

– Взъелся на тебя из-за того портмоне капитально. Постоянно пацанам приседает на ухо.

– Насчёт?

– Недавно предложил нам с тобой съехать. Мол, типа, спелось, валите из квартиры на пару.

– Понятно.

Не новость, что Дымницкий спит и видит, когда я исчезну, но, как всегда, это очень меня задевает.

– Говорил, чем раздражаю? – зачем-то продолжаю бо́льшую тему. Хотя чего врать, понятно зачем. Мне нужно знать, что Кирилл говорит обо мне ребятам.

– Ой, Ясь, да всё то же самое.

– Череп...

По интонации понимает, что не отстану, пока не услышу развёрнутый ответ.

Вздыхает.

– Старая шарманка про то, что воровку подселили под бок.

– А ещё?

– Внешность твою обсуждали, татухи.

Тааак...

– И что сказал?

– Что ты обычная и ничего особенного в тебе нет. Мы с пацанами вот даже не согласились, если чё. Ты огонь огнище! – добавляет быстро.

– Что ещё? – спрашиваю совершенно безэмоциональным

ГОЛОСОМ.

– Ну, типа бесит его, что все носятся с тобой, опекают.

– Мм.

– Пользы от неё никакой, – продолжает с энтузиазмом цитировать Дымницкого. – Мелкая, глупая. Как хозяйка – ни о чём. Если вкратце, домашними делами не занимаешься. В хате не убираешь, невкусно готовишь, жрать невозможно. Забей короче, – отмахивается, а у меня в груди будто тугой узел скручивается.

Обидно. Насчёт последнего вдвойне. Я же реально стараюсь научиться готовить. Да, пусть не всегда всё получается, но ситуация ведь реально в разы стала лучше.

«Внешность твою обсуждали»

«Обычная»

А мадам-ебу, значит, у нас необычная, да?

– Это когда всё было? – уточняю, вздёрнув подбородок.

– За подарком когда Сашке ездили.

– Ясно, – поджимаю губы.

– Не вешай нос! Он просто человек такой, тяжёлый, – пытается подбодрить меня, но после всего вышесказанного, это звучит как-то глупо и нелепо. – Яська, Кирилл тебе нравится, что ли?

– Это не твоё дело, – подрубаю громкость на проигрывателе и отворачиваюсь к окну.

Злюсь.

Очень-очень злюсь.

На Дымницкого, в первую очередь. А во вторую, на Анто-
на, лихо выложившего за минуту всю болезненную и жесто-
кую правду.

С другой стороны, чего обижаться и психовать? Сама же
настояла на том, чтобы он рассказал всё, как есть.

Вот на тебе, получи.

– Не надо было тебе говорить, – уже у подъезда, произно-
сит он виновато.

Молча выхожу из машины. Забираю пакеты с заднего си-
денье и ухожу.

Пока поднимаюсь до нашего этажа по ступенькам, Череп
успевает прислать кучу сообщений.

«Ясь, сорян»

«Ну debil я»

«Не знаю, зачем растрепал всё тебе»

«Отстойно вышло»

«:(((»

«:__(»

Что-то ещё приходит, пиликающая, но я уже не читаю. От-
крываю ключами дверь. Разуваюсь-раздеваюсь в прихожей и
прохожу на кухню, где, яростно сражаясь с внутренним ура-
ганом, раскладываю купленные продукты по полочкам.

Щас сварю себе стрёмный суп и нажарю целую сковороду
картошки.

Плевать, кто и что думает по поводу моих способностей.

Голодать мне теперь из-за этого, что ли?

Раздражённо вытираю щеку рукавом толстовки.

«Это всё из-за лука, всё из-за лука. Неправильно чищу»,
– убеждаю себя, когда изображение вновь становится мутным...

«Пользы от неё никакой»

– Ниче, я им докажу, что они ошибаются...

Глава 19 Разговор по душам

– Волосы – просто пушка! – парикмахер Регина, оказавшаяся не только настоящим профессионалом, но и прекрасной женщиной, взбивает пряди пальцами и улыбается, оценивая результат.

– Да ты ваще на неё посмотри, – фыркает Сашка. – И этот человек с утра до ночи моет машины, – вздыхая, качает головой.

– В смысле? – Регина вопросительно приподнимает бровь.

– В прямом. Яська на автомойке работает, – поясняет Рыжая, попутно щёлкая меня на свой телефон. – С такими внешними данными она вообще работать не должна, скажи?

– Я абсолютно с тобой согласна

– Мы тоже закончили, – сообщает Света, визажист. – Щас хайлайтера ещё немного добавлю.

– Не надо, так отлично, – смотрю на себя в зеркало и испытываю внутри смесь восторга и грусти.

Давно я себя такой не видела. Красивой, женственной, при полном параде. Волосы, макияж, платье. Там в отражении словно другой человек. Другая Яся. Та самая, которая могла когда-то поехать в Париж на неделю моды.

Но не поехала. А загремела вместо этого в колонию.

– Как с обложки блин, – подмигивает мне Света, довольная своей работой.

А ведь они и не подозревают, что обложка у Ярославы Бортич тоже была.

Меня тогда выбрали из тысячи девчонок. Подумать только, как изменчива жизнь...

– Ясь, а ты сможешь ко мне в следующее воскресенье приехать? – неожиданно спрашивает Регина.

– В воскресенье и понедельник я работаю.

– Тогда в субботу. М?

– Ладно, а зачем?

– О да! – загорается Сашка. – Скажи мне, что это то, о чём я думаю.

– Мне кажется у Вас с Ясей получатся красивые фотографии.

– Моя мамзель обновляет интерьер в салоне, – коротко объясняет Саша. – Мы придём, Регин, только это, сразу на берегу договариваемся, тот лак больше на мне ни-ни. Я, блин, обчихалась в тот день, когда ты меня на батин юбилей собирала.

– Понял-принял. Ну всё, – она отходит от меня и ещё раз осматривает придирчивым взглядом. – Идеально.

– Спасибо, Региночка! Ты лучшая! – Сашка лезет к ней обниматься.

Похоже, что они с этой женщиной очень близки. Прямо чувствуется, что между ними очень тёплые отношения.

– Ну мы погнали.

– Подожди, Саш, я рассчитаюсь, – лезу в сумочку, кото-

рую она мне одолжила на время вместе с платьем.

– Угомонись, ради Бога!

– Нет, так не пойдёт.

– Завязывай, Бортич! Ты моя подруга или кто?

– Подруга.

– Ну вот, а я, на минуточку, – дочь хозяйки салона красоты, так что поднимай свой прекрасный зад и...

– Я так не могу. Люди потратили на меня своё время, – упрямо гну свою линию.

Деньги у меня, конечно, не лишние, но пользоваться тем, что салоном владеет Сашкина мать, как-то некрасиво.

– Отработашь в субботу. Разберёмся. Всё, мы полетели, хочу успеть выпить кофе, – посылает женщине воздушный поцелуй и тянет меня за руку. – Гля, какая настырная! Убери немедленно, она всё равно не возьмёт, – шикает на меня недовольно, заприметив деньги, зажатые в моей ладони.

– Пока, девчоночки! Увидимся в субботу, – машет нам на прощание Регина.

– Неудобно, Харитон, так дела не делаются, – высказываю уже на улице, на ходу накидывая пуховик.

– Ой, Ясь, – цокает языком. – Харэ, проехали эту тему. Нам туда, – указывает пальцем в сторону французской кофейни-пекарни. – Гоу, скорее, чтобы твой причесон от снега не осел!

Перебегаем дорогу, пока удачно горит зелёный и уже через три минуты греемся в стенах уютной кафешки.

– Пахнет тут абзац! – вдыхаю носом чудесные ароматы кофе.

– Ага. Сейчас как закажем себе кучу всего запретного. У них тут десерты такие, что закачаешься.

– Мне перед кастингом только десертом закидываться.

– Тю, а то ж прям моментом это на твоей суперфигуре отразится. Глупости!

– Меню писец. Глаза разбегаются.

– Да.

– Здравствуйте, милые девушки, могу ли я принять у вас заказ?

Рядом с нашим столиком появляется парень. Молоденький, светловолосый. Приветливо улыбающийся.

– Сама решай, я ни бум-бум, – откладываю меню, избавляя себя от мук выбора.

Слишком много текста, а я с детства не люблю читать.

– Может быть, я что-то посоветую, если позволите?

– Не, она разберётся. Да, Саныч?

– Угу, – кивает девчонка, наматывая на палец прядь рыжих волос. – Так... Нам два рафа Амаретто, два «Три шоколада», две «Константы», набор корзиночек «Боке» ассорти...

– Притормози.

– Чё эт ради? И профитроли. Да. Профитроли. Пока всё, – отдаёт мальчику меню.

– Отличный выбор. Ну я пошёл? За вкусняшками? – спра-

шивает, глядя при этом на меня.

– Да, спасибо.

– Пару минут – и я уже здесь.

– Отлично.

Сашка хихикает, а блондин, наконец, уходит, чтобы передать дальше наш заказ.

– Он положил на тебя глаз, – Саша стреляет глазами в сторону барной стойки.

– Чепуха, – отмахиваюсь и достаю телефон.

– Да ты видела, как он на тебя пялился? Как я на этот профитроль, – тычет пальцем на картинку в меню.

– Завязывай, – печатаю сообщение Черепу.

– Запал. Стоит таращится даже сейчас. Спорим, попробует попросить твой номер?

– Угу.

«Чё там как?»

Череп: «Лежит. Градусник сунул ему под копыто»

«И?»

Череп: «Темпу померил, 39,2»

Ёпрст.

«Таблетки заставь выпить, на тумбочке всё оставила»

Череп: «Попробую»

– Симпатичный, кстати. Хорошенький прям.

– Угу.

«Не попробуй, а затолкай насильно, Тох!»

«А вообще, лучше бы врача вызвать»

Череп: «Свечку?»

«ОНА ВЕТЕРИНАР!»

«И она в Бобрино!»

Череп: «А, блин, точнярус»

– Как считаешь? Ничё такой?

– Угу.

В пол уха слушаю Харитошку.

– Чё ты заладила «угу да угу!» – бесится, раздражённо цокая языком, и мне приходится оторвать взгляд от экрана.

– Извини, старуха Изергиль захворала, – откладывая телефон в сторону.

– Что-то серьёзное?

– Заболел, то ли ОРВИ, то ли грипп. Лежит с высокой температурой, ни черта не делает. Думает, само пройдёт.

– Ооо, ещё один. Илья тоже таблетки терпеть не может.

– Мы вчера поругались. В очередной раз.

– Не удивила.

– Я пыталась объяснить ему, что игры со здоровьем – отстойная затея. Своеобразно, в своей манере, но пыталась.

– А он?

– Да как обычно. Сказал, чтобы не лезла с советами. Сам, мол, разберётся, без зелёных.

– Какой большой и глупый дядя!

– Суп сварила. Через себя переступила, принесла в комнату. Хотела, чтобы поел. Не жрал ведь ничего за день.

– А он?

– Заявил, что не станет употреблять мою отраву.

– Ну понятно.

– После того инцидента со слабительным, он мне не доверяет.

– Какого инцидента? – хмурится, явно не понимая, о чём речь.

– Ты чё? Не в курсе? – удивлённо моргаю. – Пацаны ещё не рассказали?

– Нет.

– Как так? Пффф. Короче, – подаюсь корпусом вперёд, наклоняясь ближе к ней. – Паровозов же забухал жёстко, когда вы разругались в пух и прах.

– Ну, ну и чё?

– Пил каждый божий день, не просыхая. Постоянно в хламину. Мне надоело наблюдать всё это и я решила проверенным методом вызвать у него отвращение к алкоголю. Моя приёмная мать так делала.

– Ты что, подсыпала в бутылку слабительное? – прижимает ладонь ко рту.

– Да, он как раз бутылки приготовил себе на кухне на вечер. Вот я и сыпанула туда лошадиную дозу.

– Ну ты даёшь! – она качает головой.

– Мы с Черепом ушли смотреть фильм.

– И?

– И на пару уснули.

– Дай угадаю финал! Дым по «счастливой случайности»

выпил содержимое бутылки вместо Ильи??? – округляет глаза в ужасе.

– Да. Потому что Паровоз неожиданно и без предупреждения уехал в тот вечер бухать к Беркуту.

– Пхаха-ха!

– Мы проснулись от его воплей.

– Прихватило?

– Ещё как!

– Иисусе, как он не прибил тебя???

– Не мог надолго покинуть фаянсовый трон.

– Аха-ха!

На пару хохочем.

– Орал благим матом. Обещал прикончить меня.

– Млин, трындец! – она утирает слёзы.

– Очаровательные дамы, ваш кофе и сладости.

Официант выставляет на стол всё, что заказала Рыжая.

– Спасибо.

Благодаря тому, что он появился, немного приходим в себя. А то на нас уже вон другие посетители заведения косятся.

– Простите.

– Смех продлевает жизнь, – улыбается парень. – Я, Константин, кстати.

– Очень приятно. Она Яся, а я влюблена, – заряжает Сашка, и я наступаю ей под столом на ногу.

– Ярослава. Красивое имя для красивой девушки.

– Обычное.

– Вовсе нет. Я вот, например, встречаю девушку по имени Ярослава впервые и, знаете что?

– Что?

– Думаю, что никого прекраснее не встречал.

– Оу, – Сашка присвистывает, а я молчу.

Говоря по правде, его подкаты вызывают лишь раздражение. Не люблю такое.

– Могу я что-нибудь ещё для вас сделать?

– Да, мы хотим попить свой кофе, – обхватываю чашку ладонями.

– Понял, растворяюсь. Если понадобится, зовите.

– Спасибо, Константин, вы очень внимательный, – Сашка предпринимает попытку сгладить момент.

– И очень навязчивый, – добавляю, когда этот самый Константин отходит на приличное расстояние.

– Ну, Ясь, блин! Он расстроился. Ты чего так жёстко с ним? – отчитывая меня, вооружается ножом и вилок. – Со всем не понравился мальчик?

– Нет.

– Почему? Приятный же молодой человек. Так мило краснел, выдавая тебе комплименты.

– Он маленький, чересчур много улыбается и вообще... не в моём вкусе.

– А кто в твоём? – закидывает в рот большой кусок пирожного. – Ставые, угвюмые и вовчливые?

– Ешь молча, – тоже отпиливаю себе «Три шоколада».

Пробую.

Мммм. Реально вкуснец!

– Маленький... Он, поди, твой ровесник.

– Мне нравятся парни постарше.

– Как Дымницкий?

Перестаю жевать.

– В яблочко?

– Причём тут он?

– Пацанам задвигай, что хочешь, а мне всё предельно ясно, – добирается до профитролей.

– Что тебе ясно? – вздыхаю и делаю глоток ароматного кофе.

– Эта ваша ненависть друг к другу куда глубже, чем кажется на первый взгляд. Вы влюблены. Ты – так уж точно, – припечатывает со стопроцентной уверенностью. – Да и он ведёт себя как мальчик, неспособный справиться со своими чувствами.

– Что ты имеешь ввиду?

– То есть оспаривать не будешь. Отлично!

– Саш...

Взглядом выражаю усталость и отчаяние. Я ведь правда задолбалась делать вид, что ничего не происходит. Происходит. Со мной однозначно.

– Ну... – стебать, судя по тону, не собирается. – У меня есть ощущение, что Кирилл тебя намеренно отталкивает. Я

могла бы, конечно, поверить в то, что он, по ряду причин, просто не переносит тебя на дух, но что-то подсказывает: помимо этого есть что-то ещё.

– Что?

— Я вижу, как он на тебя смотрит.

– И как же?

– Война войной, но Кир тебя определённо хочет, Ясь. Это, знаешь, либо есть, либо нет. Там, на кухне, особенно сильно чувствовалась эта ваша буйная, кипящая энергетика. Ой, смотри, вспомнила и аж волосы дыбом, – показывает мне свою руку.

– Если всё так, как ты говоришь, – прочищаю горло, – то зачем он себя так ведёт? Хамит, грубит, игнорирует, осаживает.

– Хм. Наверное, ему просто страшно, Ясь, – пожимает плечами. – Ты выводишь его из равновесия. Заставляешь терять контроль. Да, – распрямляет указательный палец. – Думаю, он боится своих эмоций.

– И что мне делать?

– А что ты хочешь?

– Попробовать, – говорю как есть.

– Тогда вперёд. Сделай в следующий раз то, чего он не ожидает. Поцелуй. Соблазни. Расскажи, что испытываешь. Это ошарашит его. Он будет уязвим и вот в эту самую минуту ты поймешь: ровно там в ответ или нет, – выдав этот паразитический монолог, тянется к своей чашке.

– Откуда всё это? – в шоке на неё смотрю. – Ты как психолог из ящика разговариваешь.

– Психолог... – она задумчиво улыбается. – Никакой я не психолог, Ясь. Просто с Ильёй вот точно также однажды рискнула. Понравился, зажглось внутри. Решила: хочу, была не была! Соблазнила и переспала фактически с незнакомцем. Такая вот история, – признаётся вдруг.

– Обалдеть, – про знакомство Рыжей с Паровозом слышала инфу от Тохи, но в общих чертах. Без пикантных подробностей. – А ты...

– Да, Илюха мой первый мужчина, – понижает голос до полужёпота. – И последний, – широко улыбается.

Пипипипи.

У меня срабатывает будильник.

– Блин, Саш. Опаздываю на чёртов кастинг, – озадаченно смотрю на время, подсчитывая в уме, успею или нет.

– Езжай-езжай. Я тебя совсем заболтала. Далеко это агентство?

– Минут сорок отсюда, – подрываюсь со стула и бегу к вешалке за пуховиком.

– Мож на такси тебя посадим?

– Не, я на метро, – застёгиваю молнию и достаю из кармана деньги.

– Да Бортич, блин!

– Всё. Я угощаю, ты итак мне сегодня день красоты устроила.

– Ну ладно... – тоже встаёт и подходит ко мне. – Давай там, осторожней. Ни пуха, ни пера!

– К чёрту. И Саш...

– Не переживай. Я могила! Пацанам ни слова, – обещает, кивнув.

Глава 20 Тот самый Жаров

Кастинги – нервотрёпка та ещё. Я уже успела подзабыть, что это такое... А это – долгие часы ожидания, километровая очередь и зашкаливающий процент красоты на один квадратный метр.

Кто бы что не говорил, наши девушки – самые-самые. Конкуренция – высший балл. Ассортимент – просто вау! Блондинки, русые, рыжие, брютенки. Выбирай не хочу! Чем, собственно, и занимается агентство MaxModel каждый месяц.

Итак, время девять тридцать вечера и, наконец, два тура спустя нас остаётся только двадцать.

Уже достижение, я считаю. Учитывая, что я четыре года не варилась во всём этом.

Поправляю номер на руке и трусы от купальника.

– Дальше, – безэмоционально объявляет менеджер по кастингу.

В течение последующих пяти минут меня просят пройти по подиуму, а также принять участие в постельной фотосессии. (Так я её окрестила).

Сидишь, лежишь, медленно извиваешься на кровати, позируя на камеру.

Мечта Черепанова. Пхах.

Фотограф, кстати, – отличный парень. Профессионал сво-

его дела. Креативный, с огоньком в глазах. У нас с ним достаточно легко коннект выстраивается. И посмеяться получается, и снимки клёвые забабахать.

– Двести семнадцать, контакты менеджеру оставьте там, при выходе.

– И?

– И? – кривляясь, повторяет неприятная тётка в очках с черепашей оправой.

– Что это значит? Прошла/не прошла? – требую разъяснений у этой дуры.

– Мы вам позвоним, если нужно будет пригласить вас на собеседование, – холодно припечатывает в ответ.

Вздыхаю.

Мы вам позвоним – ужасная фраза. По статистике вероятность того, что вам действительно перезвонят, в таких случаях равна примерно... нулю.

Печалька, но я всё же диктую секретарше свой телефон и адрес электронной почты.

– Отлично поработали, Яся, – на ресепшн подходит Стёпа, фотограф.

Запомнил моё имя. Прекрасно.

– Да, спасибо, было круто.

– И походка у тебя супер, – подмигивает мне он.

– Псс, – отхожу чуть в сторонку и подзываю его пальцем.

– Есть инфа, кто из нас прошёл кастинг? – тихо спрашиваю.

– Фотки будут смотреть. Жанна выберет пять девушек.

– А Жанна это... – тяну многозначительно.

– Это наш директор. Всех девочек по итогам каждого кастинга она отсматривает лично.

– Я думала, что ваш дирик – мужик.

– Это который генеральный, – кивает.

– Ммм, ясно. А он тут часто появляется? – для справочки уточняю.

– Дяди, которые передвигаются на майбахах, кастинги сами не проводят, ты же понимаешь? – снисходительно улыбается.

– Конечно.

– Слушай, даже если тебя не возьмут, ты позвони мне как-нибудь, – достаёт визитку из кармана.

– Ты во мне сомневаешься, что ли?

– Нет конечно. Просто не хотелось бы потерять хорошую модель. Я уже вижу пару проектов с твоим участием.

Ну да, ну да.

Интересно, какая я по счёту это слушаю?

Клеить девочку после съёмки – обычное дело. Все, кому не лень, этим занимаются.

– Если судьба, Стёп, то мы не потеряемся. Пока-пока, – обхожу его, улыбаясь а ответ.

Визитку так и не беру, хотя стоило бы. В моём случае прямо-таки непозволительно разбрасываться контактами вроде этого.

Кружу по опустевшим коридорам. Открываю дверь и

устало выползаю на ступеньки.

Тяну носом морозный воздух и достаю телефон, поставленный на авиарежим.

Выключаю самолётик.

Хоспаде.

Пропущенные от Тохи и куча сообщений в мессенджере заставляют меня понервничать.

16:50 Череп: «Короче, темна растёт»

17:40 Череп: «Ни хрена чет колёса не помогают»

17:41 Череп: «Чё делать?»

18:33 Череп: «Ясь, ты где?»

18:59 Череп: «Ау»

19:02 Череп: «Шо за кидалово? Все недоступны. Пацаны, ты»

19:38 Череп: «Мне как быть?»

20:04 Череп: «А если Дым помрёт???»

20:53 Череп: «Он как огнедышащий дракон»

Ёпрст.

21:37 Череп: «Ну вас на фиг, я вызвал ему скорую. 39,6 Ясь!!»

Сердце заходится в адовом ритме.

Смотрю на время.

Сейчас 22:54.

Набираю Антона, но теперь, вот же гадство, на звонки не отвечает уже он.

Пока иду до забора, огораживающего здание, в котором

агентство Maxmodel снимает помещения, успеваю отправить несколько тревожных эсэмэс. Притормозив, пытаюсь до Черепанова ещё раз, но кроме длинных гудков, увы, ничего.

– Девушка, – недовольно окликает меня охранник бизнес центра, – уйдите от ворот.

– Да ухожу я, ухожу, – осторожно ковыляю по льду.

Очень красивые Харитошка дала ботильоны, но какая же у них скользкая подошва. Жуть!

Как растыка, переступаю по скользкой поверхности, дабы не расползтись и не разбросать кости по асфальту.

Фа-фа.

Блин.

Это мне настойчиво сигналиит приближающаяся к шлагбауму тачка. В знак чтобы убралась с дороги.

Мешаюсь, видите ли!

Фарами ещё, моргая, слепит, козлиная!

Мелкими шажочками смещаюсь поближе к тротуару. А потом в глупой башке внезапно что-то щёлкает.

«Дяди, которые передвигаются на майбахах, кастинги сами не проводят, ты же понимаешь?»

Бинго!

Это Майбах, друзья.

Уж в машинах-то я шарю, благодаря опыту работы на автомойке.

Если спросите, чем я руководствуюсь, совершая опасный

и необдуманный поступок, вряд ли я вам быстренько смогу ответить.

Наверное, к следующим необдуманным действиям меня подталкивает мысль о том, что мне позарез надо попасть в агентство Жарова, на которого «охотится» Паровозов.

Так почему бы не использовать все шансы? Например, вот этот.

Дура, конечно. Падать под колёса – такой себе способ искать встречи с тем, кто тебе нужен. Но...

– Ну едрён-батон! – ругается на меня вышедший из тачки водитель. – Куда прёшься по дороге, когда есть тротуар?!

Распластавшись на льду, морщусь и молча выслушиваю его монолог, выражающий ярое возмущение.

Трамбанулась, между прочим, не так грациозно, как планировала. Хотела упасть нарочно, но красиво, а по итогу вышло так, что чуть копыта себе не попереломала.

– А если б я вовремя на тормоз не нажал и тебя переехал? – орёт мужик, пока я собираю части тела воедино. – Как оно вообще? Цела? Встать можешь? – движется в мою сторону, чуть поостыв.

Это не Жаров. Его-то фотку я посмотрела накануне вечером. Надо ж знать цель в лицо.

– Да, сейчас, минуту.

Рассматриваю левую ладонь. Кожу содрала. И нога болит.

Ну крутяк, чё! Зазря покалечиться – крутой план, Яська!

– Давай помогу.

Водила хоть и зол, но протягивает мне руку, помогая подняться на ноги.

– Кто ж на таких ходулях по гололёдке ходит?! – отчитывает, пока отряхиваюсь от реагентов.

– Ой ну всё, с кем не бывает?! – раздражённо цокаю языком.

– Телефон на, уронила.

– Спасибо.

Прихрамывая, ретируюсь к высокому бордюру. Притулив на него пятую точку, расстёгиваю правый ботфорт и произвожу инспекцию.

Чёрт. Колено стесала до крови.

– Чё? Нормально всё, да?

– Да идите уже а! Жива-здорова! – отвечаю с психом.

– Валера, что там? – доносится до нас бархатный баритон.

– Всё в порядке, Дмитрий Борисович.

Дмитрий Борисыч. Жарова так зовут, на минуточку.

Всё же, оказывается, он здесь? И, судя по звуку приближающихся шагов, идёт сюда.

Та-дам!

– Что ты там копаешься? Ты сбил её, что ли? – звучит раздражённым тоном.

– Нет, Дмитрий Борисович, она сама звезданулась под колёса...

– Это правда. Я поскользнулась, – поднимаю голову и

встречаюсь глазами с тем самым мужчиной, «досье» которого изучала ночью при помощи всемогущего гугла.

Жаров на фото и Жаров вживую – почти ничем не отличаются. Высокий, плотный мужик. Борода. Короткие, а-ля седые волосы модного оттенка. Дорогое пальто. Напидоренные до блеска ботинки. Цепкий взгляд.

Им он принимается сканировать меня с ног до головы. Ничто не остаётся без внимания. Волосы, лицо, губы, вырез платья, пострадавшая нога.

Какая я умница, что не успела застегнуть пуховик!

– С кастинга? – догадывается почти сразу же.

– Да, – проверяю не разгрохала ли телефон.

– И как? Успешно прошла? – сразу на ты ко мне обращается.

– Да без понятия. Уже пожалела, что пошла к этим фуфлыжникам, которые отбрить прямо не могут!

Жаров меняется в лице, явно не ожидая услышать о своих подопечных нечто подобное.

– Натёрла задницу стрингами. Ни крошки в рот с утра не закинула! – нагло брешу. – Мало того, что проторчала тут целый день, чуть ли не до закрытия метро, так ещё и чуть с жизнью не попрощалась! Оно, блин, того не стоит, – ворчу, поправляя платье, и встаю. – Всего хорошего, дяденьки.

Подцепив сумочку, оставляю Жарова с водителем и хромаю к проезжей части.

Что-то мне подсказывает, такие персонажи, как этот, не

любят, когда с ними вот так прощаются.

Пять. Четыре. Три. Два...

– Девушка...

Ха!

– Шарф забыли.

– Да и фиг бы с ним... – беззаботно отмахиваюсь, продолжая идти.

Дура, это подарок Сашкин! Ручная вязка!

– Подожди.

Ладно, так и быть, уговорил.

Останавливаюсь, поворачиваюсь. Смотрю, как подходит и протягивает шарф.

– Как зовут? – спрашивает, когда, не поблагодарив, забираю.

– Ярослава. А вы с какой целью интересуетесь? – прищуриваюсь, выказывая подозрение.

– Садись, Ярослава, в машину. Валера отвезёт тебя, куда скажешь.

– Не-не-не! Я с незнакомыми дядьками по ночной Москве не катаюсь, – наотрез отказываюсь.

– Такси? – предлагает он.

– Не, Борис Дмитрич, – намеренно имя-отчество путаю, уверенная в том, что такой наглости никто себе не позволял.

– Я на метро.

– Колготки... – смотрит вниз.

Порвались, ага.

– Мож так задумано, чё, – пожимаю плечом. – Всё, мерси за шарфик, но я погнала. Итак пропустила Хрюшу и Степашку. Как теперь спать буду?

Машу пальчиками на прощание и удаляюсь, вспоминая маршрут до подземки.

Фух.

Немного успокаиваюсь, лишь добравшись до буквы М.

Не знаю, канеш, чё к чему, но что-то подсказывает: Жаров меня точно запомнил...

Глава 21 Бортич на максималках

Кирилл

Болею я настолько редко, что вряд ли мог бы вспомнить, когда это случалось в последний раз, но прошедшая неделя... Чёрт дери, впервые в жизни мне казалось, что я реально подыхаю от какой-то лютейшей хвори.

Началось всё с безобидного насморка и боли в горле, а потом как пошло... Слабость, ломота в теле, кашель, адская мигрень. Валялся в постели трупакom, а в один из вечеров ещё и температура поднялась чуть ли не до отметки сорок. Черепа напугал показаниями градусника до такой степени, что он в итоге вызвал бригаду скорой. Ну а те, недолго думая, всадили мне укол в задницу.

После осмотра врач предположил пневмонию и порекомендовал мне поехать в больницу, но я, естественно, наотрез отказался. Какая на фиг больница?

В общем, если вкратце, так у меня появилась своя личная медсестра.

Бортич, чтоб её...

На протяжении нескольких дней она настырно пичкала меня всевозможными лекарствами. Без конца совала градусник под мышку, «мониторя ситуацию». Заставляла промывать нос и полоскать горло какой-то горькой херней. Отпаивала горячими супами и грозилась сдать в ближайшую боль-

ницу, если не буду пить и есть её «отраву».

Честно, в тот период было абсолютно не до разборок. Не было ни сил, ни желания с ней ругаться. Мужественно терпел и принимал все издевательства с её стороны. Точнее, мощь.

Почему? Да кто знает. Что-то очень странное произошло в ту ночь, когда Яська сменила на «посту» Черепанова, заступив на ночное дежурство.

Я помню, что она сидела у моей постели. Гладила меня по голове и лицу. Что-то тихо говорила и вроде даже плакала.

Пиздец. Неожиданно на хрен. Вот уж не мог подумать, что эта девчонка станет переживать за моё здоровье.

И тем не менее, она действительно переживала, иначе зачем нужна была вся эта возня со мной?

Учитывая наши непростые взаимоотношения, объяснения её поведению я не находил. А сам... Сам не оттолкнул и не послал, наверное, потому что впервые за долгое время просто почувствовал от кого-то заботу. Давно в моей жизни не было чего-то такого. Очень давно...

Крайние пару суток я много спал. День и ночь поменялись местами. Я потерялся во времени. Вот и сейчас, продравши глаза, не сразу понимаю, утро на дворе или вечер.

Просыпаюсь то ли оттого, что давит на клапан. То ли потому что в горле дико пересохло. Оторвав голову от подушки, поднимаюсь. Принимаю вертикальное положение, свешиваю ноги на пол и рассеянно моргаю до тех пор, пока картинка

перед глазами не становится чётче.

В комнате темно и тихо. За шторами в окнах дома, стоящего напротив, горит свет. Из чего делаю вывод, что время на улице всё-таки вечернее.

Чешу затылок. Расправляю плечи. Оцениваю состояние. Непонятное. Вроде и лучше стало, а всё равно как в каком-то коматозе пребываю, толком не соображая, что к чему.

Нащупываю телефон на тумбочке, забираю его и снимаю блокировку.

Часы показывают двадцать один сорок.

Свайпнув по экрану, просматриваю уведомления. Пропущенные: Кира, Череп, Паровоз, незнакомый номер, Кира, тётка, Кира. Открываю сообщения. Читаю.

позавчера

16:54 Кира: *«Я в салоне. Перекрасилась в тёмный, как ты хотел)»*

16:55 Кира: Фото.

16:55 Кира: *«Ну как?»*

17:45 Кира: *«???»*

17:49 Кира: *«Думаешь, мне не идёт?»*

вчера

16:20 Кира: *«Я купила новые трусики)))»*

16:24 Кира: Фото.

16:35 Кира: *«Как тебе?»*

16:36 Кира: *«Нравятся?»*

16:39 Кира: *«Сорвёшь их с меня?)»*

20:45 Кира: «Дым, у тебя отчет о прочитанных отключен или ты принципиально не отвечаешь на мои звонки и сообщения?»

21:07 Кира: «???»

21:27 Кира: «Супер»

22:58 Кира: «Череп сказал, что ты заболел. Не ждать тебя сегодня?»

01:09 Кира: «Ясно, не ждать, по ходу»

03:05 Кира: «Ложусь тогда спать неудовлетворённая(»

Блять, лишь бы потрахаться. И плевать, умираю я тут или что.

03:06 Кира: «Хотела сказать, что на НГ мои зовут нас к нам. Хочу, чтоб ты поехал. Я решила, что пора им всё-таки с тобой познакомиться»

Решила она.

сегодня:

08:34 Тётка: «Кирилл, набери меня, когда сможешь. Это срочно, мать кладут на операцию, нам нужны деньги.

13:20 Кира: «Паровоз звонил. Просил зайти к вам вечером. Сказал, что ко мне есть какое-то дело»

14:52 Кира: «Буду после одиннадцати, до этого времени я занята»

16:37 Кира: «Останусь у тебя переночевать? Приласкаешь?) Соскучилась»

17:50 Череп: «Выпей колёса. Какие – Яська написала на бамажке»

БАмажка. Дурень.

18:29 Череп: «Как проснёшься, скинь хоть смайл. Чтоб мы понимали, живой ты там вообще или нет»

Подсвечиваю фонариком прикроватную тумбочку. Тянусь за бутылкой воды. Откручиваю крышку и жадно пью, утоляя жажду. Следом беру в руки листок, выглядывающий из-под блистеров с таблетками.

«Кир! Эти таблетки выпей, как проснёшься. Большую (антибиотик) после еды. Отраву на плите. Холодное не ешь, погрей!! Горло и нос – ты помнишь, что делать. Не вздумай пропускать! Температуру чекни обязательно. Если высокая поднялась или болит голова, выпей вот это»

Командирша.

Встаю. Чересчур резко, ибо башка вдруг кружится и изображение плывёт по кругу.

Мать твою.

Несколько секунд требуется на то, чтобы вернуть себе способность ориентироваться в пространстве.

Щёлкаю выключателем ночника. Пересекаю комнату. Замечаю на кресле аккуратно сложенное одеяло. Именно там, свернувшись клубком, спала Бортич. Как на нём можно уместиться – большой вопрос. Оно маленькое, старое и жутко неудобное.

Куда делась, кстати? Обещала ведь, что не уйдёт. Точно помню.

Кое-как доползаю до ванной комнаты, где отливаю и за-

ставляю себя принять душ. Потный весь как козлина.

Чищу зубы, умываю морду и разглядываю в зеркале своё отражение.

Мешкари, щетина, осоловевший взгляд. «Красавец» тот ещё.

Перемещаюсь на кухню. Желудок агрессивно урчит, намекая, что пора бы чем-то закинуться. Давно не ел.

Провожу инспекцию кастрюль: поднимаю крышки и принохиваюсь.

Борщ. Куриные котлеты, гречка.

И то, и то сожрать охота.

Включаю плиту и, пока греется первое, стачиваю весь верхний ряд котлет.

Бля, Яське не скажу, естественно, но наедине с собой могу признать: она научилась-таки готовить. Клянусь, не думал, что подобному суждено случиться. Раньше в рот невозможно было взять её «шедевры». Сейчас – это вполне себе сносно. Не один я заметил. Пацаны в последнее время её прям хвалят. И не только за стряпню. Все мы заметили, что в квартире стало в разы чище.

Чудеса.

Заканчиваю с ужином, оставляю посуду в раковине и решаю вернуться в комнату для того, чтобы выпить опостылевшие колёса. В коридоре слышу, как проворачивается ключ в двери, а уже несколько секунд спустя в квартиру заходит Яська. Точнее, какая-то прокачанная её версия. В послед-

ствии я буду звать её «Бортич на максималках».

Сдёргивает капюшон, трясёт волосами и до меня долетают снежинки, не успевшие растаять в тепле.

– Ой. Привет, – здоровается, застыв на пороге.

Не моргая, на неё таращусь.

Это что ещё за на хер???

Она при полном параде. На лице макияж: красная помада, стрелки, ресницы. Волосы уложены крупными волнами. Под пальто платье. На ногах высокие, как их, ботфорды?

Стоп. У Бортич есть пальто и ботфорды?

Зависаю, отказываясь принять эту реальность.

– Поел? Таблетки выпил? Как себя чувствуешь? – засыпает вопросами, краснея.

Молчу.

Девчонка снимает пальто, расстёгивает молнию на ботфордах, скидывает их и залезает в тапки.

Ни хрена себе платье. Где вообще купила? Кто ей его продал?

– Ты какой-то странный. Плохо тебе, да? – приближается ко мне, кладёт прохладную ладонь на лоб и хмурится.

Пиздец, от неё ещё и духами пахнет.

– Да, температура, – заключает, вздохнув. – Сколько? Ты мерил? Судя по всему, нет, – шагает ко мне в комнату. – Дым, – зовёт.

Иду туда следом.

– Ты почему не выпил антибиотики? – шарит по тумбоч-

ке, проверяя блистеры. – Вообще ничего не выпил.

– Где ты была? – обретаю наконец голос.

– Где-где, на свидании. Поменяю тебе постельное бельё, пока ты стоишь, – снимает наволочку с подушки, простынь, пододеяльник.

На свидании.

То есть пока я подыхаю от пневмонии, она развлекается?

– Ребята не приходили? Череп чёт трезвонит мне весь вечер. Спросила сообщением, что такое, не ответил.

– То есть перезвонить минуту не нашла. Очень занята была на этом своём свидании? – выпаливаю раньше, чем удаётся подумать.

– Угу, – достаёт из шкафа чистый комплект белья.

«Угу»? Это всё?

Начинаю раздражаться, глядя на то, как воюет с простыню и пододеяльником. Ещё ж, блять, наклоняется, не специально, но демонстрируя свою задницу, обтянутую тонкой тканью.

– Там снежище такой! Сугробы повсюду, – рассказывает как ни в чём не бывало. Перекидывает волосы через плечо, открывая взгляду спину и острые лопатки. – Пойдём завтра с Черепом лепить снеговика и снежную бабу, – встряхивает одеяло. Платье задирается ещё выше. Мой взгляд произвольно скользит по её длинным и стройным ногам.

Где ты была?

На свидании.

– Ну вот, готово. Иди сюда, пей таблетки и ложись. Ты поел?

Бесит, как же бесит.

Не отвечаю.

Наливает воды в стакан, берёт таблетки. Разворачивается. Подходит ко мне. Натывается взглядом на мою хмурую рожу и мрачный взгляд.

Сука, аж светится вся! Глаза блестят. Щёки горят смущением.

– Пила, что ли? – прищуриваюсь.

– Немного, для настроения, – беззаботно пожимает плечом.

– Для настроения, – повторяю, сцепив зубы.

– Угу.

– Хватит, блять, угукать!

Смеётся.

Смешно ей!

– Ладно, ты не в духе, как я вижу, пойду к себе. Выпей это, – протягивает стакан, но я выбиваю его из её руки, и он с грохотом летит куда-то на пол, в тот же миг разбиваясь на осколки. – Ууу, ну ясно, – качает головой и выходит из комнаты.

Я не двигаюсь. Стиснув челюсти, перерабатываю полученную информацию. Часто дыша, слушаю, как остервенело колотится под рёбрами моё сердце. Чувствую, как закипает в жилах кровь и как расшатывает нервную систему, давшую

сбой.

Варюсь в своей чёрной ревности ещё минуты три-четыре. По итогу, не справившись с эмоциями, одержавшими верх над моим больным организмом, отправляюсь к Бортич.

Обшарив кухню и ванную, выхожу на балкон, где она по-прежнему обитает.

– Я переодеваюсь вообще-то, – бросает платье на раскладушку.

Стоит передо мной в одном белье и, пока я изучаю её тело голодным, злым взглядом, каждый волосок на моей коже встаёт дыбом.

– Кирилл, алё, выйди отсюда, – недовольно возмущается она.

Какой там выйди.

Прямо сейчас я направляюсь к ней.

– Кто? – дёргаю за локоть к себе.

– Ты про что? – лепечет, невинно хлопая ресницами.

– Дуру из себя не строй, – наклоняясь ближе, рычу на неё в ответ.

– Тише ты, спокойно.

Её губы растягиваются в издевательской улыбке.

И где-то тут предохранители у меня срывает окончательно.

Глава 22 Вскрываем карты

Яся

– Кто? Глухая? Я спросил, кто!

Давит. Прожигает тяжёлым взглядом. Расстреливает нас сквозь.

Не моргая, смиренно принимаю всю ту бурю, что на меня надвигается.

– Где ты была? – повторяясь, гремит надо мной громом.

Долго-долго смотрим друг другу в глаза – и вот оно. Это происходит.

Вдруг приходит чёткое осознание того, что впервые за те несколько месяцев, которые знаю Дымницкого, я чувствую от него те эмоции, которые так важны и нужны мне.

Он ревнует.

Не ясно, понимает ли это сам или действует бесконтрольно, не анализируя в моменте своего состояния.

– Кирилл... – морщусь в тот момент, когда его пальцы стискивают мои плечи.

– С кем? – словно через силу выдавливаю из себя главный вопрос. – Эмиль? – предполагает, и я вижу, как дёргается его губа.

– Имя для тебя имеет какое-то значение? – продолжаю говорить загадками, намеренно сохраняя бесящее его спокойствие.

– Ты на хрена с ним связалась? Зачем пила? – встряхивает меня будто тряпичную куклу.

Вздыхаю.

– Есть сигарета? Хочется покурить.

– ПОКУРИТЬ, БЛЯТЬ? – цедит, щёлкая зубами от злости.

– Угу.

– Ты итак уже весь мозг прокурила, по ходу!

– Переживаешь за меня или что? – интересуюсь, прищуриваясь.

– Ему тридцать шесть! В курсе?

– И что? Это только ты люто заморачиваешься на тему возраста, – отражаю равнодушно.

– Бортич...

– Главное, что МНЕ есть восемнадцать. Это позволяет и пить, и курить, и тра...

– Заткнулась, – шипит, когда воздух со свистом покидает его лёгкие.

Ревнует. Ревнует. Ревнует!

Радостно бьётся в моей голове набатом.

– Что такое? У тебя есть физические потребности, а у меня их быть не должно, что ли? – бью ладонями в каменную грудь, однако оттолкнуть не выходит. – Кое-кто регулярно шпилит эту свою мадам-Ебу, а я, получается, не имею права на то, чтобы с кем-то провести время и переспа...

– Причём тут она? – орёт, перебивая.

– Ладно, всё, проехали, – цокаю языком и закатываю гла-

за. — Отпусти, мне больно, — тоже начинаю злиться, хотя держалась до последнего.

— Ты с ним спишь? — ослабляет хватку, но выражение лица транслирует крайнюю степень шока и недоумения.

— Если и да, то какое тебе дело, — бросаю провокационно и резко сбрасываю с себя его руки.

Блин, а я шикарная актриса, оказывается! Подумать, что ли, об этом на досуге?

Довольная собой, забираю с раскладушки чистую футболку. Выхожу через кухню в коридор и, наконец, добираюсь до ванной.

Достаю с полки гель для умывания. Собираюсь смыть макияж, но этот ненормальный заявляется прямо сюда. Оборачиваюсь, когда дверь с грохотом ударяется о стену.

— Ты в себе вообще? — уточняю, выгибая бровь.

— И как давно это длится?

— Господи Иисусе! Какая разница???

— Он тебя спаивает? Принуждает к чему-то? — летит в меня один вопрос за другим.

— Принуждает?

Хохотнув, прыскаю в кулак.

Какая ж у него всё-таки богатая фантазия! Бедный Эмиль даже и не догадывается, как далеко мы с ним продвинулись.

— Тупая идиотка! У него есть жена и ребёнок. Он попользуется тобой и вышвырнет!

О как!

– Мне всё равно, я на её роль не претендую.

– Блять, что в твоей башке? – стучит пальцами по моему темечку.

– А в твоей, м? – задираю подбородок.

– Глупая малолетка.

Вижу, как его разгоняет ещё хлеще.

– Ты особо умным в этой ситуации, так-то, тоже не выглядишь. Суёшь свой нос в мою личную жизнь. С какой стати? Я что-то должна тебе, прости?

– Мы о тебе беспокоимся.

– Мы?

Любопытно.

– Я и пацаны, – поясняет он.

– Надо же! Зачем ты их сюда приплетаешь? Речь о тебе и обо мне. Пацаны не бросаются на меня с необоснованными претензиями и не оставляют на моём теле синяки! – с укором припечатываю.

– Нет там синяков! – его хмурый взгляд опускается на мои плечи.

– Завтра проявятся! – наезжаю в ответ. – Разве это нормально? М? Благодарность мне за то, что все эти дни провела у твоей кровати?

– Никто не заставлял тебя.

– Может, я делала это, потому что хотела? Потому что мне не насрать на то, что с тобой происходит? Может, потому что, несмотря на эту нашу вражду, есть ещё кое-что между

нами, Кирилл! Ты ведь не станешь отрицать это сейчас?

– Послушай...

– Нет, это ты послушай, – поднимаю палец вверх. – Я долго терпела. Твою ненависть, твоё свинское отношение ко мне. Со всеми, кроме меня, ты – абсолютно другой человек. Да, признаю в очередной раз: я виновата перед тобой. Извинялась уже за тот чёртов бумажник! Ну не могу я его вернуть! Случилось то, что случилось. Сколько должно пройти времени, чтобы ты простил? Это вообще когда-нибудь произойдёт? Или я теперь пожизненно для тебя в чёрном списке? Останусь лишь воровкой, не больше. Ответь мне раз и навсегда. Чтобы перестала стараться как-то исправить ситуацию! Видит Бог, из кожи вон лезу, чтобы наладить с тобой общение. Чтобы пробить грёбаную стену и достучаться.

Прорвало меня.

Не остановить теперь уже точно.

Всю правду обрушиваю на него.

Будь как будет.

– Не замечаешь очевидного? Не видишь, как тянусь к тебе? Не понимаешь, что чувствую? Что испытываю всякий раз, когда ты меня обижаешь? Именно ты, а не кто-то другой!

– Ясь...

– Ты слепой? – прямо в глаза ему смотрю. – Я... – голос садится, горло немеет. – Впервые, блин, так сильно, что... не знаю, что с этим делать.

Вот и почти сказала.

Провела жирную черту.

Раскрыла себя наголо.

– Ты...

Я думала, что он выглядел ошарашенным пять минут назад, но нет. То, как он смотрит на меня сейчас... Растерянно. Изумлённо. Не веряще.

Кирилл несколько мучительно долгих секунд пребывает в полнейшем замешательстве, но, увы, Дымницкий не был собой, если бы не сумел быстро взять себя в руки.

– Ясь, ты просто слишком молода ещё. Тебе кажется, что ты...

– Влюблена? – выпаливаю отчаянно, хоть и не собиралась произносить это слово. – Мне не кажется.

– Абсурд.

– Нет.

Качнувшись на носках, дёргает головой.

Как будто отказывается воспринимать озвученную мной информацию.

– У тебя сейчас такой возраст...

– Как ты задолбал! Причём тут грёбанный возраст? Что за пунктик? Тебе ведь не шестьдесят, ёлки-палки! Всего-то двенадцать лет разницы, Дымницкий! Что в этом страшно-го?

– Это очень много.

– Это всё твои загоны. Вон даже Шекспир писал: «Любви

все возрасты покорны».

– Это Пушкин.

– Да пофиг. Я про саму мысль.

– Бортич, ты не понимаешь...

– Я сказала тебе, что испытываю, – на этот раз перебиваю его сама. – Что насчёт тебя? Если отбросить обиды и прочее. Ты... Ты чувствуешь что-то тоже? Я нравлюсь тебе, Кирилл? Мы могли бы попробовать...

– Нет, – обрубает так жёстко и сердито, что разбушевавшийся в моей груди ураган закручивается в тугую спираль, стиснувшую рёбра.

– Почему так категорично? – шепчу, осипнув.

– Ты полнейшую чушь несёшь.

– Это не чушь, – задыхаюсь от обиды.

– Ты... Чёрт, – проводит рукой по короткостриженным волосам. – Маленькая и такая глупая. Придумала себе то, чего нет.

– Придумала?

– Фильмов своих дебильных пересмотрела?

– Я задала вопрос и жду ответа.

– Какого, нахуй, ответа? Ты спятила? – окончательно выходит из себя. Прощай, выдержка!

– Просто скажи. Я приму любой. Давай хоть раз поговорим честно.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Правду.

– Правду блять, – усмехается.

– Да, – делаю шаг вперёд к нему. – Вот мы один на один. Я стою перед тобой в белье. Ты напротив. Вздвинулся и... – опускаю глаза вниз на его джинсы, сглатываю. – Возбуждён.

Мои щёки заливают жаром, но реально, какой на фиг смысл отрицать очевидное?

– Нет ничего между нами, да?

– Нет.

– Погоди-погоди, то есть... – возвращаю взгляд к его глазам. – Ты так сильно меня ненавидишь, что у тебя встаёт?

– Пиздец, – снова слышу скрежет его зубов. – Ты пытаешься раздуть из мухи слона.

– Нет, я пытаюсь для себя прояснить ситуацию.

– Хорошо, давай я поясню, – наклоняется ко мне. – Это называется ёбаная физиология, а не то, что ты там в своей дурной голове насочиняла!

– А что по поводу твоей ревности?

– Чего блять?

– Того блять! Ты ревнуешь, – не спрашиваю. Утверждаю.

– Крышей поехала?

– Чего тебя так накрывает? Прискакал сюда. Выясняешь где была, да с кем.

– Ты время видела? А свой внешний вид? Проститутский.

– Это просто смешно, Дымницкий! Я не ребёнок!

– Ребёнок и есть.

– Тогда вдвойне странная на меня реакция, – нарочно сте-

бу.

– Обёртка и начинка не всегда совпадают. Думаешь, можно считать себя взрослой только потому что выглядишь как взрослая?

– Давай ближе к делу. Не надо опять заводить эту излюбленную шарманку. Что там по поводу нас?

– Нет никаких НАС, Бортич.

– Есть, – упрямо спору.

Он прикрывает веки. Тяжело вздыхает, выдерживая паузу. Открывает глаза.

– Врать не стану, я бы не отказался тебя трахнуть, но на этом, блять, всё. Ничего больше. Такой вариант допускаешь? Устраивает? Если да, то можешь опускаться на колени прямо здесь. Убьём двух зайцев сразу. Разобьём стёклами вовнутрь розовые очки и удовлетворим мои потребности.

– Пошёл ты... – тихо, но решительно выдыхаю.

Оттолкнув его вправо, выхожу из ванной.

Пулей пролетаю по коридору, ощущая, как кровь разгоняет по телу гнев и ярость. Именно эти чувства практически молниеносно заполняют каждую мою клеточку, каждый нерв.

Одеваясь, проклинаю себя за то, что сделала.

Какая глупая, Боже! Зачем рассказала ему всё? Зачем? Только полной идиоткой себя выставила.

Одеваюсь. По-армейски быстро. Носки. Штаны. Футболка. Свитер.

Срываю рюкзак со спинки стула.

Со злостью начинаю заталкивать туда свои немногочисленные вещи.

От силы пару минут мне надо. Встать на лыжи – не проблема. Я привыкла. И не пропаду.

Буду, конечно, тосковать по ребятам и прежней жизни, но оставаться здесь, рядом с Дымницким, больше не смогу. Не после сегодняшнего точно.

Дёргаю молнию.

Не желает застёгиваться.

Психанув, бросаю под ноги рюкзак. Прыгаю на него, чтобы утрамбовать содержимое и выпустить воздух. Повторно тяну за собачку и, наконец, справляюсь.

Со всем справлюсь.

Я сильная. У меня есть небольшая сумма денег на первое время. А ещё теперь у меня есть агентство Жарова, в котором я официально состою.

Подрываюсь с пола.

Покидаю балкон, прихватив свои пожитки и паспорт, который, к счастью, был у меня, а не у регулярно отбирающего его Паровоза.

– Куда собралась?

Это грёбанный Дымницкий.

И он преграждает мне дорогу.

Глава 23 О боли

– Отойди, – поджимаю губы.

– Поздний вечер на дворе.

– Плевать.

– Бортич, там зима. И это Москва. Ночью тебе делать на улице нечего. Попадёшь в неприятности.

– Спасибо за заботу. Вот только ты забыл, кто перед тобой стоит. Оборванка, воровка, бродяга.

– Ты девочка в первую очередь.

– Отойди, Кирилл. Я не хочу оставаться с тобой на одной территории. Дай мне уйти. Разве не об этом ты мечтал?

– Илья против.

– Мне всё равно. Это моя жизнь. Не вам решать, где мне находиться, – упрямо качаю головой.

– Рано он тебе паспорт вернул...

Вопросительно выгибаю бровь.

– Я знаю, что недавно ты уже собиралась покинуть этот дом. Из-за меня. Он рассказал мне.

– А тебя это удивляет? – фыркаю. – Ты регулярно поливаешь меня грязью перед пацанами. Некрасивая. Глупая. Бесящая. Раздражающая. Бесполезная. Не хозяйственная. Не умеющая готовить и содержать квартиру в порядке. Что там ещё?

Вздыхает. Устало потирает переносицу.

– Короче... Не пори горячку. Послезавтра Новый Год.

– И прекрасно! Лучшее время для того, чтобы начать новую жизнь.

– Я сам уйду утром.

К мадам-Ебу? Ну конечно!

Получается, что я сама поспособствовала тому, что их отношения переходят на новый уровень. Супер!

– Не нужны мне такие жертвы! – злюсь, как же злюсь! – Пропусти.

Пытаюсь обойти его, но он опять меня останавливает.

– Давай спокойно поговорим.

Ну надо же, снизошёл!

– Уже поговорили. Лично я услышала, что хотела. Больше мне здесь делать нечего!

– Я попробую объяснить тебе свою позицию, идёт? – оттесняет назад.

Разум подсказывает, что нужно послать его к чертям и уйти, но сердце... Оно умоляет меня его выслушать.

– Опять про возраст будешь заливать? – ставлю рюкзак на стул. Опираюсь спиной о столешницу.

– Двенадцать лет – это реально много. Даже если на секунду допустить эту твою бредовую идею о нас.

Значит, всё же допускает?

– Разные поколения. Мировоззрение. Между нами, блин, херова пропасть. Я школу заканчивал, когда ты пешком под стол ходила.

– Когда это было. Сейчас я – женщина, ты – мужчина.

– Какая ты женщина? Девчонка сопливая.

– Таких пар очень много, – гну свою линию. – И ничего.

Как-то встречаются. Живут вместе. Женятся даже и семьи создают.

– Я для всего этого не гожусь.

– Откуда тебе знать?

– От верблюда. Посмотри на меня. Ты – молодая девчонка, взбалмошная, яркая, шумная, жаждущая приключений и романтики. А я? – усмехается. – Замкнутый, угрюмый, тупо плывущий по течению ядовитый мухомор. Человек, не способный выражать свои эмоции и чувства. Человек, не способный отдавать. Потухший вулкан, блять. Что ты на хер нашла во мне? – искренне недоумевает.

– Ты не всегда таким был, правда ведь?

– Что ты имеешь ввиду? – хмуро на меня взирает.

– Ладно. Пусть ты возненавидишь меня ещё больше после этого, – расстёгиваю боковой карман. Вытаскиваю оттуда маленькую фотографию. Ту самую, которую он хранил в своём бумажнике. – Извини, что не отдала раньше. Мне не стоило держать её у себя так долго. Просто... Не знаю, как-то глупо ревновать к той, кого уже нет, но...

Смотрю на него растерянно.

Становится рядом.

Щёлкает зажигалкой, поджигая фитиль вставленной в рот сигареты.

Глубоко затягивается дымом и, не моргая, пялится на снимок, лежащий на столе.

– Когда вы были вместе, ты был другим, Кирилл, – тихо продолжаю. – Прости опять же, я нашла профиль Даны.

– Каким образом? Ты даже не знаешь её никнейм в соцсети, – его голос звучит сухо и сердито. Он явно не доволен тем, что слышит.

– Ну...

– Бортич!

Поворот головы. Долгий, требовательный взгляд.

– Прочла в твоей записной книжке, – пишу, густо краснея.

– Что за мания лезть в чужие вещи?

– Ну прости.

Я чёт только и делаю, что извиняюсь.

– В общем, я была на её страничке. Там до сих пор все ваши фотографии и видео. Можно вопрос? Почему не удалил? Ты же можешь. Программист и всё такое. Своё – всё почистил. Абсолютно всё. Уверена, даже друзья не в курсе, кто такой Кирилл Дымницкий.

Он молчит.

Замечаю, как периодически подрагивают пальцы, держащие сигарету.

– Кир...

– Не могу.

Его признание режет лезвием по сердцу.

Подтверждается моя догадка. Дело не только в нашей с

ним разнице в возрасте. Я давно и много думаю об этом.

– Я поняла, что ничего о тебе не знаю.

– Оно тебе и ни к чему, Ясь.

– Раньше ты вёл такую активную жизнь! Путешествия по Америке и другим странам, влог, экстрим. Взять хотя бы твоё увлечение профессиональным альпинизмом, – обескураженно развожу руками. – Офигеть, блин. Кто бы вообще мог подумать!

Хотя теперь мне понятно, откуда у него такая отличная физическая форма.

– Это всё в прошлом.

– Вот и я о том. Рядом с ней ты был живым, Кирилл.

– Смысл об этом тереть, закроем тему.

– Сколько лет прошло с тех пор, как твоя жена погибла?

Шесть получается?

Очень боюсь, что психанёт и не станет дальше вести со мной диалог.

– Шесть.

– Она сорвалась. Там писали в комментариях. Ты винишь себя в произошедшем?

– Не лезь в это, – моментом ощетинивается, поджигая вторую сишку.

Всегда выкуривает две подряд, когда нервничает.

– Скажи как есть. Винишь?

– Блять, да! Я отпустил её. Мы должны были быть там вместе!

– Гималаи.

– Макалу. Пятый по высоте восьмитысячник мира. Расположен в восточной части хребта Махалангур-Гимал, в центральных Гималаях, на границе Непала с Китаем.

– Значит...

– Я сломал ногу прямо перед отъездом. Тупая случайность.

– И она...

– Всё равно примкнула к команде. Без меня.

– Ясно.

– Сука, у меня было предчувствие и просил ведь её!

– Не послушала?

– Разругались накануне, – дёрганным жестом проводит ладонью по затылку.

– Ты не виноват. Это был несчастный случай.

– Она сорвалась! Будь я там, этого не произошло бы.

– Откуда тебе знать.

– Неважно теперь уже. Даны нет. На хрена ты вообще завела этот разговор? – злится и стопроцентно уже песочит себя за откровенность.

– Ты себя вместе с ней похоронил. Так нельзя.

– Учить меня жизни решила? Серьёзно, Бортич? – тушит окурок о пепельницу.

– После Даны... Был кто-то? И я сейчас не про таких, как мадам-Ебу.

– Пиздец ты ей прозвище придумала.

– Был? Хоть с одной девушкой заходило дальше потрапушек?

– Мне это не нужно. Я уже сказал тебе.

– Всем нужно, а тебе нет?

– Хватит полоскать мне мозг, мелюзга.

– Кирилл, я понимаю, тебе больно и ты тяжело перенёс эту потерю, – тщательно подбираю слова. – Но пойми, она умерла, не ты. Ты-то всё ещё живой.

– Мне так не кажется.

– Потому что загнал себя в глубокую депрессию.

– Давно психологом заделалась? Завязывай, блять.

– Когда ты в последний раз куда-то ездил? – подхожу ближе.

Тишина.

– Когда ходил в кино, погулять в парк? Когда веселился от души? Или дурачился? Совершал какой-нибудь безбашенный поступок?

– Я больше этого не ищу.

– Говорю же. Считай, что лёг рядом с ней в землю. Закопал себя. Умер вот здесь, – кладу ладонь ему на грудь.

Непроизвольно вздрагивает.

Вижу, как напрягаются мышцы пресса, реагируя на разницу температур. Моя рука, как всегда, холодная, а он горячий.

– Я когда попала в колонию, тоже думала, что всё. Конец.

– Как ты там вообще оказалась?

Опускаю руку. Закусываю губу.

Что ж. Ладно. Откровенность за откровенность. Иначе будет нечестно с моей стороны.

– По тупости своей.

– В четырнадцать получить срок в четыре года – это ещё надо постараться.

Прищуривается.

– Ты... Пробил, да?

Почему-то мне кажется, что да. Программисту-хакеру не составит труда выяснить нужную информацию, верно?

– Статью знаю. Был удивлён, мягко говоря. Ты только распространяла? Или ещё и употребляла?

– Ни то, но другое.

– Как же тогда оказалась в колонии?

Вдыхаю-выдыхаю. Воскрешаю в памяти тот вечер.

Жара. Летящий пух. Денис. Окрылённая я. В модном воздушном сарафане и кедах.

Куда делись мои шмотки – загадка, кстати.

– Мы с моим сводным братом гуляли по району. У меня в рюкзаке, вот в этом, – киваю на стул, – лежали купленные для поездки вещи. Щётка, расчёска и всякая другая важная мелочь. Я должна была лететь в Париж. Моё модельное агентство заключило контракт с европейским. И... В общем, перед прогулкой мы заходили к какому-то другу Дениса. Потом пошли в парк. Ели мороженое, разговаривали. Всё было как обычно, но в какой-то момент Денис вдруг начал странно себя вести. Оглядывался, нервничал.

– Понял, что вас пасут?

Киваю.

– Дай угадаю. Скинул тебе в рюкзак то, что взял у друга, – невесело усмехается, качая головой.

– Угу.

– Сказал тебе, что там?

– Нет. Только когда при выходе из парка нас остановили сотрудники, прошептал: «Не бойся, девчонку шмонать не будут».

– Вот гнида! И сколько там было?

– Много.

– Что потом? Этот урод так ни в чём и не признался? Тебя тупо закрыли вместо него?

– Да.

Чувствую, как по щекам катятся предательские слёзы.

– Хорош «брат».

– Он не просто сводным братом для меня был...

– Ещё лучше. А родители приёмные что же?

– Как думаешь, кому они поверили? Родному сыну или проблемной приёмной дочери, уже попадавшей в участок за кражу.

– Яся-Яся...

Впервые вижу в его глазах адресованное мне сочувствие и сострадание.

– Знаю, – шмыгаю носом и глотаю солёную влагу. – Дура...

Честно, я держалась до последнего. Не ревела когда слу-

шала от него все те обидные слова. Не ревела когда поняла, что совершила ошибку, признавшись ему в своих чувствах. Когда собирала манатки. Не ревела! Но сейчас... Я просто не могу остановить это.

Дрожа и задыхаясь, плачу, как самая настоящая слабачка. От жгучей, едкой обиды, кислотой разъедающей меня изнутри.

– Не плачь, – протягивает ладонь и вытирает шершавыми пальцами мои слёзы.

– Он даже не осознаёт, что жизнь мне сломал. Мечты все вздрезгивают. А они... Они просто выкинули мои вещи и... завели себе нового ребёнка. Будто и не было никакой Яси.

Беззвучно задыхаюсь. Ощущаю адскую боль под рёбрами. Глаза не видят ничего. Картинка плывёт.

– Ясь...

Когда берёт за руку, мне почему-то на мгновение ещё хуже становится.

Срываюсь окончательно. Горько-горько плачу. Как дитё.

– Иди сюда.

Делает то, чего совсем не ожидаю. Притянув к себе, крепко обнимает.

А мне, кажется, только это и нужно было.

Прильнув к широкой груди, тихо-тихо скулю.

– Тш... Всё у тебя наладится, – успокаивает, поглаживая по волосам.

Закрываю глаза и слушаю его сердце.

Смогла бы я когда-нибудь забраться туда, если бы мы встретились при других обстоятельствах? Смогла бы сделать счастливым?

Вдыхаю его запах, утыкаюсь носом в сильную шею. Чувствую, как шевелятся те самые бабочки, поселившиеся у меня в животе.

– Бортич...

Переход от имени к фамилии – это как красная карточка в футболе.

Встаю на носочки, чтобы дотянуться выше.

– Мне так больно и так хорошо с тобой, Кирилл... – прижимаюсь своей щекой к небритой скуле. Задеваю кожу губами.

Его сердце начинает стучать быстрее.

Оно совершенно точно живое.

Только бы не оттолкнул снова!

– Давай попробуем, м? Я и ты. Будь что будет.

Унижаюсь. Прошу.

– Ты сейчас ни черта не соображаешь, – напрягается весь. Зубы стискивает до хруста. – Ты... Обязательно встретишь хорошего парня, Ясь.

– Да не нужен мне никакой другой парень! – протестую.

Отклоняюсь чуть назад. Перемещаюсь вправо и замираю в опасной близости от его губ.

Всего на секунду.

Глаза в глаза.

Следующее действие диктует точно не здравый смысл, но...

Я всё же целую Дымницкого. Сама. Потому что совершенно точно осознаю: другого подобного шанса не представится. Не подпустит.

Глава 24 Error 404

Вы когда-нибудь прыгали в пропасть с большой высоты? Я – нет, но почему-то именно эта ассоциация приходит на ум.

Вот ты подходишь к краю.

Сомневаешься всего секунду, но решительно делаешь первый шаг в бездну, совсем не давая себе времени на раздумья.

Испуг. Неистовый мандраж. Стремительно разливающееся по телу волнение. Паника.

Момент свободного падения.

Летишь, закрыв глаза. Боишься посмотреть вниз, но в какое-то мгновение, это случается и тогда... Тебя захлёстывает волна чистого, искреннего восторга. Абсолютного счастья.

Вот так я описала бы свой поцелуй с Дымницким. Прыжок в неизвестность. Потому что совершенно не понятно, чего от него ожидать...

В последний раз я целовалась очень давно. Может, оттого испытываю жуткую неловкость, ведь сперва кажется, что я совершенно разучилась это делать. Однако, это только кажется. Та самая физика, о которой говорил Кирилл, делает своё дело, и всё происходит как должно. Страшно лишь оттого, что по началу он, обалдевший и явно в очередной раз шокированный моей смелостью, не спешит реагировать на

мой поступок.

Проходит секунда за секундой, а это по-прежнему игра в одни ворота.

Нет, пожалуйста. Не отвергай.

Задыхаясь от отчаяния, крепко обнимаю его за шею. Прижимаюсь своим телом к напряжённого торсу и целую так страстно-горячо как могу. Все свои чувства в этот сумасшедший поцелуй вкладываю и да, всё ещё плачу, всерьёз опасаясь того, что этот самый поцелуй станет для нас первым и последним.

Зажмуриваюсь до мерцающих точек.

В висках стучит.

Лёгкие не в состоянии вентилировать воздух.

Сердце, грохочущее в груди, захлёбывается кровью.

Почти умираю.

И внезапно воскресаю, когда руки Дымницкого с силой сжимают мою талию.

Пусть говорит мне что угодно. Разница в возрасте, взглядах на жизнь, мировоззрении, что-то там ещё... Отрицать тот факт, что между нами есть нечто большее, чем ненависть, по меньшей мере, глупо. Точно не сейчас, когда его губы, наконец, жадно терзают мои в ответ. Напористо, сердито.

Злится? Хорошо. Пускай. Я всё приму, но потом. Позже.

Его ладони забираются под свитер. Хаотично двигаются под ним. Исследуют. Гладят мой живот, спину, лопатки.

Крутанувшись, меняемся местами.

Шумно выдыхаю Кириллу в рот, когда зажимает у столешницы, позволяя физически ощутить, как сильно он меня хочет.

В голове звенящая пустота.

В ушах шумит.

В груди порхают и бьются крыльями взбудораженные бешеные бабочки.

Язык к языку.

Дыхание окончательно сбивается.

Беспомощно цепляюсь за широкие плечи.

Рывок – и вот моя пятая точка оказывается на гладкой поверхности.

Не отпускать. Главное не отпускать его. Не позволять анализировать происходящее, ведь если начнёт, то всё – труба.

Целую. Целую. Целую.

Пылко, чувственно, самозабвенно. (Последнее слово я увидела в словаре Володи Даля, кореша Паровозова).

Как я мечтала об этом поцелуе! Бывало, даже фантазировала.

Глупо, знаю. Учитывая то, как Дымницкий со мной обращался. Но разве можно противостоять тому, чего желает душа и сердце? Если не получилось сблизиться по-другому, то пусть хоть так...

Разорвав контакт на свой страх и риск, жертвенно подставляю шею, возжелав немедленно почувствовать там его

губы.

– Ммм... – то ли мычу, то ли стону, ощутив их, наконец, на своей коже.

Эта моя реакция заводит его и распаляет.

Целует агрессивнее. Прикусывает. Зализывает.

– Ещё.

Прошу. Почти умоляю.

Скребу ногтями его затылок. Бесстыдно подаюсь навстречу. Остро реагирую на ка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.